Джерри Золь

Пионеры бесконечности

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Открытие

1

По возвращении домой его приветствовал снег. Он видел ее из такси и ненавидел ее, морозный, мучнистый январский снег. Деван Трейлор хорошо знал ее в Чикаго. Подумаешь, он проносился повсюду, неся волны холода, и толпился у дверей домов.

Никогда еще снег не вызывал у него таких бешеных чувств, как сейчас, когда из Флориды его отозвали в Чикаго срочным призывом женщины, объявляющей что-то серьезное. Она три года ждала отпуска, и как только она добралась до него и ушла в свой домик на берегу моря, раздался звонок.

Мисс Трит настойчиво повторяла, что что-то не так.

Может быть, те из “внутренней электроники” сознательно ждали, когда она уйдет, чтобы действовать головой? Это не казалось ему вероятным. Он слишком хорошо их знал. С другой стороны, он считал, что также хорошо знает Беатрис Трит, чей голос по телефону был необычайно тихим и осмотрительным. Она сказала ему, что не может заставить себя говорить ясно, и все это не вписывалось в ее обычный образ действий.

Выхода не было: ему пришлось вернуться.

Он позвонил ей только что из аэропорта, но ответ, который она дала ему с невероятной холодностью, подтвердил, что она ничего не скажет ему, пока они не увидятся.

К тому времени Трейлор потерял терпение и с силой повесил трубку. Потом он выглянул из стекол телефонной будки и, наблюдая за первым поворотом снега, вдруг почувствовал огорчение при мысли, что даже когда они окажутся лицом к лицу, она все равно сможет молчать.

Но он сразу отказался от этой идеи. В дополнение к своей обычной зарплате в качестве секретаря Мисс Трит получала отдельную компенсацию именно за то, что она информировала его о фактах, которые могли ускользнуть от него. Он признавался, что иногда ему приходилось отделять то, что было чистой сплетней, от офисной работы, но это только из-за чрезмерного рвения с его стороны.

- Вы хотите повторить мне адрес? - Водитель такси немного откинулся назад и склонил голову набок, чтобы дождаться ответа.

— Я не давал адресов, - сказал Деван. - Это таверна в двух кварталах к востоку от “внутренней электроники”, как я уже говорил.

Такси остановилось перед “таверной Павлина”. Деван расплатился и, крепко прижав шляпу к ветру, прошел короткий отрезок, отделявший его от таверны, и вошел.

Раньше его не было, и теперь, оглядываясь по сторонам, он задавался вопросом, правильно ли он выбрал это место. Обмен довериями между ним и Беатрис Трит обычно происходил в его кабинете: но в этот час, тем более что он должен был еще погреться на флоридском солнце, его кабинет был бы не очень уместен.

Таверна получила свое название от старого пыльного чучела павлина, выставленного в витрине, чучело которого несколько раз воспроизводилось на внутренних стенах. Несколько клиентов, которые были в баре, следили за ним равнодушными глазами и тем самым возобновляли свои занятия. Он сразу узнал Мисс Трит сквозь густую дымовую завесу и направился к ней. Она сразу заметила обеспокоенное выражение его глаз.

- Мистер Трейлор! - воскликнул он, вставая. - Мне так жаль! Он никогда не видел ее такой подавленной.

— Перестаньте извиняться и садитесь, - грубо ответил Деван, снимая пальто и вешая его.

- Но я не мог поступить иначе! - Она чуть не заплакала, и поэтому Девану, садясь, пришлось взять ее за руки, чтобы утешить.

- Я не знал, хорошо мне или плохо звонить вам, но я должен был решить. Я только думал об этом и…

Из густого воздуха, окружавшего их, вышла официантка, и Деван заказал два коньяка.

Беатрис Трит была довольно крепкой женщиной, ей было уже за тридцать, но она сохранила изящество и изящество, присущие девушке.

Это и другие ее качества, такие как неиссякаемое рвение, эффективность и преданность, навязали ей в глазах Трейлора выбор секретаря после прибытия в “внутреннюю электронику”. О таком выборе Деван не пожалел. Ему часто приходилось признавать, что он не смог бы сделать всю эту работу без нее за три года.

Беатрис была простой и естественной, и когда дело дошло до блага “внутреннего” и Девана Трейлора, у нее не было никаких колебаний, хотя это часто ставило ее в трудные и неловкие ситуации.

Это был первый раз, когда он увидел ее в причудливой шляпе с красным пером и кружевом; кроме того, он должен был признать, что черное атласное платье, которое она носила, действительно подходило ей. По правде говоря, эта одежда немного поразила его, привыкшего видеть ее в офисе в строгой одежде.

Однако она была так бледна и стеснена, что видеть, как она краснеет, когда он ласково похлопывает ее по руке, доставляло ему удовольствие.

- А теперь, что вы мне скажете?

— Не знаю, с чего начать, - сказал он. - Все так ужасно запутано. Я счел нужным вернуть вас до заседания Совета. Они решили потратить … до миллиона долларов.

Деван вздрогнул. - Миллион долларов? Для чего?

- Вы уехали на прошлой неделе, после обычного заседания Комитета. Помните?

Да, он помнил. Нормальная администрация, второй вторник каждого месяца. Он подписал бумаги, сжал руки и, наконец, направился в свой дом в Оук-парке, чтобы забрать Беверли и маленьких, чтобы отправиться в аэропорт. Все казалось нормальным.

- Ну, они созвали внеочередное собрание. Они не могли связаться с вами, потому что вы уходили. Впрочем, они даже не пытались.

- Если я правильно понимаю, вы говорите об исполкоме, не так ли?

Мисс Трит кивнула. - Собрание было созвано Холкомбом по

просьбе мистера Оркатта. Были мистер Башер, мистер Холкомб, мистер Туксберри и Мистер Оркатт. Вот и все.

Это был исполнительный комитет, за исключением Оркатта. Гленн Башер, довольно молодой, уже принадлежавший к “Continental Electric”, в течение многих лет покупал материалы в “Inland”; Джеймс Холкомб имел в качестве Девана двойную должность, как для электронной части, так и для администрации, а также был председателем совета директоров, а Говард Туксберри был адвокатом с упрямым характером, который работал в “Inland” с момента его окончания.

- Что они сделали? - Спросил Деван, тревожно ожидая ответа. Без него Башер и Холкомб могли решить все, что угодно, даже если бы Туксберри возражал, поскольку в его отсутствие они составляли большинство. Не раз он встал на сторону Туксберри, заставляя комитет склоняться к более мудрым решениям.

- Они хотят потратить миллион долларов, мистер Трейлор, миллион долларов на научный эксперимент.

Деван стал ясно видеть нас.

Эдмунд г. Оркатт, президент “внутренней электроники”, был внушительным человеком с густыми белыми волосами, густыми бровями и ухоженными усами. Должность президента была возложена на него из-за его выдающегося положения в крупной организации по радио. Для Девана это был тип, за которым нужно было следить, поскольку он показал, что ведет себя с чрезмерной свободой в отношении т’Онди компании. По этому вопросу они сталкивались несколько раз.

Из того, что было видно из рассказа женщины, Оркатт созвал внеочередное собрание и выдвинул предложение, которое теперь перейдет к руководству, с особой рекомендацией исполнительного комитета. Руководство, после этого притяжения, легко легализовало бы такое предложение, как это всегда делалось в подобных случаях.

- Миллион долларов. Но это большие деньги. Что это за эксперимент?

- Не знаю.

- Разве вы не знаете? Но вас там не было?

Лицо Беатрис было измученным. - Вот в чем дело, мистер Трейлор. - Меня спросили, не вы ли уехали из города. Протокол заседания был позже составлен Мисс Фаверсгам.

- Кто спросил, не уехал ли я из города?

- Мистер Оркатт.

- Все так и есть. Прежде всего, они убеждаются, что меня нет, а затем указывают на встречу, убедившись, что вы не присутствуете, чтобы не дать вам возможности сообщить мне о случившемся. Но если вы не были там, как вы узнали, что они сказали?

- Ну что ж.…

Деван не стал настаивать. Он знал, что Эр-Рор будет расследовать его информаторов. — Во всяком случае, дело с каждой минутой становится все интереснее. Что вы обнаружили еще?

- Встреча состоялась в понедельник. Насколько я знаю, все это секретно. Я не знаю, что еще произошло, но я знаю, что они одобрили расходы. Он сделал паузу, чтобы сделать глоток коньяка. Девану показалось, что она очень рада, что может сказать ему такие вещи. Коньяк оказал на нее энергичный эффект: он оживил ее и вернул ей уверенность. Деван спокойно посмотрел на нее, позволил чертам ее лица растянуться дальше, сознавая, что бесполезно и неуместно требовать от нее сверх меры.

— Ах. я забыл сказать, что там был и Сэм Отто.

- Так, а? - Деван хлопнул себя по лбу. - Сэм Отто! Этот чертов обманщик! Не говорите мне, что они согласились на один из ваших проектов!

- Я не могу сказать наверняка, но я знаю, что они потратят миллион долларов и что Сэм Отто был с ними.

- Ситуация более серьезная, чем я думала, Беатрис. Пусть это сделает мошенник коме Сэм! - Он закурил сигарету, в то время как его мышцы были напряжены в каком-то болезненном бунте при одной мысли о Сэме Отто. Он положил свою визу на дюжину проектов Сэма Отто, маленького Сэма Отто с круглым невинным лицом и всегда потухшей сигарой между губ. Сэм обычно имел комиссию в размере пяти процентов по заключенной сделке. Это

означало, что в этом случае он заработает пятьдесят тысяч долларов!

- Да, мистер Трейлор. Сэм Отто был там раньше времени.

- Он не упускает ни одной возможности.

- С Сэмом Отто был некий доктор Костиган, ученый, на которого пойдут деньги.

- Не говорите так уверенно, Мисс Трит! Ни у кого не будет денег. У нас есть свои люди и наша лаборатория. Оркатт, должно быть, сошел с ума! Мне даже интересно, существует ли Этот доктор Костиган!

- Я только что сказал вам, что он там.

- Я знаю. Но держу пари, что это какой-то Сэм, которого Оркатт разыскал, кто знает где, и которому он заплатил сумму за свое выступление.

- У него был хороший вид.

Деван улыбнулся. - Вы не знаете Сэма Отто и его владельцев. Я должен отдать ему должное, подождал ли он, пока я не уеду из города, или заставил Оркатта ждать. Это все, что вы хотите сказать?

Секретарша допила коньяк. Деван с удовольствием заметил, что его серые глаза ярче, чем обычно, а щеки раскраснелись.

— Не совсем — - ответил он. - В офисе ходят слухи, что этот доктор Костиган работает в здании к югу от петли. Говорят, он жалуется, что наши лаборатории недостаточно велики.

— Конечно. На этот неудачный эксперимент они могут потратить все эти деньги и уйти с пути “внутреннего”. Костиган … - на мгновение имя задержалось у него в голове. В конце концов, он мог быть доктором Костиганом, но он не мог вспомнить его в области электронной физики.

- Какой эксперимент, по вашему мнению, они организуют?

Беатрис Трит посмотрела в свой пустой стакан. — Для меня это звучит как шутка, но я слышал, что сначала была длинная техническая дискуссия, а затем они открыли рисунок, который,

кажется, изображал космический корабль.

- Космический корабль? А что значит “внутренняя электроника” космического корабля?

- Вот о чем я все время спрашиваю.

- Почему вы не говорили мне об этом по телефону?

- Я бы хотел, мистер Трейлор, поверьте. Но я просто не мог говорить об этом космическом корабле. Это так глупо. И более того, я не знаю, правда ли это.

- О миллионе долларов вы хотя бы могли говорить.

— Но вы, конечно, спросили бы меня, для чего это нужно, и я была бы вынуждена поговорить с вами о космических кораблях. Нет, я просто не мог этого сделать.

— Ясно. - Он провел рукой по волосам. Он пытался понять, как можно придать конкретному аспекту проблему, отделив то, что было реальностью, от изобретения.

- Что вы будете делать?

- Не знаю. - Дело дошло только до исполкома. Он радовался этому. Конечно, другие не будут тратить время на созыв заседания Совета; и он прибыл как раз вовремя для этого. Он не знал, какой результат может иметь его письменное обжалование решения исполкома, даже если он был его членом. Чтобы объяснить это, понадобился бы адвокат. В любом случае нужно было что-то делать. Он обязательно должен был убедиться, что Сэм Отто не получит деньги.

— Может быть, - сказал он — - что в офисе взорвется бомба.

Она посмотрела на него так заметно обеспокоенно, что Деван вынужден был улыбнуться.

- Ну, не совсем. В глубине души я не думаю, что они хотят потратить миллион долларов на космический корабль, не так ли?

- Я тоже так думаю.

- Кроме того, на строительство космического корабля потребуется еще больше миллиона долларов. - Это очень тяжело, Мисс Трит. Завтра утром я отправлюсь в Оркатт.

2

Деван только что закрыл за собой тяжелую дверь своего кабинета, когда перед ним появилось лицо Эдмунда Оркатта.

От Оркатта почти ничего не ускользало, и Деван тогда был уверен, что ему уже сообщили о его присутствии. Она видела, как он встречался с искренней улыбкой на дружелюбном лице и совсем не удивлялся, По крайней мере, видимо, видеть его там.

— Хорошо, Деван, — с жаром воскликнул старик, выходя из коридора, ведущего в различные исполнительные кабинеты, и приближаясь тихими шагами к ковру, покрывавшему вестибюль. - Какой сюрприз!

Деван позволил ему пожать руку, как будто они не виделись уже год. Он был одним из князей Оркатта, убежденным в том, что никогда нельзя знать момент, когда рука, которую вы пожимаете сегодня, может стать рукой, которая поможет вам завтра. И Деван, пусть и неохотно, должен был признать, что не раз эта тактика работала в пользу “внутреннего”; нельзя было по-настоящему критиковать круг влиятельных друзей Оркатта.

- Я думал, Вы во Флориде, и только на днях я спросил мисс Трит, уезжаете ли вы. Он сказал “Да”.

Во время разговора она обняла Девана за плечи и направила его в коридор. Она на мгновение повернулась к секретарше, которая находилась во внешнем кабинете. - Мы с мистером Трейлором хотим остаться в покое, Мисс Темплтон.

Когда они вошли в кабинет, весь обшитый орехами, Оркатт закрыл дверь и сказал: - что, черт возьми, заставило вас вернуться, мой мальчик? С ужасной погодой! — Он опустился в кожаное кресло и дружелюбно улыбнулся Девану, слегка покачиваясь.

- Вы чертовски хорошо знаете, почему я вернулся, Эд!

Оркатт вздохнул, двинулся вперед и начал набивать трубку.

- Мне очень жаль, что вы решили вернуться, Дэв. Однажды вы сказали мне, что я не незаменим. Вы не думаете, что вы можете обойтись без вас на некоторое время? - Закуривая трубку, он

изучал Девана из-под густых темных бровей.

- Но миллион долларов-это много, Эд! И в руках Сэма Отто!

- Так вы все знаете. Когда - нибудь я узнаю, кто дает вам эту информацию, хотя я думаю, что у меня уже есть представление об этом. - Оркатт улыбнулся. - Это должно было быть секретом. Но всегда есть что-то, что ускользает. Я должен был это представить. Вам не нужно было возвращаться. Вы должны быть во Флориде. Вы заслужили этот праздник!

- Чтобы “Инленд” потерял миллион долларов?

Оркатт продолжал доверительно улыбаться, и это чертовски огорчало Девана. Вместо извинений или объяснений Девану показалось, что старик повеселел.

- ”Инленд ” не потеряет ни копейки, Деван!

- Можете поспорить. И знаете почему? “Внутренний” не будет вкладывать ни копейки в поиски, чтобы выбраться отсюда.

- Вы верите?

- Я уверен. - Деван, стоявший до этого момента, присел на кожаный стул, скрипнувший в приветствии. Он притянул к себе еще один стул и уперся в него ногами.

- Когда заседание Совета директоров?

- Сегодня днем. Вы что-нибудь знаете об этом? Удивительно, как вы так много знаете, так как вы были далеко.

- Сегодня днем, а? Разве вы не немного форсируете время?

- Вообще-то, я намерен действовать как можно быстрее.

— А что бы вы сделали, если бы я подал апелляцию на отмену принятия исполкома?

- Это было бы глупо с вашей стороны, поскольку решение уже принято Комитетом.

- Все равно не говорите мне, что Туксберри проголосовал за вас.

- Нет, этого я не могу сказать.

- Ну, тогда ассамблее придется признать, что это злоупотребление, так как заседание состоялось в мое отсутствие.

- Но это не будет считаться. Тот факт, что вы были вне города, составил прискорбное обстоятельство.

- Вы ждали, когда я уйду.

- Погоди, Деван! - Оркатт вынул трубку изо рта,и пепел рассыпался. Глаза были холодными, а уголки рта напряглись. - Не от вас говорить такие вещи, абсолютно. И тогда это неправда, - жестко сказал он.

- Что ж, не могли бы вы объяснить мне тогда, почему все это произошло сразу после моего отъезда?

- Я хотел бы узнать столько же, сколько вы, чтобы поговорить с нами откровенно. Если вы не знаете об этом, я скажу вам, что это было внезапное решение.

Деван невесело рассмеялся. - Я вижу Сэма Отто, который ждет, когда я уеду сюда, чтобы продать вам одну из его глупых идей.

Он почувствовал, как гнев нарастает в его теле, поэтому встал и направился к двум близнецовым иллюминаторам, нажал кнопку, которая вращала экраны “поляроида”, и смог заглянуть в комнату редактирования.

В этой комнате были установлены маленькие замысловатые мозги для управляемых пуль, детали для вычислительных машин; устаревшие изобретения, такие как” радар ” рядом с электронными механизмами, которые до сих пор игнорировала публика. Это была только часть завода. Были и другие части, где были построены каталогизированные предметы для продажи публике. И была комната, в которой “внутренний” делал машину, включающую радиоактивный металл, согласно правительственным спецификациям, и даже Оркатт понятия не имел, для чего он может служить, будь то полный в себе или часть более сложного механизма. Это было на плане, где проходила наибольшая часть исследований.

Оркатт прочистил горло. - Я понимаю ваши недоумения, Деван. Я тоже не доверяю Сэму Отто. Но вы можете сразу понять, что это не глупая идея.

Оркатт не шутил. Он, казалось, был полностью убежден в том, что

говорил. Деван подумал, что между Эдмундом Оркаттом и Сэмом Отто должна быть тайная договоренность.

— Послушайте, - сказал Деван, поворачиваясь к темнеющим окнам. - Я знаю Сэма Отто лучше вас. Я его уже много лет знаю. Он пытался продать мне устройства, сюрпризы и “мирабилию” с тех пор, как я профессионально занялся электроникой в 1940 году. Он никогда не терял меня из виду, даже когда я был под оружием, ожидая, когда я вернусь, чтобы подчинить себе ту или иную идею. И абсолютно ни один из его дурацких проектов никогда не стоил Чик. Он набросился на нее с проектом, взял пять процентов, затем перерезал веревку и сразу же развернулся, чтобы найти кого-то, кого можно обмануть.

— Вы нравитесь Сэму Отто, - сказал Оркатт.

— Для него я всегда был потенциальным ребенком. Вы не можете позволить себе не сочувствовать мне.

- Он очень сожалел, что не нашел вас на собрании.

- Не сомневаюсь. - Деван остро уставился на Оркатта. - Какова была ваша цена в этом деле?

Оркатт все еще улыбался. - Во всех отношениях, Деван.

Деван поднял руки: - сдаюсь. - Вы мне всегда нравились, Эдмунд. Но сейчас я вас не понимаю.

Оркатт открыл ящик. Он снял несколько листов бумаги.

- Вы сказали пять процентов. Посмотрите на этот контракт. Он еще не подписан, но будет после заседания комитета сегодня днем. Я сэкономлю вам время, объявив, что вы нигде не найдете имени Сэма. И знаете почему?

- Я нетерпелив.

Оркатт потянулся через стол. — В этом деле нет ни копейки.

Деван взял листы, внимательно просмотрел их, просмотрел все абзацы. Человек по имени Костиган должен был взять миллион долларов за эксперимент, который он сам возглавит.

Деван снова бросил карты на стол.

— Отлично, - сказал он. - И что же тогда Сэм делает в этом деле?

- Сэм верит в этот проект. Как я в это верю.

- Пробормотал Деван. - Я должен видеть, чтобы поверить в это. Возможно, Этот доктор Костиган что-то ему продал. Это было бы весело после всех этих лет! Продать Сэму космический корабль!

- Космический корабль? - Оркатт на мгновение уставился на него, затем выпалил, смеясь так со вкусом, что у него на глазах выступили слезы.

- Это действительно здорово. Это самая забавная вещь, которую я слышал за последние годы. Ваш информатор не был точным, но теперь я понимаю, как это произошло. Если бы вы только знали, вы бы тоже умерли от смеха.

- А что это тогда? - спросил Деван, краснея.

Оркатт собрался. - Я не могу вам сказать, Деван. Это очень секретно, и мы все согласились не говорить об этом наедине.

- Вы хотите знать мое мнение? Для меня Этот доктор Костиган и Сэм Отто соединили вас. - Деван как-то досадливо поморщился.

- Вы можете думать, что хотите, Деван, но я хочу сделать с вами круг.

- И где?

- В лаборатории доктора Костигана.

Деван не шевельнулся. — Я очень уважаю вас, Эд, но это действительно абсурдно, что вы не можете говорить о деле, которым занимается компания, в офисе этой компании и в присутствии члена исполкома. И еще кое-что: почему вы не позволили Мисс Трит взять ее записи? Я должен вам это сказать? Что ж, вы не хотели, чтобы он был в состоянии сообщить мне о ваших решениях.

- Извините, но вы совершенно сбились с пути. Деван. Именно она не хотела делать заметки, намереваясь придать фактам большую серьезность, чтобы вы немедленно вернулись.

- Я вам не верю. С какой стати ей понадобилось, чтобы я вернулся? - Возмутился Деван. - Вы говорите бессмысленные вещи, Эд.

- Ради бога, Дев. Но вы слепы? Разве вы не понимаете, что девушка влюблена в вас? Мы все это заметили и поняли ситуацию.

- Беатрис Трит? - Засмеялся Деван. - Но нет, Эд, этого не может быть. Я женат, у меня двое детей.

- Может быть, любовь рассуждает? - Не будьте так наивны, Дев. С тех пор, как вы уехали во Флориду, он сделал все, чтобы вы вернулись.

- Но у нее были все основания, любовь она или нет. Он прекрасно знал, что мысль о том, что миллион долларов, брошенных “Инлендом” по прихоти, не пойдет мне на пользу.

— Поскольку мы говорим друг с другом откровенно, Дев, я хочу вам кое-что сказать. Вы слишком уверены в себе, слишком убеждены, что знаете все. Теперь я скажу вам, что мое будущее зависит от этого приключения. - Тряхнула пеплом трубка. - Мы могли бы немедленно пойти к Джимми и спросить его мнение по этому поводу. или к Гленну, и вы сразу увидите их реакцию. Но лучше всего то, что вы видите это своими глазами. Я знал, что вы придете, и уже все выложил. Идем.

Многоквартирный дом, в котором находилось устройство, представлял собой старое кирпичное здание, которое, по словам Девана, должно было не использоваться как минимум три года. Они несколько раз объезжали дом в Кадиллаке Оркатта, который тихо ругался, потому что не было ни малейшего места для парковки машины.

— Есть люди, которые ставят машину здесь и имеют свою работу в петле, - сказал Оркатт, поворачивая машину вокруг другого угла. - Когда мы приедем сюда на работу, нам понадобится место для парковки машин компании. Я не понимаю, как.

Деван замолчал. И хотя он не хотел предубеждать текущий проект, его интуиция также подсказывала ему, что он видит это правильно. Во-первых, что бы это ни было, он не понимал, почему нужно так отдаляться от “внутреннего”. Там было много места для поиска, и проблем с парковкой не было. Теперь нужно было увидеть, что это за проект.

Наконец они припарковались в двух кварталах и направились на слой затвердевшего снега, покрывающего тротуары. Подойдя к пустому зданию, они обогнали таверну и сантехнический цех,

внутри которого они мельком увидели мутное стекло, краны, трубы и различные аксессуары, сложенные в хаотическом беспорядке. Рядом находилась типография с небольшой выставкой образцов прессы, поэтому на четком, выкрашенном в белый цвет фасаде была надпись “миссия для заброшенных (Суддута)”. В витрине стояла открытая Библия, и маленький огонек освещал ее страницы. По соседству находилась бакалейная лавка, продуктовый магазин Ходжа, едва освещенный и из запотевших стекол которого не было видно изнутри.

Под историческим карнизом, возвышающимся над пятью этажами соседнего дворца, выделялась следующая надпись золотыми буквами, хорошо центрированная по длине:” компания Расмуссен — Стоув”, все на филигранном фоне. Письма выглядели беспорядочно: постоянная экспозиция обесцвечивала и смачивала их, они лежали друг на друге, и последняя буква отсутствовала. Деван задумался, куда она делась.

— Я не понимаю, что они занимаются отопительным материалом уже двадцать лет, - сказал Оркатт. — Во время войны там делали рабочие инструменты, такие как плоскогубцы и долота. Пошли!

Он подошел к входной двери и постучал. Деван заметил на старой двери новый замок. Затем дверь отворилась на несколько дюймов, из которой выглядывал, глядя на них, старик, весь в шарфах и чехлах.

- Я Эдмунд Оркатт. Меня ждет доктор Костиган.

Старик снял цепь, открыл дверь и встал перед входом, преграждая проход.

— Документы, удостоверяющие личность, - сказал он.

- Документы?

— На всякий случай, - сказал старик, не шевелясь. - Сказал мистер Отто.

— В аду Сэм Отто, - проворчал Оркатт, вынимая из кармана свою визитную карточку и показывая ее мужчине.

- А он кто? - сказал старик, указывая на Девана.

- Он со мной.

Старик сомнительно покачал головой. - Не знаю, мистер Отто.…

- Но я знаю. Мы должны войти. На улице холодно.

- Но внутри уже не жарко. — Он отошел в сторону и, когда двое проскользнули внутрь, сказал: — минутку. — Затем, как только он закрыл дверь и вернул цепь на место, он пригласил их подняться с ним.

В здании было даже холоднее, чем снаружи, именно из-за того чувства Мороза, которое ощущается в неотапливаемых домах. Маленькая масляная печь, которую старик держал рядом с собой, совсем не нагревалась. Дыхание обоих образовало странные эффекты в воздухе, когда они продолжили со стариком, идущим по неровному полу, к мрачной задней части дома. Здесь они поднимались по старой лестнице, которая скрипела под их весом со звуком, усиливаемым царившей вокруг пустотой.

На втором этаже стоял какой-то деревянный сарай с четкими окнами, а внутри вибрировал люминесцентный свет. С крыши уходило несколько наборов переплетенных электрических проводов. Деван не мог видеть никого внутри здания, а вслед за стариком они обошли ее; но, подойдя к двери, которая была открыта, Деван увидел Сэма Отто.

Это был все тот же Сэм Отто, круглый и пузатый, с веселым выражением лица и с неизменной сигарой, свисающей с его губ. Те же блестящие глаза, то же дружелюбие и, сказал себе Деван, та же болтливость.

- Деван, Деван! - Сэм очень тепло приветствовал его, оказав при этом праздничный прием и Оркатту. — Доктор Костиган, у нас есть визиты, — сказал он. - Входите, здесь есть место для всех! На улице холодно. - И старику: - хорошо, Кейси, идите.

Сэм был взволнован и понятен. - Я знаю Вас, Деван. Вы не поверите. Но мистер Оркатт тоже не верил, не так ли, Оркатт? - Засмеялась она и толкнула его в лоб. - На этот раз я здесь. — Но прежде чем продолжить, он счел нужным избавить Девана от видимого смущения, в котором он находился, представив ему другого человека, которого он еще не знал.

- Доктор Костиган, это Деван Трейлор. Деван, я хочу, чтобы вы познакомились с доктором Костиганом. Было бы лучше закрыть. Есть радиатор, но вы не чувствуете жара с открытой дверью.

Деван подал руку высокому худому мужчине с редкими волосами и блестящими серыми глазами. Его рука была мягкой и слегка изогнутой, как будто ее рост доставлял ему дискомфорт. Ему было около шестидесяти лет.

— Очень рад, - сказал доктор Костиган. У него был низкий, добродушный голос, и все его поведение обозначало застенчивого человека. - Вы работаете в “Инленде”, мистер Трейлор?

- Если он в “Инленде”? - Сэм встал и дружески похлопал Девана по плечу. - Он всего лишь один из директоров, доктор! И более того, постоянный член исполкома.

Ученый посмотрел на него с большим интересом.

— Он был во Флориде, - объяснил Оркатт, снимая пальто. - Он вернулся, когда узнал о проекте.

— Ах да, отсутствующий, - на лице Костигана появилась мимолетная улыбка. - Я помню, что одного не хватало.

- Разве вы не предупредили доктора Костигана, что мы придем? — спросил Оркатт у Сэма с несколько раздраженным видом.

— Никогда не беспокоить доктора из — за мелочей, - сказал Сэм. Потом засмеялся. - Не то чтобы Деван был пустяком. Наоборот. Но доктору уже есть о чем подумать. Так он узнал о вашем приезде, когда увидел, что вы пришли.

— Я просто хотел обратиться к врачу, чтобы сообщить ему о моих решениях, - сказал Оркатт.

— Конечно, - ответил Сэм. — Конечно. Доктор знает, правда, доктор? - Доктор Костиган только поднял брови и, казалось, собирался что — то сказать, когда Сэм возобновил: - как вы, Деван?

— Лучше, чем это… - ответил Деван, испытывая мучительное чувство, что он зря тратит время. Это становилось все более нелепым. Он сожалел, что был там. - Мне кажется, что пришло время, Сэм, показать мне эту маленькую штуковину, которая способна превратить карт-бланш простым поворотом рукоятки в двадцатидолларовые купюры. Вы не верите? Это золотая печь, из которой выходят настоящие бриллианты или золотые кирпичи?

- Всегда хочется шутить, - засмеялся Сэм. - Обычный старый

Деван. Большой шутник, знаете ли, доктор?

Сэм вынул сигару изо рта и положил ее на край стола. - Откуда мы могли знать, что мистер Трейлор придет, доктор? Так и есть жизнь, непредсказуемая. Обещание-это обещание, я знаю, но мы не должны забывать, что мистер Трейлор-важный человек в “Inland”.

- Но все эти люди! - Доктор выглядел обеспокоенным. - Я сказал, что покажу его только один раз, и вы согласитесь.

- Но доктор! Мистер Оркатт привел Девана сюда, чтобы увидеть его.

— У меня его нет с вами, доктор, - сказал Деван. — Если бы у меня было что-то очень важное и я решил не показывать это, я бы действовал одинаково. Не было бы ничего плохого, если бы я уже много раз не оказывался в подобных ситуациях с Сэмом.

— Минуточку, Деван, - сказал Оркатт. - Мне жаль, что я виновник всего этого. Я обещал Девану, что он увидит машину. - Затем, с решительным выражением лица, продолжил: - Но вы должны убедиться, что мы хотим получить одобрение Совета сегодня днем! - Он посмотрел на свои наручные часы: — сейчас одиннадцать, встреча в час тридцать, а дел много.

Деван опустился на стул, закурил сигарету и с отвращением посмотрел на них всех троих. - Послушайте, - сказал он — - я уже давно занимаюсь бизнесом. И мне кажется маловероятным, что есть что-то настолько сенсационное, чтобы заслужить все эти колебания, если только это не новая супербомба. Так что, вытащите это дело и дайте ему немного посмотреть, или я скажу комитету, что я думаю обо всей этой махинации.

— Деван, — сказал Сэм обиженным голосом, - вы не знаете, что говорите.

— Вам лучше показать его, доктор — - сказал Оркатт — - иначе это кажется действительно бессмысленным.

На мгновение доктор Костиган не сдвинулся с центра комнаты, и его глаза казались полными сдерживаемой ярости. Затем она собралась и направилась к двери, которая открывалась с другой стороны комнаты.

— И ладно, - сказал он, вынимая из кармана ключ и засовывая его

в замок.

Деван испытывал огромное желание рассмеяться, но сдержался. Он повернулся к Сэму, затем к Оркатту и, увидев улыбающееся выражение их лица, подумал, насколько эта комедия была в его пользу. После того, как доктор открыл дверь,Деван раздавил окурок и последовал за остальными в помещение.

Это была небольшая комната, примерно три на три пятьдесят метров, освещенная несколькими люминесцентными лампами вокруг стен. Вдоль одной из них находилась скамья, а на стене над ней были выложены, ну по порядку, какие-то инструменты, знакомые ученым-электронщикам.

За стойкой были сложены детали для радио и электронного оборудования, в том числе различные приборы управления, осциллограф, трансформатор, стабилизатор напряжения и различные подобные аксессуары. Если бы не стена, расположенная справа, полная инструментов большего размера и огней, кнопок, розеток и измерителей, ее можно было бы обменять на лабораторию радиолюбителя, хотя и несколько необычного типа.

В углу комнаты доктор Костиган сгорбился над сейфом. Быстрыми жестами он установил комбинацию и открыл тяжелую дверцу.

Сэм Отто попытался помочь ему, но доктор сделал знак ему отступить. — Я справлюсь, — сказал он.

Костиган осторожно сунул руки в сейф и извлек из него длинное металлическое тело, которое во всем напоминало блестящую серебристую ракету, диаметром сантиметров тридцать. Круглое основание было пробито арочным отверстием, которое продолжалось по всей ширине металлического корпуса.

Доктор Костиган кропотливо двинулся вперед с боеприпасом в руках, и все остальные двинулись ему навстречу. Он поставил его на скамью, вызвав глухой шум, а затем, схватив за конец, поставил в вертикальное положение. “Ну, по крайней мере, он выглядит как космический корабль”, - удивленно сказал себе Деван. Беатрис Трит сказала правильно. Он был около метра в высоту, и огни отражались в нем яркими проблесками.

Доктор выглядел очень занятым; он открыл ящик стола и снял несколько рулонов веревки, которые он зацепил за опоры вдоль

шпинделя, а затем потянул к опорной панели. Когда он работал, его длинные тонкие пальцы ловко шевелились, и вся медлительность, которую приписывал ему Деван, исчезла. Однажды, когда Костиган повернулся к измерительной панели, Деван увидел в свете ослепительных ламп фанатичное выражение его лица.

Все с напряженными нервами следили за различными этапами операции.

— Может, придется открыть, - сказал Сэм. - Воздух здесь тяжелый.

— Оставьте дверь закрытой, пожалуйста, - сказал Костиган. - Я почти готов. - Счетчики начали работать, иглы качались, и внутри устройства раздался щелчок. Затем включился двигатель, издав глухой шум.

— А теперь … - сказал наконец доктор.

- А что теперь? - спросил Деван с сарказмом.

- Подождите, - сказал Сэм.

— Ради бога, — сказал Оркатт, - дайте доктору хоть немного уверенности.

— А теперь, мистер Трейлор, если хотите добра, пожалуйста, - сказал Костиган.

Деван подошел к стойке, и Оркатт и Сэм заняли его место.

- Видите эту дыру внизу? - и Костиган указал на арочное отверстие у основания пулевидного ствола. - Загляните внутрь. Я положу пальцы на другую сторону. Так.

Деван изогнулся. - Будь я проклят! — сказало.

- Что вы видели? - удивленно спросил Сэм.

- Я видел два пальца с другой стороны!

- Сэм прав. Вы остроумный парень, Трейлор. А теперь, - доктор прочистил горло: - положите палец в проем.

Оркатт и Сэм приблизились, чтобы увидеть, но Деван не решался выполнить то, что приказал ему Костиган.

- Сначала скажите, что будет дальше.

Доктор покачал головой: - абсолютно ничего плохого. Давай, давай.

Деван все еще колебался, глядя на всех троих в ожидании своего решения. Наконец он пожал плечами и сунул палец в проем. Он ничего не услышал и через некоторое время снял его.

- Все довольны? — церкви.

— Вы не смотрели пальцем во время выполнения, - запротестовал доктор.

- Давай, Деван, - нетерпеливо произнес Оркатт. - Не суетитесь.

Деван снова приложил палец к отверстию. Было достаточно места не только для пальца, но и для всей руки, но он ввел в нее только один палец и подождал.

Мало-помалу палец исчез из виду. Изумленный, он снял его и посмотрел на него. Он всегда был целым. Его сердце ускорилось пульсацией. Он снова сунул палец в машину и увидел, что она все еще исчезает. Он почувствовал, что его палец остыл, и коснулся его другой рукой. На самом деле было холодно.

“Это шутка, - подумал Деван. “Через мгновение все будут смеяться мне в лицо”. Он повернулся, чтобы понаблюдать за присутствующими. Глаза Костигана были явно ироничными. Сэм Отто смотрел на него с доброжелательной гримасой. У оркатта горели глаза. Он был явно взволнован.

Деван изогнулся и снова посмотрел на металлические стены, проводя пальцем по краю проема. Это была точная обработка. Металл был ценным.

Он сжал кулак, затем приблизил его к отверстию и вонзил в него, пока его рука не оказалась полностью внутри машины до самого плеча. Он протянул другую руку, чтобы встретить руку с другой стороны.

Но его руки не было. Просто пустой рукав.

В ужасе он загнул руку внутрь внутреннего канала и не нашел ничего, кроме воздуха там, где должны были быть стенки трубы. Затем он почувствовал холод, как будто провел рукой по окну,

через дыру.

Он сердито покачал рукой. Это было мороженое.

3

Деван уставился на заостренный серебряный цилиндр, и взгляд его смутился, когда длинный ствол сверкнул на свету. То, что произошло, глубоко поразило его. Его разум отказывался верить доказательствам, но его глаза и рука не обманывались.

Должен ли он верить своему разуму или тому, что он испытал? Пот стекал по лбу, сердце билось быстро, а нервы напрягались.

Он не “хотел” верить тому, что видел и делал, но что тогда? Если бы все это было хитроумным трюком, и он думал, что в конечном итоге окажется таким, он никогда бы не простил себя за то, что был настолько глуп, чтобы поверить в это. Но как доказать, что это был хороший и хороший обман?

И все же за несколько минут до этого он сунул руку в полированный металлический цилиндр, а с другой стороны вышел пустой рукав!

- Ну…? - Голос Сэма был торжествующим.

“Иди к черту, - подумал Деван. “Вы просто пытаетесь загнать меня в угол! Вы хотите, чтобы я сдался, а?”. Он медленно обернулся, досадуя, что они поставили его в состояние неполноценности. “Это будет не так просто иметь меня”, - сказал он себе.

- Доктор Костиган, вы хотите повернуть устройство на девяносто градусов? Можете ли вы сделать это, не потянув ни одну из этих нитей? — спросить.

Доктор внимательно посмотрел на него, задрав подбородок. - Думаю, да. - Он поставил цилиндр поближе к панелям и двинул его в том направлении, в котором хотел Деван.

- У вас есть лампочка с проводом, достаточно длинным, чтобы я мог заглянуть в полость?

Доктор порылся в ящике и вынул из него лампу с длинной проволокой. Деван вставил вилку в электрическую розетку и включил.

- А теперь, Эд, если вы не возражаете, засуньте руку в цилиндр,

пока я наблюдаю за операцией с другой стороны.

Он наклонился так, чтобы у него было ухо на скамье, и поставил перед собой свет, чтобы отверстие приспособления было хорошо освещено.

Оркатт встал с другой стороны цилиндра.

— Начинайте, - сказал Деван. Он внимательно наблюдал за вытянутыми пальцами Оркатта, которые, осветившись, приближались к полости. Когда рука вошла в ворк, он увидел невероятную вещь: кончики пальцев исчезли, и, как будто их резали, отчетливо виднелись кости, вены и мышцы. По мере того, как рука продвигалась вперед, эффект разреза переходил от костяшек пальцев к ладони, а затем к запястью. Одновременно с движением руки Оркатта рукав пиджака стал дряблым и пустым, скользя по впадине, по мере того, как Оркатт вводил свою руку. Наконец рукав вышел на несколько дюймов в сторону Девана, и когда Оркатт не смог продолжить дальше, он остановился.

Деван с силой дернул ее за рукав.

- Эй! - воскликнул Оркатт, отступая назад.

- Не убирайте руку!

- Здесь холодно.

- Минутку.

Деван отпустил рукав, подвинул лампу, поставил ее на скамью, а затем вставил руку в проем. Другой рукой она крепко держала за рукав Оркатта, протягивая руку, пока не нашла руку Оркатта. Он был голым и холодным. Оркатт согнул локоть, и Деван тоже. и их руки схватились, как в индийском бою.

Довольный Деван высвободил руку и нащупал руку Оркатта. сначала запястье, затем предплечье, потянув за волосы. Оркатт чуть отодвинулся.

- Что вы имеете в виду, Деван?

— Я просто репетирую, - сказал Деван. Он весело улыбался, несмотря ни на что.

Он провел рукой по ее руке до локтя, а от локтя до… мясо было

закончено, разрезано и идеально гладкое на другом конце. Он провел пальцами по пню руки. Поверхность была как лед, без всякой пульсации жизни.

- Вы что-нибудь слышите? - Спросил Деван.

— Смутно.

— Отлично, - сказал Деван, убирая руку.

Оркатт, в свою очередь, вытащил свой и начал массировать его.

— Черт возьми, если там холодно, - сказал он.

- Теперь вы убеждены, мистер Трейлор? - спросил Костиган.

Деван кивнул. Он не мог отрицать этого на данный момент.

- Хорошо, Деван? - спросил Сэм.

Деван внимательно наблюдал, как доктор снимает все нитки, и ничего не ответил. Все было так ужасно запутано в его сознании, и так недавно был опыт, что говорить об этом было бессмысленно. Это было похоже на фантастическое представление или чтение книги, настолько увлекательной, что она никогда не жаждет конца, чтобы снова не соприкасаться с реальностью, гораздо менее интересной реальностью; но затем, зная, что конец должен быть обязательно, как только мы доберемся туда, мы поймем, что даже незначительные вещи возобновляют свою важность, и мы обязаны рассматривать их с должной серьезностью.

— Мне кажется, я произвел на Девана определенное впечатление, - сказал Оркатт. - Я знаю, в это трудно поверить, Дев, но это правда. Когда вы приехали сюда, вы точно не ожидали такого. Теперь вы видели невероятное и поражены этим.

Деван вздохнул. - Вы правы. Это невозможно, и я видел это своими глазами. - Он достал из футляра сигарету и закурил. - Сколько еще видели это, Эд?

- Все остальные члены комитета.

- И Туксберри проголосовал против?

Оркатт кивнул. - Он совсем не верит в это. Он не хотел приближаться. Гленн и Джимми были внезапно побеждены.

Доктор снова взял в руки серебристую штуковину и спрятал ее в сейф. Деван не мог оторвать от нее глаз. Она вздохнула с облегчением, когда наконец дверь сейфа захлопнулась, и доктор закрутил ее.

— Пойдем в другую комнату, - сказал Сэм, открывая дверь.

В комнату вошел поток свежего, дышащего воздуха, который прояснил мысли Девана.

Они сидели, пока Деван вытирал потный лоб платком.

— Я думаю, что это произвело на вас впечатление, Дев, — сказал Оркатт, смеясь. - У вас есть вид тех, кто срочно нуждается в чем-то сильном.

- Что вы почувствовали, когда увидели его?

- Примерно так же, как и вы. - Оркатт посмотрел на свои часы. - Уже почти полдень, а встреча в половине десятого. Мы должны идти.

— Мы могли бы поесть здесь, - сказал Сэм. - Я мог бы позвонить, чтобы мы что-нибудь прислали.

- Кто-нибудь говорил о выпивке? - спросил Костиган, жестко усаживаясь в кресло.

Деван огляделся и не увидел ни бутылок, ни стаканов. - Я бы с удовольствием выпил глоток, но вы должны выйти, чтобы взять его?

— Секунду. - Доктор встал и снова направился к закрытой двери. Через мгновение он вернулся с бутылкой виски, на что другие спросили его, где он ее держит. Сухо ответил: - в сейфе.

- Прямо возле серебряной трубки? - сказал Сэм, когда доктор поставил на стол четыре стакана. - Я не знаю, какая из двух вещей имеет для него большую ценность.

— Мистер Отто слишком мало меня знает, - почти весело сказал Костиган. — В моем характере есть очень интересные стороны.

Деван обрадовался, что Костиган немного отпустил, и подумал, что теперь он немного привык к ее присутствию.

— Вот трубка доктора Костигана, - сказал Сэм Отто, поднимая

наполовину наполненный стакан.

Пока они пили, Деван заметил небрежность, с которой Костиган глотал виски длинными глотками.

- Как работает трубка, доктор? - спросил Деван. — В электронном поле я видел почти все, но это для меня новость.

Доктор хитро улыбнулся: - Вы бы хотели, чтобы я это сказал, не так ли?

— Доктор Костиган очень скрытно относится к своим изобретениям, - объяснил Сэм, беря со стола свою сигару и жуя ее конец. — Сначала он пытался получить средства от разных компаний, даже не сказав им, для чего они нужны.

— Откровенно говоря, — сказал Костиган — - я не для бизнеса, и я знал, что у меня будут неприятности.

— Две недели назад, - сказал Сэм, - я случайно встретил Джо Гордона в “Нэшнл” и пригласил его на ужин. Пока мы ели, он назначил доктора, но только для того, чтобы сказать, что он был одним из самых мошенников, которых он когда-либо знал, извините, доктор, но он сказал именно так, потому что, сказал Джо, доктор хотел денег, даже не показывая, что это было, но только уверяя, что это что-то новое. Что скажете?

Деван хмыкнул: - зная Вас, Сэм, я думаю, что вы не из тех, кто позволил бы такой вещи бежать. И вот он побежал к доктору.

— Конечно, - буркнул Сэм, зажав сигару в зубах. - Если бы я этого не сделал, где бы мы были сейчас? Конечно, я побежал к нему: подвал его дома дает на северной стороне. Подумайте немного, если бы устройство было снаружи, на верстаке.

— Есть места получше, чтобы его поставить, - перебил доктор. - Никто не мог подумать, что там что-то подобное скрывалось.

- Ну, во всяком случае, я уговорил его позволить мне это увидеть, а потом мне пришлось немало потрудиться, чтобы показать мне последствия. Когда я показал пальцем, я был совершенно потрясен этим.

— Если я правильно понимаю — - сказал Деван, - вы бы купили его за миллион долларов.

— Нет, — ответил Оркатт, - это придет позже. На данный момент мы просто предвидим деньги на эксперимент.

- Эксперимент? Мы снова там. И зачем нам это испытание?

Оркатт рассмеялся: - именно то, что я тоже хотел знать, Дев. Сэм сказал, что доктор хочет около миллиона долларов, чтобы сделать тесты. Конечно, я, который уже был свидетелем демонстрации, возразил, что устройство теперь завершено как есть. Более того, мне совсем не хотелось тратить миллион долларов, когда дело уже закончилось, и я не видел, с другой стороны, никаких шансов на немедленное применение. Но у доктора были другие идеи. Почему бы вам не поговорить с ним об этом, доктор?

Костиган прочистил горло и откинулся на спинку стула, пока она не коснулась стены, как, подумал Деван, фактор, который провел весь день в местном кооперативе.

- Для чего трубка? - Доктор пожал плечами. — Я сам тысячу раз спрашивал себя без власти, по первому, давая себе разумный ответ. Поэтому я начал извлекать из этого возможности. Лучшая идея заключается в том, что его можно использовать для диагностики внутренних заболеваний, рака и сопутствующих заболеваний; вы устанавливаете тело и имеете его внутреннюю часть, чтобы вы могли исследовать любую его часть, не теряя при этом расходов, опасности и всего дискомфорта, возникающего в результате исследовательской операции. Есть способы расположить его так, чтобы микроскоп мог наблюдать срезы, но исчезающая часть должна быть сконцентрирована в тонком веерообразном луче. Вы понимаете, Трейлор, что только живые ткани страдают от воздействия, но не неодушевленные тела, будь то минералы или металлы.

— Значит, это имеет значение для рукава пиджака, — сказал Деван. - Но что же, внешний слой кожи, ногти и волоски, которые я ощущал на руке Оркатта? Это все мертвая ткань?

На этот раз улыбка доктора Костигана, на которой красовались пожелтевшие зубы и несколько золотых капсул, длилась дольше обычного.

- Я отвечу вам в ближайшее время. Но, продолжая изучать возможность применения в медицине, здесь сразу возникает вопрос. Что с той частью, которая исчезает? - Брови доктора

поднялись, затем опустились и наклонились к Девану.

— Вы видели только то, что произошло “здесь”, — сказал он доверительным тоном. - Но я хочу рассказать вам, что произошло, когда я сделал открытие. Мы с женой жили в разных домах, и я проводил в подвале своего дома некоторые испытания с меньшим приспособлением, чем вы видели. Ну, я сунул палец в отверстие, и это исчезло, как и сейчас, но разница в том, что тогда я почувствовал что-то мокрое, хотя мой палец снова стал сухим.

“Заинтригованный, я хотел построить другую трубу, чтобы иметь большую дыру, и мне потребовалось больше года, чтобы построить инструмент, который вы видели. Когда я впервые ввел свою руку в полость, я почувствовал, как в ней циркулирует вода. И все же рука у меня всегда была сухая. Можете ли вы представить, что я сделал тогда?”.

Доктор смотрел на них с выжидательным выражением, словно ожидая, что кто-то ответит. Но никто не рискнул догадаться.

- Я взял белую крысу, крепко прижал ее к себе, сунул в яму и услышал, как она дернулась, потом успокоился. Я попытался вытащить руку с мертвой крысой, но это было невозможно. Крыса задохнулась, и я обнаружил, что безжизненные существа не могут пересечь барьер. Я был вынужден уронить его, чтобы вытащить руку.

Деван закурил сигарету, бросил взгляд на Оркатта и улыбнулся.

- Затем мы отправились жить на Северную сторону. Я снова начал свои эксперименты. На этот раз моя рука нашла воздух, а не воду. Я взял еще одну крысу, ввел ее в яму и вытащил, целым и невредимым. Затем я привязал крысу к вагонке, наполовину ввел ее в проем и вытащил. Крыса дошла до конца, который первым вошел в проем. Узлы все еще были там, но ноги мыши больше не были связаны.

- Тогда у меня была идея получше. Я снова привязал крысу к животу. Я позволил освободившейся части на другом конце переместиться в отверстие и ввел нембутал в артерию на этой стороне отверстия. Мышь умерла. Я попытался вытащить его оттуда, но он не сдвинулся с места. Вы почти разорвали его тело, пытаясь вытащить его, но невидимая часть, которая находилась внутри полости, категорически отказывалась переступать барьер. Я мог протолкнуть видимую часть в полость к другому отверстию,

и она всегда оставалась видимой. Только когда я остановил машину, из нее вышла мертвая часть. Резаная как бритва. Так, Видите ли? Таким образом, существуют очень точные научные законы, регулирующие эту машину. Я пытаюсь выяснить, что это такое, но мне еще предстоит многое сделать в этом отношении. Пока мертвая ткань прикреплена к живой ткани и является ее неотъемлемой частью, она может проходить вместе с ней; с другой стороны, если весь организм мертв, он не будет двигаться ни в одном направлении, ни в другом. - Доктор Костиган на мгновение замолчал.

— Ситуация, представленная доктором, выглядит следующим образом, - сказал Оркатт. - Инструмент может стать неотъемлемой частью больничного оборудования, но, с другой стороны, кто согласился бы использовать его, если бы вы не знали, куда уходит исчезающая часть тела?

— Это может быть Афганистан или Черное море, — сказал Сэм.

— Неважно, где, - сказал Оркатт, - но люди хотят знать “точную точку”.

— Я думал об этом, не знаю сколько, — сказал Костиган, наливая себе еще виски. - Может ли труба сделать живые существа невидимыми? Или он уходит в прошлое? Или это толкает вас в будущее? Может быть, на другой планете? Или в каком-то другом измерении? Предположим, вы положили свою руку в полость и вышли в пустоту космического пространства?

В комнате несколько минут стояла тишина, и каждый думал, какой может быть ответ. Единственным звуком был небольшой прерывистый щелчок флуоресцентного света.

— Значит, эксперимент, о котором вы говорили раньше, - спросил Деван, - должен был бы установить, куда уходит тело?

— Было бы так просто, если бы мы могли вставить в отверстие телевизор, - вмешался Оркатт, - или перископ.

- Никто не знает, как можно прийти к точному выводу? - спросил Деван.

— Мы должны построить трубу, в которую можно будет пустить человека, Дев, — сказал Оркатт, — всем телом.

— Этот человек должен доложить о том, что увидит, — сказал

Костиган.

- Вот для чего нужен миллион долларов.

- Кто знает, куда приведет сила этой полости, и какие сказочные вещи можно увидеть, когда человек сможет войти в нее? Возможно, он встретит существ из будущего или прошлого.

Глаза доктора смотрели вдаль. - Никто не может представить, что увидит этот человек, господа!

— Будет немного сложно представить это дело, не рассказав все комитету, — сказал Оркатт, в то время как его рука была неуверена в выборе трубы из трех, заправленных в небольшую стойку, установленную на его столе. - Но я думаю, вы согласитесь со мной сохранить строжайшую тайну.

— Конечно, — вмешался Сэм, - я был журналистом и знаю, что произойдет, если кто-то из этих парней узнает об этом.

Зазвонил телефон, и Гленн Башер ответил. — Спасибо, Мисс Трит, - сказал он, повесив трубку аппарата, стоявшего на внушительном столе Оркатта. - Грэди здесь. Мы, конечно, можем сделать это из бумаги. Осталось четыре, и мы будем в полном порядке.

— Нам не нужно беспокоиться о Комитете, Эд, - сказал Деван. - С нашей стороны они ничего не узнают.

Говард Туксберри. сидевший чуть в стороне от остальных мычал: - это нечестно, - поправляя очки на носу. - Совет должен знать все.

— Но вы не можете этого сделать, - взволнованно воскликнул Сэм.

— Вы ошибаетесь, Говард, - и Джеймс Холкомб поднял глаза от диаграммы трубки, глядя на человека внимательными голубыми глазами. - Вы не понимаете, что произойдет, если это станет достоянием общественности? Сэм Отто прав. Репортеры напали бы на нас. Нет, если бы Вы сказали Это Совету, у нас не было бы ничего, кроме новых забот.

- Все ясно, да? - сказал Оркатт, окинув их всех круговым взглядом. Только Туксберри не ответил ей взаимностью. — Мы должны подтвердить, что это эксперимент, который откроет, возможно, новые возможности для внутренней медицины, и

проект которого исполнительный комитет поручил доктору Костигану.

— Это немного сбивает с толку, — вмешался Деван, — если вы не знаете точного значения слов.

— С другой стороны, я не знаю, что еще вы могли бы им сказать, - сказал Сэм. - Мы с доктором оказались в такой же ситуации, когда рассказали об этом Оркатту. Мы не могли сказать ни слишком много, ни слишком мало.

— “Ультра вирес”, - перебил Туксберри и все его. смотрели.

- Что вы хотите сказать этими словами, Говард? - спросил Оркатт.

- Просто то, что я сказал. - Туксберри холодно посмотрел на них.

- “Ultra vires” означает, что вы злоупотребляете своими полномочиями государственных служащих и членов Совета, защищенных законом, который распространяется на коллектив. Я думаю, что то, что вы делаете, нерегулярно. Вы можете быть привлечены к ответственности за это.

- Послушайте, - сказал Оркатт, обращаясь к нему через стол. - Вы видели прибор? Не верите?

Туксберри покачал головой.

— Но Вы, наконец, можете узнать, что вы имеете против доктора и меня? Вы с самого начала противились нам.

- Говарду нравится быть на противоположной стороне, — намекнул Башер, - и он это доказывает. Даже если бы у нас была машина, способная превращать свинец в золото, это было бы против.

— И он в порядке, - сказал Туксберри, вставая, с яростным выражением лица. - Вы спросили меня, и я скажу вам, что я думаю об этом. Во-первых, почему доктор Костиган хочет проводить эти эксперименты? Во-вторых, почему бы вам не объяснить нам, как работает эта машина? В-третьих, предположим, что дело имеет определенную ценность, что помешает доктору Костигану пожинать плоды “внутреннего ” миллиона долларов и оседать экономически? В какой части мы заинтересованы в его прибыли? Беда в том, что вы слишком любопытны к эксперименту и недостаточно используете деньги.

Сказав это, Говард Туксберри тяжело сел и, сняв очки, принялся нервно их вытирать.

Сэм Отто, который заметно побледнел при каждом слове Туксберри, вскочил на ноги со сжатыми кулаками и сжатыми зубами от обычной сигары. Он продвинулся на шаг к Туксберри.

— Садись, Сэм, - крикнул ему Оркатт и, когда тот сел, закурил трубку, дуя потом на спичку. - Я считаю, что ваши вопросы неразрешимы, Говард. Как обычно, вы внесли в дискуссию, которая рисковала быть слишком теоретической и увлеченной энтузиазмом, некоторые идеи практического характера.

“Проблема в том, что, поскольку вы не одобрили проект с самого начала, вы не участвовали в информационных дискуссиях. Поэтому я хочу вас обновить, и это будет полезно и Вам, Деван.

“В прошлую пятницу ко мне пришли Сэм Отто и доктор Костиган, и они грубо связали меня с открытием, настаивая на том, чтобы я увидел рассматриваемый инструмент. В противном случае они передали бы его либо “Вестингаузу”, либо “Дженерал Электрик”, либо другой крупной такой компании. Я знаю по опыту, что эти вещи не следует упускать из виду “априори”, поскольку крупные организации пошли в негодность именно за то, что позволили своим конкурентам завладеть проектами, которые позже оказались источниками дохода и успеха.

“Вас. Деван, вас там не было, и поэтому Гленн, Джимми, Ховард и я, хотя у нас были другие дела, хотели лично осознать это: все были впечатлены этим, кроме Ховарда. По обоюдному согласию мы решили собрать исполнительный комитет в понедельник утром, что мы и сделали, а затем назначили полное заседание Совета на сегодня днем.

“Тем временем у Гленна, Джимми и меня была возможность обменяться информацией с Сэмом и Костиганом. Если машина будет усовершенствована для медицинского использования и для всех других применений, которые были предложены экспериментами, доктор Костиган получит пятнадцать процентов чистой прибыли, Сэм-восемь процентов, а оставшаяся часть-для “внутреннего”.

“Если он захочет, Костиган может раскрыть секрет своего инструмента, но он попросил нас стать его единственным владельцем. Мы согласились. Запечатанная копия подробного

проекта будет храниться “внутренним”, так что, если он пропустит “внутренний”, он сможет продолжить эксперименты, несмотря на неудачное событие. Костиган обязуется, согласно контракту, который будет подписан сегодня днем, не распространять свой инструмент в промышленных целях в течение как минимум двадцати пяти лет. Вы теперь довольны, Говард?”.

— Да, - и тот факт, что пришлось произнести это слово, поставил его в паршивое настроение. - Это правда, что я не знал всего этого, но я буду голосовать против.

Глаза Туксберри вызывающе смотрели на всех. - Я настаиваю на том, что нечестно, чтобы доктор Костиган проводил эксперименты так, как ему кажется. У нас здесь так много инженеров, которые могли бы помочь ему с выгодой. Кроме того, мне не нравится, как все это происходит.

Звонок телефона прервал их. Гленн Башер высунул еще два имени.

— Я не собираюсь вдаваться в личные подробности, доктор, — сказал Деван, - но есть кое-что, о чем я хотел бы вас спросить.

- Что?

- Как вы придумали эту трубку? У вас есть степень по физике?

- Вы хотите сказать, что не знаете доктора? — удивленно спросил Сэм. - Доктор Костиган очень известен…

- Позвольте доктору поговорить, Сэм.

Костиган улыбнулся. - Сэм - самый верный человек, которого я когда-либо знал, мистер Трейлор, но иногда он слишком сильно нагревается. Не обижайся на Сэма. Что касается трубы, в подходящее время я расскажу вам историю; это, безусловно, будет интересно. Что касается моей степени по физике, я получил ее в Политехническом институте Клейборна в 1922 году. Я преподавал в Дьюхерсте еще два года назад, то есть до тех пор, пока мои дети, уже подросшие, не поженились. После этого мне больше не казалось необходимым продолжать преподавать, поэтому мы с женой уехали из Дьюхерста и переехали сюда, в Чикаго, где проживала паралитическая сестра моей жены, и поселились у нее. Недавно я купил более удобный дом на северной стороне, и у меня остался очень небольшой доход. С

другой стороны, я намеревался продолжить исследования этого инструмента. Мне не оставалось ничего другого, как обратиться за финансовой помощью. В этот момент на сцену вышел Сэм.

Сэм кивнул. - Есть еще кое-что, чего вы не знаете, Деван. Я бросил все, что у меня было в этом деле. Я арендовал здание на год, построил офис на втором этаже, купил сейф и нанял старого Кейси.

Зазвонил телефон, и, прежде чем он издал полный звонок, Башер уже поднялся, сразу же опустив трубку.

— Все в зале заседаний, - сказал он.

— Два минус четверть, - согласился Оркатт, взглянув на часы. - Держу пари, что через полчаса все будет сделано. - Он посмотрел на Туксберри: - если только кто-то не вставит палки между колесами.

— Я не изменю свой голос, - ответил Туксберри. - Мне это по-прежнему не нравится, но, если это вас беспокоит, будьте уверены: я не раскрою ваши драгоценные секреты.

4

Эдмунд Оркатт был неправ. Вместо получаса запрос д-ра Костигана на финансирование проекта был одобрен управляющим советом “внутренней электроники” за двадцать восемь минут, и большая часть успеха была обусловлена его презентацией. Он объяснил, что деньги должны быть использованы для исследований в области физики, он стал перечислять возможности, пока гипотетические, проекта, подчеркивая при этом важность этих возможностей для каждого участника.

Совет так легко поддался на размышления, что Деван теперь понял, как небольшая группа людей может иногда разрушать большую организацию. И все же у членов Совета были все основания доверять исполнительному комитету, который никогда не оправдывал их ожиданий. Именно по этой же причине каждый год акционеры избирали одних и тех же людей, для этого и для больших дивидендных чеков. Но Деван задавался вопросом, что сделает совет, если попытается объяснить “точно”, для чего нужны деньги. Конечно, вы не можете пойти и объяснить разумным людям, что вы хотите засунуть человека в трубку, которая стоит миллион долларов, и требовать, чтобы вас поняли.

В кабинете Оркатта выпивали все члены исполкома. Даже Туксберри, всегда угрюмый, взял стакан и на мгновение расслабился. Деван замолчал, выпив два стакана, и доктор Костиган, который уже был на четвертом, тепло пожал ему руку, в то время как Сэм Отто, от которого Девану удалось сбежать, разговаривал с ванверой.

В своем кабинете Деван сказал Беатрис Трит пойти домой и собрать вещи для своего путешествия на космическом корабле. Затем он достал бутылку джина и приготовил себе напиток, который довел до полного одиночества.

Он сказал себе, что может вернуться во Флориду с Беверли и малышами; он знал, что должен вернуться туда, но идея трубы и того, что должно было произойти, очаровала его гораздо больше. Его охватил трепет “нового ” и мысль о том, что области, неизвестные человеческому разуму, вот-вот откроют относительно малоизвестный физик, некий доктор Уинфилд Костиган.

Он взял трубку и спросил междугороднее. Через несколько минут он поговорил с женой.

- Что происходит, Дев? - спросила она. - Это что-то действительно серьезное, как сказала Ла Трит? Я просто подождал, сделав тысячу предположений.

— Кризис предотвращен, — возразил Дев, - все в порядке, все исправлено.

- Так ты вернешься?

Деван кашлянул. - Ну, не сразу. Я…

- Тогда “не ” все в порядке!

- Послушай, Беверли, в воздухе новый проект. Отличная вещь, совершенно необычная. Я хочу немного подождать, чтобы увидеть, как все складывается. Я думаю, что это будет вопрос нескольких дней, недели. Тогда я возьму самолет.

- О, Дэв! - Голос на мгновение оборвался. - Я так одинока с тех пор, как ты уехал. Я никого здесь не знаю. Я ничего не знаю без тебя!

Деван представил себе ее голубые глаза, полные слез, и это тронуло его.

- Но дети! — слабо возразил он.

- Они тоже очень скучают по тебе.

— А я их, - поспешно сказал он, - но всю зиму не останусь. Я здесь нужен. какое-то время.

- И ты думаешь, что здесь не так уж и нужно, Дев?

- Ты хочешь вернуться с детьми? - и тон его голоса был резким.

- Ты прекрасно знаешь, что было бы нехорошо, если бы они прервали школу.

- Нет, конечно, Беверли, это будет через несколько дней, а потом я приду.

Он слышал, как она плачет, и хотя, с одной стороны, это смягчало и заставляло его чувствовать себя виноватым за то, что он не

вернулся, с другой стороны, он не мог не раздражаться теми слезами, которые хотели стать оружием принуждения в его отношении.

- Беверли, ты всегда рядом?

— Да, - всхлипнула она, — а ты всегда рядом?

- Перестань быть девочкой и послушай меня, - крикнул он. - Я остановлюсь здесь как можно меньше, а потом сяду на самолет. Максимум через неделю. Ты меня слышишь?

— Хорошо. Но скорее, пожалуйста.

Деван остановился перед конюшней компании “Rasmussen Stove Company” и заметил, что предстоит еще много работы, по крайней мере, два хороших месяца.

Для тех, кто наблюдал за этим поверхностно, конюшня могла показаться такой, какой она была в течение последних двадцати лет. Но Деван знал, что внимательный наблюдатель не избежит определенных изменений. Тем временем все старые стекла были заменены матовыми стеклами, а затем были внесены другие изменения.

Однако он предполагал, что соседи с большим любопытством наблюдали за такими изменениями, тем более что все они были сделаны за шесть дней. Работы, должно быть, были лихорадочными: тачки, наполненные известью, через равные промежутки времени чередовались у вторичного входа, а рабочие ходили туда-сюда три раза в день, в то время как дым непрерывно выходил из дымовой трубы.

Для работников петли и жителей прихода конюшня, очевидно, снова была занята. И кто мог представить себе существование другой конструкции в уже существующей? И даже если бы они могли это представить, могли бы они догадаться о причине?

Внутри действительно возникла новая конструкция, полностью усиленная. В этом он был уверен. Старые кирпичные стены снаружи были всего лишь оболочкой, камуфляж внутренней конюшни, которая была меньше двадцати метров с каждой стороны. Но старые планы, стоявшие между старой постройкой и внешними стенами, сохранились, иначе оболочка не выдержала бы: планы образовали тогда коридор по периметру дома.

Нужно было еще много чего закончить, но у него не было возможности узнать, как продвигаются работы. Письма Оркатта были слишком общими, а его объяснения по телефону слишком контролируемыми, чтобы быть ясными. Он жаждал вернуться, чтобы лучше понять.

Он хорошо снял шляпу против настойчивого мартовского ветра, пересек улицу и вошел во дворец.

- Мистер Трейлор! — У информационной стойки стояла девушка, имя которой он плохо помнил, которая встала и улыбнулась ему. Он заметил, что внутренняя стена была усеяна панелями и что существующая область между этим и фасадом конюшни была занята несколькими столами, поставленными немного наугад.

- Вы же мистер Трейлор?

— Уже. — Он улыбнулся ей в ответ и зашагал мимо перегородки. - Как дела?

— Все в порядке, - но выглядел он немного неуютно. - Простите, но я должен выяснить вашу личность.

— Конечно, - сказал Деван и вынул из бумажника водительские права. - Я не помню, как вас зовут.

— Я Дороти Janssen — - ответила девушка, взяв лицензию Девана дрожащими руками.

- Вы были в восточной части завода, не так ли?

— Да, - ответила она и с облегчением взглянула на него с великолепной улыбкой.

- Спасибо, мистер Трейлор.

- И я рекомендую, продолжайте проверять личность тех, кто входит.

Не двигаясь, он прошел мимо двери, ведущей в коридор длиной в конюшню. Справа была стена старого здания, слева-бетонная стена внутреннего здания.

Сзади была та же лестница, по которой он поднялся с Оркаттом, чтобы добраться до деревянной хижины второго этажа, хижины, которой теперь уже не было, замененной гораздо большей

комнатой.

Деван повернул налево и, пересекая старый деревянный пол, направился к двери, врезавшейся во внутреннюю стену. Рядом должен был быть очень большой вход для проезда транспортных средств любого размера.

Он нажал на красную кнопку в стене. Дверь открылась почти сразу, и он оказался в небольшом помещении с низким освещением, а за его спиной дверь закрылась металлическим щелчком.

К нему подошел дежурный, который подошел к стойке, уже сообщив о своем прибытии Мисс Janssen; он вручил ему знак, чтобы установить за отворотом пиджака. Изумленный Деван узнал ее старую фотографию и подумал, Где, черт возьми, они ее поймали. Затем он подписал журнал в колонке, которую ему указали, и заметил, что рядом с ним есть еще один, в котором должно быть указано время выхода из внутреннего здания.

Дежурный нажал еще одну кнопку и, таким образом, смог пройти в огромное помещение, используемое как лаборатория. Он заметил, как работы проводились с большой быстротой и точностью. Многие инструменты работали, и их шум сливался в оглушительный концерт молотков, дрелей и ста других голосов, которые он не мог разобрать. В центре комнаты возвышался почти полный эшафот, на котором уже были установлены первые куски гигантской трубы Костигана.

Некоторые рабочие располагали вдоль стен справа от него панели управления, а слева от стены отделялись бетонные ящики, которые составляли исследовательские офисы. Над всем господствовал обширный проект, который не раскрывал, по внешнему виду, его истинную природу.

Он направился к кабинету слева, где, в конце концов, должен был находиться кабинет Костигана. Он видел новые лица, вокруг. Вдруг кто-то, узнав его, махнул ему рукой.

Войдя в кабинет Костигана, полностью изолированный от шума снаружи, он с изумлением заметил, что доктора нет.

- Доктора Костигана нет. - Заговорила девушка, которая до этого момента склонялась над чертежной доской, маневрируя тиралиной вверх и вниз. Типично женским жестом она отодвинула прядь волос от одного глаза. - Могу я что-нибудь

сделать для вас? - Это был первый раз, когда он увидел ее, и Деван удивленно уставился в ее голубые глаза, которые смотрели на него, очарованный полным изящества жестом, которым она откинула назад непослушные волосы. Ему могло быть двадцать пять лет. У маленькой головы были черные волосы до плеч: поверх платья на ней была камзол художника.

- Он давно ушел? - спросил Деван.

- Не так уж и много. Вы хотите ждать его? - Она с любопытством осмотрела его.

- Послушайте, - сказал Деван — - меня зовут Деван Трейлор. Я приезжаю прямо сейчас из Флориды, чтобы посмотреть, в какой точке находится проект. Я думала, что найду доктора Костигана в его кабинете. Где это может быть?

- Но … - он явно не хотел говорить. - Это недалеко отсюда. Я могу отследить его, если это важная вещь. Вы ведь называете себя Трейлором?

— Да. Но прежде чем мы выйдем, не могли бы вы сказать мне, где он?

- Прости, но я не могу.

Он не стал настаивать и тем временем наблюдал за быстрой подготовкой к выходу из кабинета, которая заключалась в том, чтобы снять рубашку и надеть “кардиган”. Действительно привлекательный с этим гольфом. “Кто это может быть?”- снова спросил он себя.

Девушка вышла, улыбаясь ему и уверяя, что тотчас вернется.

Деван попытался проследить за его движениями, но сдержался. Она только надеялась, что она не поедет в какой-нибудь другой кабинет, чтобы разыскать доктора, может быть, в таверне. Он вернулся через несколько мгновений.

- Сейчас придет, - сказал он. - Это будет вопрос нескольких минут.

- Это издалека? - спросил Деван.

- Не совсем.

- Вы не говорите много, я бы сказал.

— Зависит.

- Отлично.

- Что?

- Говорить только при необходимости и не неуместно. Как вас зовут?

- Бетти Передж.

- Похоже, вы работаете на доктора Костигана.

— В самом деле. Я здесь уже месяц.

- Вы раньше работали на “Инленд”?

- Нет, я пришла на место миссис Тюдор, которая раньше работала на доктора Костигана, теперь она больна. По стечению обстоятельств мне довелось иметь это место.

Деван тем временем заметил на окне два растения. У одного были длинные узкие листья, окаймленные желтым, а у другого было растение фиалок с необычно мясистыми листьями и поистине великолепными цветами.

- Это ваши растения или миссис Тюдор? Думаю, они не от доктора Костигана.

- Они мои. Они мне нравятся, и доктор Костиган разрешил мне оставить их здесь. Один цветущий-это качество африканской фиалки, другой имеет странные названия, такие как “змеиное растение” и “язык свекрови”, а также, конечно, Ботанический.

- Что вы думаете о проекте, Мисс Передж?

Она закрыла пробкой бутылку с чернилами и весело повернулась к нему. - Я довольно привязана к “игле Костигана”.

- Иглу Костигана?

— Ну, - ответила девушка, - вы должны признать, что она странно похожа на иглу с ушком на дне.

На самом деле, подумав об этом, призналась Деван, несмотря на

огромные пропорции, она действительно напоминала иглу с видимым ушком в большой полости, проделанной у основания.

- И кто дал ему это имя?

- Не знаю, но я не слышал, чтобы он называл его каким-либо другим именем. Доктор Костиган теперь тоже так его называет.

- Вы его секретарь или что-то в этом роде?

- В каком-то смысле да. Моя работа состоит в том, чтобы сделать из его эскизов схематические рисунки, которые служат электрикам, чтобы следить за их работой.

Пока девушка возвращалась к работе, Деван подошел к столу Костигана и с любопытством осмотрел бумаги. Наверху было несколько схемных чертежей, которые он сам, несомненно, наметил. Он взял три и осмотрел их по одному.

Это были три разных устройства цепи, наиболее вероятно, все три, сформированные из множества частей, соединенных вместе: соленоидные пластины, автоматические выключатели, батареи и т. д.

Он сел, сосредоточившись на разматывании нескольких нитей в верхнем чертеже, нитей, которые продолжались до конца страницы, где были отмечены слова “к кассете № 6”.

Напрасно он искал схему с этим названием или любой другой рисунок, на который он ссылался.

- Послушайте, Мисс Передж, - сказал он, указывая на рисунок сверху. - Все эти провода идут к “кассете № 6”, но я не нахожу чертежа. Или, может быть, это то, что вы делаете?

Женщина покачала головой. - Нет, я этого не делаю. Но почти во всех рисунках провода идут к кассете-и он показал это на других рисунках. - С тех пор, как я здесь, я никогда не делал чертежей “кассет”. - Другое дело, - сказал он. - Я миссис Передж.

- Прости.

Она раздраженно посмотрела на него, и Деван позволил ей придать своим словам тот смысл, который она предпочитала.

- Вы знаете, для чего нужна игла?

- Господи, нет! Но я слышал, что люди говорили об этом. Кто говорит, что это радиоуправляемая пуля, и кто сомневается. Вы знаете?

- Мне не кажется, что это может быть радиоуправляемая пуля. Было бы непропорционально придавать такое значение и делать столько приготовлений только для одной из этих пуль. Я думаю, что это как-то связано с атомными исследованиями, учитывая всю тайну, в которой проводятся работы, и меры предосторожности, принятые для наблюдения за конюшней. Возможно, это вертикальный циклотрон. Обычно циклотроны круглые и плоские, не так ли? Но, может быть, я забавляю вас своими догадками. Я хотя бы приблизился?

Внезапно открылась дверь, и волна звуков проникла снаружи.

- Мистер Трейлор! - Доктор Костиган выразительно пожал ему руку. - Когда вы вернулись?

- Только сегодня.

- Какой приятный сюрприз. Мне показалось, что я слышал, как миссис Передж объявила, что вы здесь, но я не был в этом уверен. Вы не можете понять это хорошо через эту толстую дверь. Как дела во Флориде? - Он поставил два раскладных кресла и продолжил: - садитесь.

- Все в порядке, доктор. А как здесь дела?

- Как видите, у нас все хорошо, мы и впрямь опережаем запланированное. Пару недель, и все будет в порядке.

- Я рад этому.

- Интересно, когда вы вернетесь? Вы не хотели пропустить тест, не так ли? И вы останетесь здесь какое-то время?

- Думаю, они не смогут от меня оторваться. Я только подумал об этом во Флориде.

- Это доминирующая мысль всех нас.

- Но где Сэм?

- Мы поручили ему поручение по закупкам, он очень хороший. Ему удается, неизвестно как, добывать заведомо недостижимые

материалы. Теперь он для этого.

- А Оркатт?

- Всегда рядом. С Башером, Холкомбом, Туксберри и…

- Туксберри? - Вы сюда заглядываете?

- Хотя он не ценит то, что мы делаем, он тоже время от времени приходит. Мы с ним не очень ладим!

— Я тоже — - добавил Деван, а затем выразил доктору свое любопытство в дверях, которые он назвал незадолго до этого. — Это дверь в мою личную лабораторию, - ответил доктор. - Он находится в нижней части офисов, которые все были построены немного уже, чтобы освободить место для этой моей комнаты.

- Я не понимаю, доктор: личный, вы сказали? Но разве вам не хватает всего стабильного для ваших поисков?

Доктор слегка смутился: - видите ли, есть несколько ящиков для игл. Они являются их жизненно важными частями, и для меня чрезвычайно важно, чтобы их конструкция оставалась в секрете. Поэтому я сам их строю.

- Значит, кассета № 6-Одна из тех, над которыми вы работаете?

- Да, их будет десять.

— Но все детали, которые вы указали в проекте, действительно служат для работы иглы?

Доктор улыбнулся: - некоторые да, а некоторые нет. Только те, которые служат, подключены к работающему механизму. Остальные - дополнительная мера предосторожности.

- Забавно, правда; и так через две недели все будет готово?

Костиган посмотрел на Бетти, которая на лету поняла его смысл.

— Я знаю, когда не хочу, - сказал он, улыбаясь, быстро готовясь выйти.

“Поистине привлекательная, - подумал Деван, - не совершенная красавица, но такая полная жизни, такая очаровательная, в улыбке…” он вспомнил после всего, что был женат, и поэтому попытался отвлечь свои мысли от голубого гольфиста.

— Я говорил о двух неделях, - поправил Деван, обращаясь к доктору.

— Да, но есть одна проблема, - ответил ему доктор, делая шаг ближе.

- Что за беда?

- Очевидно, никто не думал о том, кто попадет в глаз иголки. Вы подумали об этом?

5

Шестеро мужчин сгруппировались возле толстой впадины, которую Костиган называл игольчатым глазом. Они были близки друг к другу, в отношениях, которые, казалось, продиктованы необходимостью чувствовать друг друга защищенными и безопасными. Истинная причина заключалась в том, что только так они могли общаться друг с другом быстро, короткими фразами и низким голосом.

Ночь испытаний.

Доктор Костиган поправлял несколько нитей на боку глаза, за которым с большим вниманием наблюдал Оркатт, сидевший внизу со скрещенными ногами и с трубкой во рту.

Остальные, Сэм Отто, Гленн Башер и Говард Туксберри, оживленно разговаривали на разные темы, которые они обсуждали друг за другом, заботясь только о том, чтобы вести непринужденный разговор. Джеймс Холкомб говорил мало. Деван подумал, что очень странно говорить о футболе в апреле, когда он пришел к этой теме, поговорив о погоде, фондовом рынке и международной ситуации.

Работа была завершена в середине апреля, после чего Костиган пообещал исполнительному комитету провести репетицию в их присутствии. Это могло произойти только через несколько часов после того, как были установлены секретные ящики.

Перед окончательным испытанием доктор провел все испытания с помощью специальных инструментов, вольтаметров, индикаторов, видеометров и другого оборудования, которые казались Девану очень элементарными. Они стояли в маленьких деревянных ящиках с обычными прилавками снаружи. К одной из кассет была прикреплена гарнитура, которую Костиган надел на голову, записывая и внося изменения. Аппарат имел конструкцию счетчика Гейгера, но это не так.

В любом случае, чтобы быть уверенным, Деван одолжил один из складов “внутреннего” и использовал его для своих исследований вокруг иглы, но он не получил никаких особых подсказок: в трубке не было ни гамма-лучей, ни рентгеновских, ни радиоактивных частиц, ни космических лучей. Поэтому Деван не мог установить, какова была истинная цель испытаний Костигана.

Теперь, в семь часов вечера, все члены исполкома были там, наблюдая за приготовлениями Костигана.

Сначала доктор установил большую панель управления рядом с игольным глазом. Он был соединен с другими панелями управления вдоль стены с помощью большого резинового кабеля.

Никто из присутствующих не осмелился спросить доктора, не хочет ли он, чтобы ему помогли, и Костиган, нажимая кнопки и двигая рычагами, начал первые операции по приведению машины в движение.

На дверях вокруг комнаты красные пуговицы указывали, что никто не может ни войти, ни выйти.

Наконец доктор указал, что все готово, и, как было решено ранее, все заняли отведенные им места. Сэм Отто подошел к ящику, Оркатт устроился рядом с U-образной деревянной щелью со стороны игольного ушка. Из ящика Сэм вынул большого белого кролика и положил его в небольшое пространство перед ушком. На данный момент кролик был в центре внимания. На первых он не сдвинулся с места и, во всяком случае, не приблизился к отверстию трубы. Деван предложил морковку, которая соблазнит его переехать, и Сэм вспомнил, что взял ее с собой именно по этой причине. Как только морковь была рассажена на мелкие кусочки в полости, кролик начал давать признаки тряски и нюхать воздух вокруг s,é вошел в область ушка, быстро исчезнув в полости.

Прошло несколько минут, и кролик совсем не показывался. Ожидание затянулось, и начались догадки. — Может быть, он больше не сможет найти дорогу обратно, — сказал Туксберри, — бедный кролик должен быть так же смущен, как и мы.

Предположение Костигана состояло в том, что кролик, не видя моркови, зашел на другой конец, но в конечном итоге все равно вернется на улицу. Они решили попробовать себя с другим кроликом, которого они принесли, который сделал тот же конец, что и первый.

— Послушайте, - сказал в этот момент Оркатт, — что мы должны сделать, так это войти в себя, кто-то из нас, посмотреть и сообщить, что бедный кролик, конечно, не может сделать.

— Но это рискованно, — запротестовал Костиган, — мы тоже можем не выбраться.

— Но у нас есть мозг, и мы сможем понять, что там происходит, — настаивал Оркатт.

- Помните, - вмешался Костиган, - что я сказал о своих экспериментах? Я нашел воду в трубе. Что, если это произойдет и на этот раз?

Но Оркатт был абсолютно полон решимости отстаивать свою точку зрения. Он приблизился к глазу.

- Что вы делаете, Эд? - вмешался Деван.

- Я просто хочу услышать, Есть ли вода. - Он отодвинул деревянную защелку, и все стали вокруг него.

Эта, казалось бы, невинная, но определенно полная неизвестности поверхность передала Девану то же чувство, которое он испытывал, глядя в окно, расположенное очень высоко: броситься к нему, чтобы доказать, что происходит. Он думал, что это чувство может быть разделено и другими, и наблюдал за ними один за другим, чтобы узнать.

Оркатт подошел совсем близко, шутливо призывая остальных не давить. Он просунул руку в полость и увидел, как она исчезла, сразу почувствовав холод и почувствовав, что его рука уходит. — Это смешно, — сказал он, - но я должен следовать за своей рукой и войти в полость. - Он сделал шаг вперед, но Костиган помешал ему.

— Изобретение мое, — сказал он, - я думаю, что должен иметь честь попробовать его первым.

Деван, Башер и другие выступили против этого его предложения, и каждый из них пытался перечислить причины, по которым открытие машины должно было быть его собственным.

— И все в порядке, - сказал Оркатт, — вы изобрели машину, но кто устроил все так, чтобы ее можно было построить?

Сэм, ангельски улыбаясь, спросил прохожих, понимают ли они, что именно он предложил им идею Костигана и что, следовательно, привилегия принадлежит ему. - Я чувствую себя Коломбо — - сказал он, но простое противодействие со стороны доктора сразу заставило его передумать.

Попасть туда всем было невозможно, а с другой стороны, время,

затрачиваемое на эти дискуссии, закончилось тем, что он решил потянуть за кусты.

Туксберри взял на себя ответственность найти их и действительно вскоре вернулся с соломами, взятыми из метлы. Только судьба решила бы, чтобы кто-то мог войти в трубу, соприкоснувшись с этой маленькой таинственной областью, которая вполне могла представить, как сказал Сэм, неизвестные, такие, чтобы сравнить их с путешествием Колумба.

Выбор был сделан быстро: Гленн Башер был предопределенным. - Прежде чем я войду, - сказал он, - я хотел бы сделать несколько тестов, о которых я подумал.

Видя его хотя и незаметное колебание, Оркатт тут же предложил заменить его, но Башер отказался и, с силой затянув сигарету, бросил ее на пол, раздавив ногой. Несколько сантиметров отделяли его от отверстия трубы. Он подошел и быстро ткнул головой, которая исчезла. Несколько кусков металла упали, звеня во внутренней части ушка.

Через несколько мгновений Башер вышел: — там холодно, — сказал он, — там была колючая Ариетта, но я абсолютно ничего не видел. Вы должны войти в него, чтобы что-то понять.

Внезапно он перестал говорить и побледнел, одновременно шевеля ртом и проводя языком по зубам.

— Черт — - заорал он — - у меня все капсулы оторвались.

— Неодушевленные предметы не могут пройти в моей машине, - объяснил Костиган, когда остальные подошли к проему, где лежали металлические осколки, выпавшие из зубов Башера.

Башер протянул руку, чтобы забрать их, и она исчезла. Внезапно он почувствовал, что ему не хватает равновесия и что он падает вперед. Он вскрикнул. Дюжина рук схватила его, чтобы удержать, и только втянула в себя его одежду. Пустые.

Башер исчез в ушах. Совершенно.

Некоторое время они ждали, пока все развернется, как положено в дупле, и Башер вернется на улицу. Ничто.

Ожидание было напрасным. Единственным живым, оставшимся от друга, исчезнувшего в этой таинственной темноте, было эхо

крика, брошенного Башером.

Первым двинулся Сэм, который с лицом, охваченным ужасом, и словно разглядывая какие-то чудовищные фигуры, заглянул в полость.

— Не теряем головы, - вмешался Костиган, дергая Сэма за руку. - Давайте хорошо рассмотрим ситуацию.

— У нас есть ее одежда, — продолжал он, - и она не сможет долго находиться там, обнаженная, как сейчас. Нет ничего спокойного в ожидании.

Ожидание было долгим и тихим. Оркатт закурил трубку. Холкомб и Деван закурили. Сэм Отто взял сигару, упавшую ему на парапет, и исчез Башер.

Только Костиган остался стоять, изучая показания панелей управления.

Деван чувствовал, как время шло, все более и более неуютно. Он говорил о холоде трубы и думал о ужасном состоянии, в котором должен был оказаться Башер. Он бы не сопротивлялся, сказал он себе. Но куда он делся? Где?

Он вернулся к предыдущим экспериментам, которые провел Костиган, и подумал, что вода, найденная в первые несколько раз, а затем воздух, с тех пор ощущаемый, указывают на взаимосвязь, существующую между этой полостью и миром за ее пределами, похожим на наш, поскольку он наделен теми же природными элементами. Вода и воздух. Он думал, думал, и идеи все больше путались у него.

- Башер мертв. - Молчание было нарушено этими грубыми словами, произнесенными Туксберри, и вызвало единодушные протесты.

— А почему бы и нет, - торжествующе настаивал Туксберри.

— Кто — то должен зайти и посмотреть, что случилось, - сказал Оркатт. — Со своей стороны я вполне могу предложить вам эту должность.

— Нет, Эд, - взмолился Деван — - за ним никто не должен следовать. Мы могли бы сделать один и тот же конец и таинственным образом исчезнуть один за другим.

Обычно Туксберри подчеркивал, что с ним этого не могло случиться из-за того простого факта, что он ни за что не попадет в него.

— Кто — то мог бы вас подсунуть, - хмыкнул Сэм.

Оркатт наконец позволил Девану убедить себя не лезть в трубу полностью, а просто положить в нее голову, как это делал Башер в первый раз.

- А капсулы у вас во рту?

— Башер гораздо важнее, - подтвердил Оркатт. Он опустился на землю, а остальные медленно подняли его, удерживая в таком положении до самой впадины. Когда он оказался перед ней, она представила свои пальцы, которые исчезли. Затем он приблизил голову к пустому пространству, и оно исчезло. Послышался звон падающих у него во рту капсул, и через некоторое время у него наконец появилась голова. Его глаза выражали отчаяние. — Там нет никаких признаков Башера, - сказал он — - только очень холодно и сыро. - Ее волосы были в беспорядке, что усиливало ее отчаянное отношение. - Я ничего не видел и ничего не слышал. Я позвонил Башеру,но ответа не получил. Даже эхо.

Через четыре часа шесть отчаявшихся мужчин послали за миссис Башер. К тому времени, когда она прибыла в такси, туман раннего утра позднего апреля постепенно истончался, возвращая Чикаго четкие очертания его особняков на фоне неба.

Деван помнил ее застенчивой женщиной, но видел ее лишь мимоходом, как и ее коллеги: Башерам, очевидно, было лучше одиноко.

Поэтому она забыла о своих рыжих волосах, которые выделялись теперь на ее бледном лице. Женщина не поверила тому, что они пытались ей объяснить. Его глаза тревожно вопрошали, но он категорически отказывался поддаваться рассказу о том, как Башер выбрал себе место и залез в трубку. Оркатт еще больше усугубил ситуацию, рассказав ей о исчезновении его руки в полости.

Миссис Башер, по мере того как объяснения каждого пытались убедить ее в правде, становилась все более подозрительной и в конце концов кричала, чтобы ей открыли дверь.

- Но почему? Не верите?

- Нет … что-то случилось с Гленном, и вы пытаетесь … открыть, говорю!

- Но что вы хотите сделать?

- Вызовите полицию и узнайте правду.

Деван попытался отговорить ее. Он схватил ее и встряхнул, и она закричала, обиженная, чтобы не трогать ее.

- Но вы не можете вызвать полицию.

- Как, не могу?

- Мы все испортим!

- Тогда расскажите мне правду о моем муже. Что с ним?

- Вам уже сказали правду.

- Открывайте, - снова закричала она.

— Выходите, - сказал ей Деван.

— Ничего из этого не получится, - добавил Оркатт.

Дверь захлопнулась.

6

Шестеро мужчин остались там, потрясенные и охваченные этой атмосферой, и Деван увидел их таким образом, вернувшись после сопровождения миссис Башер. Она не могла не рассмеяться.

Этот смех на мгновение прервал мысленную работу других людей, которые проводили экспертизу сознания, чтобы установить свои обязанности в этом факте, даже если они тогда оказались несуществующими.

- И что тут смешного? - выпалил Сэм. - Это испортило нам весь проект.

— Не думаю, - ответил Деван, - не стоит беспокоиться. Что он может доказать против нас?

— Он расскажет полиции о природе иглы, — заявил Костиган, - и тайна немедленно прекратится.

— Эта преждевременно сделанная реклама погубит нас, - добавил Сэм.

Но Деван показал себя уверенным в обратном, поскольку полиция, безусловно, столкнулась бы с рассказом миссис Башер с теми же реакциями недоверия, которые были у каждого из них в начале. — Они подумают, что она сумасшедшая, — заверил он, - и если она будет настаивать, они придут сюда посмотреть, в чем дело на самом деле.

— Но мы не хотим, чтобы здесь люди рыскали вокруг нашей машины, — запротестовал Оркатт.

— Но в глубине души никто из нас не видел, как Башер исчез в Игле, — продолжал Деван. - Башер просто отошел, и никто из нас его больше не видел. В конце концов, его тело исчезло, и поэтому нет ощутимых доказательств этого факта, и теперь, когда игла не работает, вы не сможете объяснить ее последствия: вы увидите, что они не будут здесь много стоять и в конечном итоге оставят нас в покое.

Однако было решено, что одежда Гленна Башера исчезнет, поместив ее в секретную лабораторию Костигана, а затем ограничиться утверждением того, что в остальном было правдой.

Башер исчез.

В этот момент туксберри покачал головой, сказав: - при всей нашей логике мы не сможем вернуть Гленна Башера…

- Знаете, - вмешался Костиган, - лучше пусть иголка поработает еще немного. Башер может быть на обратном пути прямо сейчас.

Еще через час прибыли сержант Уолтер Пивин и офицер. Тимоти Гриффин.

Первый, массивный и с выпученными глазами, подводил итоги ситуации и, казалось, раздражался, что никто не хочет признать, что исчезновение Башера было связано с иглой Костигана. Агент Гриффин, однако, потрудился совершить обыск по всей конюшне.

Допрос имел поистине обескураживающий исход, так как никаким способом сержант не мог убедить в сдержанности допрашиваемых.

— Позвольте мне задать вам вопрос сейчас, - вмешался Оркатт, окинув полицейского обиженным видом. - Скажите честно, вы бы поверили, что Гленн Башер вошел в эту полость и затем исчез?

Сержант Пивин почтительно посмотрел на иглу и ответил: - Нет, конечно. Вы считаете меня сумасшедшим?

- Тогда почему вы хотите, чтобы мы вам это рассказали?

Сержант выглядел очарованным и красотой, и линией и симметрией иглы, и почти не мог оторвать от нее глаз.

— Отлично, - сказал он. - Признаюсь, глупо так думать, но я должен следовать по следу, указанному миссис Башер.

— Кстати — - спросил Деван, - как он? Она успокоилась? Она была очень взволнована, когда пришла сюда.

- Она прекрасно выглядела, когда мы ее оставили, хотя в первый момент она казалась нам сумасшедшей, чтобы связать. Я никогда не видел женщину, которая так горевала. — Кашлять. - Но, возвращаясь к вопросу о вашем муже… Итак, кто-то из вас позвонил ей и сказал, чтобы она пришла сюда, не так ли?

— Верно, сержант, - вмешался Холкомб. - Гленн Башер посадил нас на полпути к эксперименту и … - он смущенно улыбнулся — -

Мы подумали, что он вернулся домой.

— Он был здесь минуту назад, — объяснил Сэм, щелкая пальцами, - а через минуту его уже не было. Мы думали, что жена может объяснить нам это исчезновение, исчезновение, convenitene, очень загадочное.

— Хороший и хороший ребус, — сухо прокомментировал сержант, — двери и окна закрыты, вентиляторы неподвижны и т. д. И все же кто-то пропадает.

— Верно, инспектор, - сказал Туксберри.

- Сержант, - поправил Пивин.

- Да, простите.

Вернулся другой полицейский, объяснив, что все нормально, кроме нескольких закрытых дверей.

- Пойдем проверим, Тим. - Сержант взял стул и оседлал нас, повернувшись к шестерым мужчинам. - Какого черта вы здесь делали в этот утренний час?

— Я же говорил вам, сержант, - пояснил Оркатт, поглаживая подбородок. - Космические эксперименты, но это не космический корабль.

- Нет? Но это действительно так. И что это тогда?

- Ну, все, что я могу вам сказать, это то, что это проблема.

- Это нехорошее объяснение.

— Я имею в виду, что эта машина поставила перед нами проблему гиперпространства и его корреляции с пространством вокруг нас.

— В это время — - вмешался Деван, - мы занимались переносимостью структур живых клеток отсюда и туда, а затем обратно сюда. Особенно о возвращении.

— Правильно, - сказал Сэм Отто.

— Да, да, - буркнул сержант, — а кто там старик, вокруг ниток?

— Это доктор Уинфилд Костиган, — объяснил Деван, -

изобретатель иглы.

— Во всяком случае, — прокомментировал сержант, — я не могу видеть нас ясными. Вы что-то придумываете и даже не знаете, для чего это нужно.

- Хотите познакомиться с доктором? - спросил его Деван.

Сержант был представлен Костигану, намереваясь наблюдать за некоторыми проводами и схемой.

- Работает?

- Не сейчас.

- А что происходит, когда он идет?

- Я еще не совсем решил. Не могли бы вы дать мне эту карту? - и указал на схему.

Сержант поднял его и протянул ему. - А откуда вы знаете, когда он пойдет?

- Вот и мы! - воскликнул доктор, уронив листок на землю. - Держите, - и он положил в руку сержанта стопку, которую сержант держал, встав на цыпочки, чтобы лучше видеть происходящее. - Ах! - сказал Костиган. - Это вопрос закономерности схемы. Несколько дополнительных или меньших ом могут испортить схему. Теперь ток в порядке. - Он оторвался от сержанта, вынимая у него стопку, которую затем выключил и поставил на место. Затем он отступил, почти отчаянно пытаясь увидеть, как верхняя часть иглы вытягивает шею.

Между тем Деван, озираясь, заметил, что офицер Гриффин направляется к ним, кружа вокруг иглы.

— Конечно, это огромная вещь, — сказал сержант, - прямо как в книгах Рэндольфа.

— Слушай сюда, - сказал Гриффин, стуча костяшками пальцев по боку машины. Раздался глухой звук. Гриффин подошел ближе, все время барабаня по металлическому корпусу. Наконец он заглянул в полость. — А что это?

Он остановился, чтобы рассмотреть капсулы немного внимательнее.

В тот же миг Костиган закричал: - Эй!

Все повернулись к нему и, заметив ужас на его лице, искали объект такого ужаса. Гриффин, испуганный тоном доктора и выражением его лица, сделал шаг назад, не встречая никакого сопротивления, так как этот сдвиг заставил его упасть прямо в игольное ушко.

Под беспомощным взглядом всех присутствующих Гриффин был замечен падающим назад в галерею, издавая крик ужаса.

Затем он исчез, и руки, протянувшиеся, чтобы схватить его, не смогли дотянуться до него. Ее платье опустилось на пол. Туфли и чулки были гротескно видны друг другу, так пусто и бок о бок.

Были секунды, которые казались долгими минутами изнурительной агонии. Можно было почувствовать напряженную, лихорадочно тревожную атмосферу.

Сержант Пивайн двинулся к игле, и Деван подумал, что он тоже собирается войти в нее, но, к счастью, Костиган прервал работу машины.

В дупле лежал Пивин, хватавшийся за пустую одежду друга, словно ища в нем знак, но тщетно.

7

Тишина, которая должна была окружить работу машины Костигана, была нарушена. Первым звеном соединительной цепи с общественным мнением стал сержант Пивин. За ним последовали Деван, Оркатт, Сэм Отто, Холкомб. Туксберри и Костиган, оказавшиеся в необходимости ответить мужчинам в форме, затем передали слово журналистам.

С этого момента небольшая группа ученых, решивших работать тайно, увидела, что их программа рухнула самым громким образом. Журналисты, фотографы, операторы, полицейские повсюду. Сначала бегают к игле, а затем от них лихорадочно спрашивают новости о работе машины и исчезновении двух человек. Поэтому приходилось каждый раз снова начинать объяснять, говорить, и шестеро мужчин были уставшими, убитыми горем, небритыми. С другой стороны, им было категорически запрещено покидать конюшню.

У них больше не было ни минуты покоя, это была непрерывная череда магниевых вспышек: фотографии рядом с машиной, в одиночестве, с полицейскими и, всегда, в одежде Гриффина и Гленна Башера.

Деван был вне себя и думал, что другие тоже должны быть в его собственном состоянии голода, сна и усталости.

— Вы будете завтракать, как только закончится первая часть допроса, - ответил на его просьбы лейтенант Гарольд Джонсон, вполне понимая свою роль полицейского.

Это была Бетти Передж, которая сбила их с толку. Он прибыл в девять часов на работу и сумел пробиться к ним.

Она читала в газетах и, конечно, волновалась.

После довольно жаркого спора с Джонсоном ему удалось капитулировать над сопротивлением и заставить шестерых мужчин принести завтрак. Они очень нуждались в этом; они собрались в кабинете Костигана, где они также могли забиться электробритвой.

Их состояние сразу улучшилось, и Костиган, выражая свое сиюминутное удовлетворение небольшим испытанным

самочувствием, также пожелал, чтобы у него, несмотря на утренний час, был хороший глоток коньяка.

Бетти объяснила им, что лейтенант хочет иметь демонстрацию иглы и что он хочет, чтобы они все отправились на место.

- Пока вопросов больше нет! - воскликнул Костиган.

- И не говорите! - возразил Сэм Отто, сверкнув глазами и сигарой, которую Бетти протянула ему, свисая с его губ. - В конце концов, это реклама.

— За счет Гленна Башера и полицейского, — напомнил Туксберри. - Они запретят проводить другие эксперименты после этих несчастий и закроют это место.

— Наоборот, — возразил Сэм Отто. - Вы не знаете, какой громадный призыв сделает для людей эта машина. Каждый захочет увидеть и осознать. И кто-то захочет войти, чтобы попытаться понять и вернуть нам правильный ответ на наши вопросы. Постойте немного.

- Конечно, если бы я знал, что этот эксперимент будет стоить жизни двум мужчинам…

- А кто сказал, что они мертвы! - воскликнул Деван. — Мы никогда не узнаем, пока кто-то не сможет войти и выйти!

Когда они подошли к игле, их ждали полицейские, журналисты и фотографы. Они должны были объяснить им, что именно случилось с двумя мужчинами.

— Надо бы, чтобы машина теперь работала, - проворчал Оркатт. - Гриффин и Башер могут быть на обратном пути прямо сейчас.

— Я хочу демонстрации, — сказал лейтенант Джонсон, - но я не хочу, чтобы были другие смертельные случаи.

- Смертность! - воскликнул Сэм Отто.

— Все подальше от машины, - приказал Джонсон, - сейчас попробуем!

Как только все отошли от машины, Костиган выполнил все различные маневры, необходимые для ее работы. Наконец он обернулся и объявил, что устройство в движении.

Взгляд, который бросил на него лейтенант Джонсон, был сомнительным.

- Но как, если он выглядит так же, как и раньше, когда не работает!

— Да, - возразил Костиган — - но протяните руку, и вы увидите, что происходит. Не торопитесь.

Лейтенант осторожно подошел к машине, положив руки прямо перед ушком. Когда он приблизился еще ближе, он с огромным изумлением увидел, как исчезли кончики его пальцев. Из группы присутствующих поднялся шум. Джонсон быстро убрал руки и соединил их друг с другом, почти чтобы убедиться, что они живы. Он повторил эксперимент еще раз и снова, увидев, что часть его рук исчезла, убрал их, чтобы посмотреть, все ли они целы.

— Хорошо, - сказал он, - остановите машину сейчас.

— Минуточку, — вмешался Деван, - вы не можете остановить машину сейчас. Как уже сказал Оркатт, агент Гриффин и Гленн Башер, возможно, пытаются выбраться, и они смогут справиться с этим только в том случае, если машина заработает.

- А вы думаете, они живы?

- Ваши руки не мертвы, не так ли?

- Ве…

- Во всяком случае, был бы лучший и более быстрый способ вытащить их. Кто-то должен войти в глаза и указать им путь вперед.

— Этого нет, - лейтенант отрицательно покачал головой. - Машина сама по себе представляет опасность. Кто-то другой может исчезнуть.

— С другой стороны, — вмешался Оркатт, — поверьте мне, лейтенант, это единственная система, позволяющая вернуть вашего агента. Поэтому, если вы решите остановить машину, вы обречете ее навсегда.

Наконец, после неоднократных увещеваний лейтенант представил предложение начальнику полиции, который, в свою очередь, представил его комиссару, который представил его мэру,

и, наконец, было решено, что игла будет работать. Однако в качестве меры предосторожности вокруг инструмента был установлен деревянный частокол с воротами для входа в него, а полицейский, который постоянно находился, был помещен прямо перед входом в машину. Никто не должен был входить; в случае нарушения полицейский был вооружен.

— Я не понимаю, почему вас не пускают, - говорила Бетти Девану. Они сидели на упаковочном ящике перед кабинетом Костигана.

- Они все еще надеются, что в любой момент мы заставим агента Гриффина выскочить наружу, как кролик из шляпы.

- Но возможно ли, что Гриффин может выйти из глаз?

- Конечно, это возможно.

- Эта машина, конечно, исключительная вещь, но как вы могли, зная ее последствия, построить ее, а затем заставить людей исчезнуть?

- Да, сколько еще крупы, если бы мы ее не построили.

- Они все в смятении из-за этого изобретения, а газеты и радио ни о чем другом не говорят. Подумайте, что схемы, которые я нарисовал, теперь являются неотъемлемой частью иглы! Но, наконец, должна была быть какая-то другая веская причина для ее создания, кроме того, чтобы все исчезло.

- ”Вещи ” не исчезают, Бетти. Только живая плоть. И не спрашивайте меня, почему…

- Вы не задумывались, куда эти предметы попадают?

— Да, - согласился Деван, - и именно по этой причине был построен этот колоссальный инструмент. — Затем он объяснил ей о предыдущих инструментах меньшего масштаба и предполагаемой ими возможности использовать их для внутренней диагностики. С другой стороны, кто бы хотел использовать этот прибор, не зная, куда уходит часть, которая на мгновение исчезла?

— Итак, мы построили машину, достаточно большую, чтобы в нее мог войти человек, который лично контролировал все происходящее внутри. Мы уже сделали две ошибки, и нам больше не нужна третья. Было бы лучше, если бы я остался во Флориде,

хотя мне все равно пришлось бы вернуться, теперь, с этим can-can.

- Что там во Флориде? - и Бетти обернулась с излишней оживленностью, так ему, по крайней мере, показалось.

- Место под названием “Пеликанская Скала”, скала пеликана. Я купил его, но до этой зимы у меня не было возможности взять его с собой. И, оказавшись там, выскочила игольчатая сделка. Моя жена и малыши все еще вниз. Вы когда-нибудь были во Флориде?

— Нет. Мы с Фрэнком думаем, что когда-нибудь пойдем туда. Или во Флориде, или в Калифорнии. Мы еще не решили.

- И вы работаете в этот день? Вот почему вы взяли эту работу?

— Нет, - ответила Бетти. - У меня есть ребенок, Джимми, за которым я следил шесть лет. Сейчас он в школе, а мне нечего делать. Ну, не то чтобы я не нашел бы в доме дела. Всегда есть тысяча вещей. Но есть моя свекровь, мать Фрэнка. Она живет с нами и готовит Джимми завтрак. Он знает, что мне нравится работать, и поэтому мы заключили какой-то контракт. Она делает работу по дому, и я беру домой чек на работу. И поэтому, работая оба, мы с Фрэнком смогли что-то отложить в сторону.

- Я знаю, что значит иметь семью. У меня двое детей, которые на несколько лет старше вашего Джимми и стоят немалых денег.

- У вас усталый вид.

Вдруг со стороны иглы послышались какие-то очень взволнованные голоса.

Это были три человека, большой человек, маленький человек и женщина, которых Деван никогда раньше не видел. Они стояли там и обсуждали с полицейским, наблюдавшим за машиной, который кивнул в сторону подъездного кабинета и покачал головой.

— Я видела, когда они входили, — сказала Бетти, воспользовавшись мгновенным отсутствием офицера, стоявшего у входа.

Деван спросил: - А где все остальные?

- Я не вижу никого, кроме офицера. Журналисты тоже исчезли.

Он заглянул в кабинет Костигана и увидел Сэма Отто, смотрящего в сторону трех незнакомцев.

— Я хотел бы выйти на минутку, — сказал Деван, - подышать воздухом.

Он поднялся по ступенькам, ведущим к двери кабинета Костигана. Доктор спал, положив голову на руки. Оркатт повернулся к нему и Бетти с глазами, полными сна, он тоже лежал в удобном кресле.

- Никто не приходит в теннис? - спросил Деван.

— И иди к черту — - ответил Сэм Отто из окна. - Не то чтобы я когда-либо играл в теннис.

Оркатт встал и выпрямился. - Ну, Дев, что теперь будет с проектом?

- Я не думал об этом, мне интересно, что с нами будет.

— Все в тюрьме, - вмешался Туксберри. - Я позвонил жене, которая считала, что я уже там.

— У нас есть визиты, - сказал Сэм.

- Надеюсь, они не придут больше вопросов, - возразил Оркатт.

- Там были люди, которые спорили с дежурным полицейским; теперь он идет на нашу сторону.

Вскоре в дверях появились трое в сопровождении полицейского. - Говорят, у них есть сообщение от вашего начальника, - пояснил агент. - Вы их знаете?

Трое бок о бок были предметом экспертизы. Высокий мужчина был слишком полон себя, подумал Деван. Все в его настроении подтверждало это впечатление; волевой подбородок и высоко поднятое лицо и губы, между которыми стояла большая сигара. Его глаза были полны огня, его темное пальто было “демоде”, а шляпа-лохматой, но чистой.

Рядом с ним стояла женщина с очень выпуклым носом, круглыми глазами и черными волосами, беспорядочно выходящими из старой темной шляпы. Он крепко сжал губы, с суровым выражением лица.

Третий мужчина стоял совершенно неподвижно, с ногами, образующими букву V, спиной назад, в хорошо отглаженном костюме, по крайней мере, из того, что Деван мог видеть из расстегнутого пальто. Лицо его было обычным, но в глазах у него было что-то фанатичное.

— Никогда раньше не видел в моем кабинете, - сказал Деван.

— Я тоже — - подтвердил Оркатт. А остальные кивнули в свою очередь.

- Кто здесь главный? - спросил коренастый мужчина кавернозным голосом.

- И что вы хотите? — выпалил Деван, раздраженный ее манерами.

- Кто этот вождь? - спросил Сэм Отто, заинтригованный.

- Кто еще, кроме Бога? - пояснил здоровяк. - А мы его дети. Я Эрик Суддут из “миссии Суддут”, вниз по улице, и это, — она указала на женщину, - это сестра Эбигейл, директор по работе по оказанию помощи и оказанию помощи женщинам. Орвид Блейн, выдающийся брат по соседству, является помощником директора по работе.

Деван в свою очередь представился. - А чего вы от нас хотите?

— Вы должны остановить машину, - сказал Суддут. - Бог дал нам понять, что вы мешаете его работе и его воле. Два принесенных в жертву человека были его предупреждением. Машина должна быть уничтожена.

— Аминь, - произнесла сестра Эбигейл.

— Вам лучше поступить так, как он говорит, - сквозь зубы процедил помощник директора. — Мы не хотим, чтобы Божья воля презиралась таким образом.

— Извините, что впустили их, - извинился полицейский. - Сказал этот человек.…

— Остановите машину, и будет слава вам и слава мне, - сказала сестра Эбигейл, обнажив в улыбке длинные острые зубы.

Деван всматривался в Оркатта, и в его глазах читался дискомфорт. Было долгое мучительное молчание, которое Деван

мысленно соединил с еще одним таким молчанием, свидетелем которого он стал, когда на любительском спектакле один из актеров потерял нить речи, что было абсолютно необходимо для целей того, что другие скажут, не давая им преодолеть эту его амнезию.

- Эй, вы трое, - вышел наконец милиционер — - уходите, вверх.

— Минуточку, — вмешался Деван, - я уверен, что у этих господ самые лучшие намерения и они в абсолютной добросовестности настаивают на своем положении.

— Вам лучше остановить машину, - угрожающе возразил Блейн. - Вы слышали, что сказал великий директор.

- Я не слышал Божьей воли, но я знаю, что мы должны управлять машиной до тех пор, пока есть надежда вернуть этих двоих обратно.

— Никто не вернется, - сказал Суддут — - бесполезно надеяться исправить совершенную ошибку.

Оркатт яростно возразил против этих слов, заставив брата Блейна вмешаться в защиту Суддута.

- Успокойся, Орвид! - воскликнул Эрик Суддут, обращаясь затем к Оркатту: - ясно, — сказал он, - что вы не получили от своего интеллекта дара более интимного и глубокого видения этого скорбного мира, который нам дарован. Нынешний кризис, в который вливается мир, вызван такими людьми, как вы, и наша задача-выправить вас…

- А при чем тут игла? - спросил Сэм Отто.

— Действительно, то, что я сказал, - возразил Суддут. - Двое мужчин, которых вы так безрассудно обступили своей машиной, могли бы однажды увидеть этот свет, о котором мы проповедуем.

— Вы хотите сказать, — спросил Деван, - что рано или поздно они присоединятся к вашей миссии?

— Мы не можем из — за чего — то смотреть на весь мир, - объяснил Суддут, - но мы стараемся в наших пределах действовать в маленьком мире вокруг нас. Силы закона и правопорядка также могут позволить вам привести людей к таким серьезным вещам, как их полное уничтожение, но я, как Великий

директор нашей работы по спасению людей, просто не могу этого допустить, тем более так близко к моей миссии.

- Остановите машину на имя великого директора, - подбодрила сестру Эбигейл.

- Во имя верховного вождя! Во имя славы!

— Хватит, сестра, - сказал Суддут.

— Мы не можем ее остановить, - настаивал Деван.

- Сюда! - Милиционер встал и открыл дверь.

— Великий директор приказал остановить ее, - продолжал Блейн, сверкнув глазами и обезумевшим лицом. Он двинулся за Деваном.

- Эй, вы, идите сюда, - позвал его офицер, взяв его за руку и придавив к двери.

— Плохо будет, - были последние слова Суддута.

- Вы не можете ослушаться начальника! — истерически воскликнула женщина.

- Аминь! - крикнул Блейн.

Полицейский оттолкнул их.

8

К несчастью для полицейского управления Чикаго, признания, сделанные о возможности возвращения двух пропавших без вести, возложили на плечи группы исследователей всю ответственность, вытекающую из этой ситуации.

Но что можно сделать, когда человек исчезает в колоссальном устройстве? Не было такого прецедента, чтобы предложить им, что делать.

Во всяком случае, во-первых, полиция старалась иметь На игле все возможные шуточки, делая пометки на заметках, поэтому Деван подумал, что они уже все знают об инструменте, кроме тайны его постройки.

Пока полиция проводила расследование и общественность ждала, машина всегда работала под бдительным присмотром Костигана.

Никто не говорил о смерти Гленна Башера и агента Гриффина, хотя многие были абсолютно уверены в этом.

Это событие, естественно, имело много последствий снаружи, и движение в этом районе было перенаправлено. Тысячи и тысячи людей приходили со всех концов города к конюшне, в которой стояла Игла, в надежде, что они смогут хотя бы взглянуть на нее, но, конечно, не все могли войти. Помимо сотрудников ордена, должностных лиц “внутренних дел”, журналистов и радиоведущих был длинный список видных ученых, экспертов Военно-Морского Флота и армии, ученых по электронным проблемам и крупных деятелей ведущих медицинских исследовательских центров Штатов.

Каждый из них хотел попробовать эксперимент с иглой, засунув руку в полость, и каждый был полностью потрясен этим. Самые разные предположения были переплетены, и были распространены абсурдные слухи, такие как тот, в котором говорилось, что другим почти удалось создать инструмент, похожий на инструмент Костигана. Доктора Костигана мучили постоянные интервью и вопросы, и в какой-то момент он отказался продолжать, даже отложив своих контор из Клейборна или из Дьюхерста, последнего института, в котором он преподавал.

Остальные последовали его примеру.

Три дня спустя Сэму Отто пришла в голову идея. Это был вид полицейского в форме, вытаскивающего из Иглы женщину (биолога), которая внезапно предложила ему поистине сенсационный трюк.

Он побежал объявлять о своем открытии Девану и остальным, собравшимся в кабинете Костигана, и его слова были на первых порах настолько запутанными, что никто не мог видеть нас ясными.

- Что скажете? - спросил его Деван. - Что вы пытаетесь объяснить?

- Охранник, который тащил женщину, - настаивал он — - но, скажите мне, чего мы больше всего желаем?

— Вернуть Башера и Гриффина — - ответил за всех Деван.

— Действительно, но мы еще не знаем как, - и он посмотрел на них, улыбаясь и оставляя их на некоторое время в покое. - Конечно, мы не можем впустить человека, привязанного к веревке, чтобы его можно было связать, поскольку неодушевленные предметы, такие как веревка, не могут пройти туда.

- Да, во имя неба.…

— Итак, давайте сделаем веревку из людей, — торжествующе добавил Сэм, - мы можем взять себя в руки, первый дает руку второму, второй-третьему и так далее, пока не достигнем количества людей, которых мы считаем нужными.

— Но он грозный, - прокомментировала Бетти.

- Это действительно удивительно; никто еще не думал об этом.

Это, которое было названо “операцией Отто”, казалось, имело на первых порах все помещения для легкой реализации. На одной стороне человеческой цепи были бы Костиган, Сэм Отто, Джеймс Холкомб, Деван Трейлор, Эдмунд Оркатт и Говард Туксберри, а на другой-добровольцы, которые предложили вернуть Гленна Башера и агента.

Но полиция, узнав о проекте, поставила очень точные условия, при которых должностным лицам “внутреннего” не было бы

разрешено входить в инструмент, но из добровольцев полицейского корпуса должны были быть выбраны те, кто после строгого медицинского осмотра оказался абсолютно здоровым, без капсул во рту и отремонтированных зубов (за исключением очень небольшого ремонта, который должен быть восстановлен после выхода из Иглы). Кроме того, они должны были быть моложе тридцати лет и не иметь семейных обязательств. Было решено, что" операция " состоится через три дня, в восемь часов вечера.

Как только эта новость просочилась в журналистские и радиооборудования, возникший шум стал огромным. Вокруг здания непрерывно хлынули потоки людей, и машины стояли там постоянно.

Внутри репортеры и радиоведущие осаждали Костигана и других постоянными вопросами, ставя их всех в положение, чтобы заявить, что к настоящему времени люди знают все об этом и что больше нечего разгадывать.

По мере приближения события вокруг инструмента был снят частокол, установлены подножки для публики и трибуна для властей.

Можно было бы сказать, что создается колоссальное шоу, и атмосфера, царившая в окружающей среде, имела все характеристики, присущие голливудской "премьере". На входе были выставлены билеты с предупреждением, что двери закроются в восемь минус четверть. Конечно, эта последняя часть программы, установленная властями, очень позабавила Оркатта и его соратников.

Те из полиции, чей вход произошел в восемь минус четверть, имели, учитывая роль, которую они теперь взяли на себя в ходе событий, почетные места рядом с главными деятелями политики и науки.

Деван и его друзья, а также члены совета директоров сидели в небольшой секции, справа от полицейских-добровольцев. В то время как Оркатт и другие к настоящему времени проявили некоторое безразличие к инструменту и просто наблюдали за тем, что город сделал с этим изобретением, которое должно было оставаться в секрете, все члены Совета были очень взволнованы и, конечно же, не были нечувствительны к этой конкретной цирковой атмосфере. Даже миссис Петри по этому случаю

отказалась от своей обычной вязки, чтобы наблюдать за ней; в то время как все остальные явно разделились между любопытством, волнением и некоторым страхом перед тем, что произойдет.

В восемь часов мэр поднялся на небольшую платформу справа от полости машины и обратился с сердечной речью к двенадцати добровольцам, превознося их храбрость и щедрость, которые они продемонстрировали, предложив помочь двум пропавшим без вести. Закончив речь, он поклонился аплодисментам и повернулся к камерам телевизора.

Прежде чем уйти с подножки, мэр представил лейтенанта Джонсона, который, в свою очередь, представил сержанта по имени Спенсер, который дал указания двенадцати добровольцам.

Они разделись, за исключением пары коротких шорт и теннисных туфель и носков. Когда они были готовы, они выстроились в очередь и, по приказу сержанта, двинулись к отверстию иглы. Взяв себя в руки. Это был момент большого напряжения, который ознаменовал вход первого человека в машину, к высокому подбородку и груди снаружи.

Тут же второй мужчина вскрикнул и согнулся на коленях, делая огромное усилие, чтобы не сразу попасть в иглу. Остальные сдерживали его, зная о его недомогании, но он намекнул, что он войдет.

— Я все еще держу его, - сказал он, обращаясь к товарищу, к которому он присоединился, — но я чувствую, как он опускается.

Затем он вошел.

Затем шагнул третий полицейский, резко напрягшийся во всех своих мышцах, его тело покрылось потом. Не говоря ни слова, он медленно шел маленькими шагами, пока таинственная полость не поглотила его.

До этого момента цепь поддерживалась, но после того, как вошел третий полицейский, произошел очень драматичный факт.

Четвертый человек остановился, прежде чем войти, ошеломленный и дрожащий, упал на землю на уровне отверстия, его глаза вышли из орбиты, его рот был широко открыт, и цвет, который от красного постепенно становился все темнее и темнее, пока не стал пурпурным.

Когда его товарищи попытались оттолкнуть его от проема, все с ужасом увидели, что его правая рука пуста: перед ним никого не было. Раздался ропот ужаса, за которым последовало обширное и трагическое молчание.

9

— Это было ужасно, - сказала мисс Трит. - Я все видел по телевизору.

— Вы и еще миллион человек, - ответил Деван, повесив пальто в кабинете. В душе ему не хотелось ничего, кроме как оставаться в одиночестве в этот момент. Он опустился в кресло перед письменным столом, и его галлюцинированное лицо не оставляло Беатрис сомнений. — Вам плохо, - сказал он.

— Да и нет, - ответил Деван. - Я выпил.

— Понимаю, - сказала женщина. - Могу я принести вам кофе?

- Отличная идея. - Он, казалось, очень ценил это предложение, но на самом деле больше, чем кофе, ему нужно было побыть одному, и поэтому он велел ей идти, но делать все спокойно.

Тысяча путаных мыслей вертелась в его голове: трое мужчин вошли в иглу и больше не выходили из нее, как остальные. Было ужасно думать, что после этих громких приготовлений это был печальный баланс эксперимента. Вот, после всех этих звуков, фанфар и возбужденных голосов, эта ужасная тишина.

В тот день он был одним из последних, кто вышел.

Он знал, что не сможет ни есть, ни спать в тот вечер, и поэтому решил сунуться в таверну и попытаться забыть иначе.

Позже он отправился в петлю, и даже там первые слова, которые он услышал в баре, касались иглы, и слова были, как и следовало ожидать, скептицизмом и недоверием к столь чудовищно продуманной машине.

Поэтому Деван решил купить себе бутылку и пойти слить ее в свою комнату. Позже ему также удалось позвонить своей жене, крича, как Одержимый, все время разговора.

Кошмары преследовали его: пятеро парней попали в большую “иглу”. С большим “глазом”. Последние три пытаются вернуть два других. А теперь все пятеро.

Нужно было, чтобы эти пять парней вернулись, но как, как?

Его потряс звук телефона.

Оркатт волновался, не найдя его нигде. Она успокоила его, сказав, что ни один из них не был обвинен в какой-либо вине. Город просто хотел, чтобы они вернули пропавших пятерых.

— В газетах это больше связано с полицией, чем с нами, - сказал он. - Говорят, что игла-это чисто научное любопытство и что полиция не имеет к этому никакого отношения.

- А как же публичный доклад? - забеспокоился Деван.

- Тысячи звонков сегодня утром. Половина, чтобы сказать нам, чтобы уничтожить машину и все ее проекты. Другая половина, чтобы побудить нас найти решение, чтобы вернуть мужчин, вошедших в иглу.

Когда Оркатт повесил трубку, Деван немного успокоился при мысли, что в городе его нет с ними. Они были добры к этому, сказал он себе. На этот раз его прервала ее фантазия Беатрис Трит, которая вошла, улыбаясь, с чашкой дымящегося ароматного кофе, которую она положила на стол.

- Пол чайной ложки сахара и немного сливок.

- Отлично, спасибо.

- Я запомнил это.…

Он смотрел на нее, с некоторым сожалением думая о счастье, которое он мог получить от нее, и … женщина тоже о чем-то думала.

— Вы недавно сказали, что не хотите, чтобы с вами говорили о прошлой ночи, — сказала она.

- Действительно, - подтвердил Деван. - У вас есть что мне сказать?

— Да, - слегка покраснела она. - Вы хотите, чтобы мужчины вернулись, не так ли?

— Природный.

- Послушайте, это будет выглядеть глупо, но мне пришла в голову странная идея.

Деван был так в отчаянии, что объявил себя готовым выслушать ее и, возможно, надеяться на нее.

- Вы знаете, мистер Трейлор, игру “двадцать вопросов”?

- Конечно, но куда вы хотите попасть?

- Они делятся на три класса, не так ли? Животные, растения и минералы. Вы понимаете, что я имею в виду? — оживленно продолжал он. - На самом деле классов может быть два; одушевленные и неодушевленные существа, но в игре “двадцать вопросов” вы должны хорошо указать класс, разделив класс одушевленных существ.

В голове Девана пронеслась светлая мысль, идея, которая на мгновение согрела его все, и нервы у него растянулись.

— Столько животных”, что ” растения живы, - торжествующе провозгласила Беатрис.

Деван взял телефон, набрал номер и, ожидая ответа на другом конце, поблагодарил женщину за идею, надеясь, что решение может быть найдено. Потом: - это вы, Бетти? У вас еще есть растения на окне? Ну, Послушайте, возьмите вечнозеленый, положите его на длинную ось и вставьте в иглу. Затем вытащите ее и скажите мне, что происходит. Немедленно перезвоните мне. Если это сработает, мы должны поблагодарить Беатрис Трит, мою секретаршу, которая находится рядом со мной. Я жду вашего звонка.

Через несколько минут зазвонил телефон.

- Деван?

— Да.

- Бетти.

- Да, я понял, в чем дело?

- Цветочный горшок выходит неповрежденным, но цветы остаются внутри.

На доказательстве Бетти Передж, что не только люди могут попасть в иглу, Деван не ликовал, думая о новой возможности решения проблемы, уже будучи ошпаренным экспериментом Сэма

Отто, который, по-видимому, был обречен на успех.

Он просто спросил Бетти, не наблюдает ли кто-нибудь за ее маневрами с цветами. Полицейский, ответила она ему, внимательно наблюдал за ней, но она была уверена, что не совсем понимает, что делает.

Затем он бросился с Мисс Трит в кабинет Оркатта. Он был в восторге от новой идеи, но Деван решил обуздать ее, чтобы не совершить еще одну ошибку, как в первом испытании.

В середине дня дюжина рабочих, которым была назначена очень высокая награда, выкорчевала огромный ломбардский Тополь из земли такого, что он не мог отказаться, перед самым высоким предложением, сделанным ему.

Загруженный на большой трейлер, дерево было доставлено через город к конюшне лаборатории, где оно было введено через вторичную дверь.

Вскоре известие о введении этого нового элемента стало достоянием журналистов, которые всегда скрывались от него. Затем интервью были направлены на это, и точные ответы, предоставленные им по этому вопросу, обострили ожидание того, что произойдет в тот момент, когда завод будет введен в машину.

Сначала Оркатт решил проверить, не пройдет ли дерево через отверстие, и вместе с остальными поднял тополь, который попал в дупло. Бетти наблюдала за операцией, сигнализируя, в какой точке находится большой ствол. Наконец все вошло, и мужчины на мгновение отдышались.

- Кто предлагает войти на этот раз? - спросил Туксберри.

- Вы предлагаете? - спросил он.

— Нет, конечно, - ответил он.

В этот момент Бетти подошла к Девану и тихо спросила: — сколько репортеров Вы сказали, что были там раньше? Двенадцать, не так ли?

— Действительно, - подтвердил Деван.

- Сейчас одного не хватает.

Было высказано сомнение в том, что двенадцатый журналист хотел попасть в иглу, хотя, учитывая явные и скудные шансы выбраться из нее, это предположение не казалось полностью достоверным.

- Я Джед Хьюстон из “Сан-Таймс”, - представился он.

Туксберри указал ему на опасность этого подвига, но Джед заявил, что все будет хорошо, поскольку речь шла о том, чтобы подставить между собой и поверхностью иглы растение.

— А потом, если я смогу, — с недоверием сказал Джед, - я получу от этого сенсационную услугу.

Единогласно было решено, что Джед войдет в полость, взобравшись на растение.

Джед Хьюстон начал раздеваться, и, хотя он знал, что потеряет всю одежду в Игле, он также, из уважения к двум присутствующим женщинам, держал себя в рубашке и паре коротких шорт.

Улыбнувшись всем чрезвычайно уверенно, Джед вцепился в ветки и двинулся вдоль растения в участок, отделявший его от проема.

Он собирался войти в нее, когда из неизвестного места в комнате раздался крик.

- Стой! Не входи!

Все глаза повернулись в том направлении, где, поднявшись на высокую панель управления, стоял Орвид Блейн.

— Великий директор миссии приказывает никому не садиться в эту машину, - сказал он. — Теперь он молится с сестрой Абигайль и двадцатью мужчинами, умоляя о пощаде для вас, нарушивших волю Бога и приведших к гибели пяти человек!

Джед Хьюстон, остановившийся на мгновение, чтобы наблюдать за ним, снова повернулся к машине.

— Остановитесь, - заорал Блейн, размахивая длинной железной трубкой, - или я брошу эту трубу посреди всех этих проводов. Так вы закончите.

— Я понимаю, - сказала Бетти, - потому что там было двенадцать

репортеров, - и указала на человека наверху.

— Я должен был узнать его, - сказал Деван.

Оркатт повернулся к Блейну со всей своей властью.

- Послушайте, Блейн, мы считаем, что вы действуете добросовестно, и в этом случае мы ничего не скажем, если вы спуститесь и спокойно уйдете по своим делам.

— Блейн, - сказал Деван — - если вы уроните эту трубку, вы станете причиной смерти пяти человек, уничтожив все их шансы вернуться.

— Тогда скажите этому человеку, чтобы он не заходил, - настаивал Блейн.

— И прекратите, - крикнул Джонсон. - Спуститесь вниз, и мы проведем вас до двери. Вы прерываете важный эксперимент. Или спуститесь вниз, или я приду.

— Вы ни за что не придете — - прорычал Блейн и, увидев, что Джонсон собирается подняться, издал пронзительный крик. — Я предупреждал вас, - и он с силой отбросил трубку.

Игла испуганно дернулась. Цветные круги, которые из темно-красного постепенно превращались в ярко-красный, а затем оранжевый, стояли вокруг машины. Слышалось шипение расплавленного и сжимающегося металла.

Комната была наполнена дымом. Ни звука не было слышно.

Все живые существа, в том числе в радиусе двух кварталов вокруг иглы Костигана, исчезли. Попав в глаз “” глаз ” стал невероятно большим после того, как заряд высоковольтного электричества, вызванный случайными причинами, прошел через некоторые из его соленоидов.

Из пропавших остались только маленькие груды зубных капсул, зубные протезы, очки и многие другие искусственные аксессуары, некоторые из которых очевидны, другие, которые всегда были тщательно спрятаны.

И не только людей, но и животных. Рядом с одеждой тех, кто молился в миссии Суддута, отчетливо видны следы трех собак, которые были поражены катаклизмом, когда они барахтались в

квартале от иглы.

Вокруг конюшни машины, оставшиеся внезапно без руководства, заносились и столкнулись, в то время как внутри были сложены аккуратно разбросанные одежды их владельцев и других пассажиров.

Всего триста девяносто пять человек прошли через Игольный барьер.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

проход

10

Свет погас, и стул, на котором он сидел, был отодвинут. Деван затаил дыхание, и это пригодилось ему, когда, дыша, он обнаружил, что полностью погружен в воду. Чувство, которое он испытал, было ужасом. Как в кошмаре он чувствовал, что скучает и не может выйти на поверхность. В конце концов разум подсказал ему сохранять спокойствие и не суетиться. Постепенно ему удалось выйти на поверхность и подышать свежим воздухом.

Когда он немного пришел в себя, он понял, что происходит вокруг него, услышав крики мужчин и женщин и мрачные крики тех, кто шел внизу. Стараясь держаться как можно выше от воды, ему казалось, что он далеко видит клочок земли.

В этот момент он почувствовал, как одна рука схватила его за плечо, а одна рука судорожно сжала его шею, и хриплое дыхание все ближе и ближе приближалось к его уху. Он попытался успокоить существо рядом с собой, чувствуя, как под ним тянет, и, когда его глаза немного привыкли к темноте, окружавшей его, он увидел, что человек, который к нему приближается, - Бетти Передж. Чувствуя, что она судорожно сжимает его, он ударил ее. Наконец ему удалось успокоить ее, заставив расслабиться.

Время от времени Бетти инстинктивно напрягалась и хватала его, затем, вспомнив о пощечинах, сдавала хватку, отдаваясь как можно больше.

Это было ужасно. Они плыли в неизвестном направлении, и Деван даже не мог понять, куда они идут, не имея возможности подняться из-за веса Бетти.

Ему показалось, что он услышал шум волн, разбивающихся о берег, и увидел собаку, направляющуюся в ту сторону.

Он старался как можно более научно применить на практике все движения плавания, чтобы его силы длились дольше. “Рука, вдох, ноги, выдох. Другая рука, выдохните. Боже, Не бросай меня””

Сколько веков прошло, прежде чем он почувствовал под ногами мягкий и благословенный песок? Он не знал. Он оттолкнул Бетти в сторону и опустился на живот, опустив руки в Рену, измученный, неспособный сделать какое-либо движение, чтобы подняться. Тогда Бетти стало плохо.

Деван был слишком слаб, чтобы помочь ей. Постепенно он почувствовал, что его охватило чувство оцепенения, почти благополучия. Спать, вот и хотелось спать. Но ему удалось заставить себя не делать этого. Это было бы фатально.

Поэтому ему удалось немного встать, оттолкнув Бетти на короткое расстояние.

Вдруг он понял, что женщина голая. Потом она увидела, что он тоже. Сидя на пляже, они стояли неподвижно и до сих пор не имели сил говорить. Другого звука не было слышно, кроме плеска волн о берег.

Затем Бетти прошептала: - Что случилось?

Деван хмыкнул: - хотел бы я знать.

Они встали, слабые и нездоровые. Бетти обхватила его одной рукой, чтобы поддержать себя, и Деван обхватил ее за талию.

Объединившись, они медленно двинулись вдоль пляжа и оказались в поле зрения других.

Одни уже стояли на берегу, другие захлебывались волнами на берегу.

Они продолжили путь через пляж, который вскоре превратился в простор жирной травы. Они с трудом пробрались туда, учитывая высоту травы, и вскоре оказались в небольшом лесу. Здесь они остановились. Единственным звуком был ветер в листьях.

Бетти вздрогнула.

- Холодно?

Девушка кивнула.

- Опуститесь.

Она на мгновение обеспокоенно посмотрела на него.

- Я покрою вас травой,пока вы не укроетесь.

- А вы?

- Я все сделаю.

Бетти подошла к нему с испуганными глазами и распущенными волосами на плечах и груди и, взяв его за руку: — не оставляйте меня одну, — сказала она.

- Я буду рядом.

— Но я хочу, чтобы вы стояли рядом со мной; я умру от страха, если не смогу прикоснуться к вам, чтобы чувствовать себя в безопасности.

Поэтому они лежали рядом, согреваясь под толстым слоем жирной травы. Деван позавидовал сну Бетти, как бы ему ни было приятно слышать, что она доверяет ему.

Деван не мог уснуть. Он думал, что люди, оставленные, рано или поздно найдут их, и тогда…

Чтобы не уснуть, он заставил себя думать. Где они были? И если все люди, прошедшие через иглу, оказались там, там должны были быть Башер и четверо полицейских. Но где они были? И была ли игла машиной, которая носила во времени? В прошлом или в будущем? И если это была машина времени, то какой это был период времени? Тысячи вопросов приходили ему в голову, когда он лежал рядом с Бетти, но ни на один из них он не мог дать ответа. Возможно, он сказал себе, что это было за тысячи лет до Чикаго и белого человека, но как насчет Ледникового периода? Озера образовывались ледниками. Разве это не могло быть озеро Мичиган во всей его примитивной чудовищности, уменьшенной с годами до размеров, которые оно имело в том возрасте, из которого оно пришло?

Постепенно эти мысли примиряли его сон, когда день наступал, и солнце отражалось в волнах, величественно разбивающихся о берег.

11

Они проснулись, что солнце уже высоко, восстановив, с болезненным ощущением до костей, все сознание реальности, с которой нужно столкнуться. Они встали рядом и долго смотрели друг на друга широко раскрытыми глазами, как свет просачивается в слои травы. Он не пострадал.

Девана поразила такая глубокая синева глаз Бетти, гораздо более интенсивная, чем у Беверли. К тому же в глазах Бетти всегда была искра тайной иронии. Никогда еще он не видел ее лица так близко, и он был поражен ее гладкой кожей и такими мягкими губами даже при одном взгляде на них. Глядя на нее, Бетти улыбнулась ему.

- Вы настоящие, не так ли? - прошептала она ему.

- Надеюсь. Вы тоже верили в сон?

Бетти кивнула. - Вы пытались пошевелиться?

- Да, но я не смог, я не чувствую концов.

- Может быть, нам здесь будет безопаснее. - Прищурилась она, сверкнув глазами.

Она была теплой и внимательно смотрела на него. Она подошла к нему и нежно поцеловала в рот. Затем он сел.

Он смотрел на нее, лежа, с ощущением тепла на губах.

- Как поживаете? — церкви.

— Вряд ли летний день, - ответил он, содрогаясь от утреннего холода. — Я никого не вижу, — добавил он, - не то чтобы у тебя было желание.

Мужчина тоже встал.

Небо было голубым, а солнце жарче, чем он думал. Он мог видеть озеро и пологий склон травянистого холма.

- Куда все ушли? - спросил Деван.

- Возможно, они вернулись с другой стороны иглы.

Деван чувствовал себя измученным и не мог не стучать зубами, наблюдая, как у женщин есть дополнительный слой жира, который восстанавливает их. Он подумал, что это должно быть именно так.

— Чего бы я не дала за хорошую чашку кофе, - сказала она.

- Я хочу яйца с ветчиной и тосты…

- Прошу Вас, Дэв. Скорее, если нам нужно двигаться, я думаю, что мы могли бы встретиться с кем-то и…

Деван разделил свое смущение из-за полного отсутствия одежды. Это продолжалось несколько секунд. — У меня есть все в прачечной, — сказал он, - но я постараюсь что-нибудь сделать. - Она собрала листья, и когда он вернулся, Бетти сплела травяной килт, который закрепила веткой вокруг ее талии, закрыв ее бока хорошо натянутыми нитями.

— Последний крик мужской моды, — весело сказала она.

Когда они добрались до хина, спускавшегося к пляжу, они остановились, чтобы понаблюдать. Было несколько заброшенных и безжизненных тел. Пляж был покрыт отпечатками ног, но никаких признаков живых людей не было.

Они спустились на пляж, и Деван указал на тело человека, брошенного в воду. - Спенсер Грейди, член Совета. Слишком стар, чтобы это сделать.

- Кто знает, удалось ли доктору Костигану и остальным?

В тот же миг они увидели дым, поднимающийся за холм. — Должно быть, какой-то бойскаут, — сказала Бетти. - Может быть, они готовят завтрак, а мы приедем как раз вовремя.

Они двинулись в этом направлении. Поднявшись на вершину холма, они столкнулись с другой, похожей, но не было никаких признаков людей.

Внезапно Бетти сжала его руку, указывая на точку на траве. Деван посмотрел вниз, полагая, что видит змею или что-то в этом роде. Но Бетти уже склонилась к Земле, ее лицо приблизилось к цветку. — Но это здорово, - воскликнула она, — “claytonia virginica” с шестью лепестками, а у этих цветов всегда пять.

Деван не был особенно впечатлен, утверждая, что есть хорошо четырехлепестковые клеверы, но она была непреклонна, заявляя, что этот цветок действительно исключительная вещь. — Это действительно дает мне ощущение места," чуждого " земле, - сказал он.

Они продолжили путь и вдруг услышали невнятный шум и голоса. Деван встал перед Бетти, готовый при необходимости защитить ее жизнь. Но, подойдя к вершине холма, они увидели, что бежит к ним, вверх по склону, Беатрис Трит, одетая в ветки и траву.

Это было похоже на елку.

Наконец, охваченная волнением, она смогла воскликнуть: - Мистер Трейлор! Во имя неба!

Затем он увидел, что она смотрит через его плечо, и почувствовал, что он быстро сравнивает свою импровизированную одежду с одеждой Бетти, находя свою собственную менее успешной.

— Это, — представилась она, - миссис Передж. Беатрис Трит.

Девушки обменялись комплиментами.

- Миссис Передж, - пояснил он, - действительно, была секретаршей мистера Костигана. Откуда вы? — церковь.

Беатрис указала на точку на холме. - Мы все там, вернее, были. Многие бегают, выполняя порученные им приказы. Мы организуем. Разве это не замечательно?

- Приказы?

— Да, - ответил он — - я должен поторопиться. Мне пора собирать луковицы. Индейцы съели. Вы знали? - Значит, он убежал.

- Все не так плохо, как казалось. Оказывается, есть какая-то организация.

Они двинулись дальше, но прежде чем добраться до вершины возвышенности, Деван остановился и обратился к Бетти: — еще кое — что, - сказал он.

- Да?

- Я не знаю, что будет, но что бы ни случилось, я хочу, чтобы мы были рядом. Я не знаю, когда и когда мы сможем вернуться, но до этого момента мы будем вместе.

— Я хотела, чтобы ты мне рассказала, — ответила она и ничего не сказала, когда Дэв взял ее лицо в свои руки и поцеловал.

Поднявшись на вершину холма, они увидели, как небольшая группа у костра повернулась к ним.

- Деван Трейлор, - крикнул один из мужчин, идя ему навстречу.

Деван узнал Оркатта, лишенного дорогих твидовых платьев и трубки, но всегда внушительного, даже в скудной одежде фраше. Другие из группы последовали за ним.

- Где вы были? - спросил Оркатт, хватая его и крепко сжимая руку. - Мы думали, что вы этого не сделаете. - Он Посмотрел На Бетти. - Как вы, миссис Передж? Рад вас видеть.

Бетти сильно покраснела и собиралась что-то сказать, когда подошли остальные. - Гомер Паррет, Костиган, Джеймс Холкомб, Говард Туксберри и т. д. — и им пришлось пожать всем руки.

Деван был поражен, увидев среди них Башера. - Эй, Башер, как дела?

— Я действительно думал, что останусь один — - ответил он, - а вот и все. А агент Гриффин?

- Он здесь.

— Не будем терять больше времени — - сказал Оркатт. - Приходите, нам нужно обсудить, что делать. Во-первых, из собранной информации мы получаем, что игла действовала в радиусе двух кварталов. Были люди в машине, другие лежали в постели, или в ванной, или в молитве, или погружались в сон; или брелись; от самых разных занятий до общего падения в озеро.

- Расскажите ему об Эрике Суддуте, - сказал Башер. - Он повеселится.

Оркатт сначала улыбнулся, потом стал серьезным. - Не над чем смеяться. Это люди, которые относятся к вещам очень серьезно.

- Это неприлично, вот что. - Деван обернулся, чтобы увидеть, откуда доносится голос, и увидел гротескное видение миссис Петри в полутьме фраше и крошечном палантине, одежде, которая могла только выделить части, которые нужно было спрятать.

— Они умрут от холода, — продолжала она, - но как они могут так жить?

— Поговорим об Эрике Суддуте и товарищах, - с отвращением пояснил Туксберри.

— Когда прошлой ночью мы вышли из воды и, наконец, бросились на пляж, — сказал Оркатт, - мы увидели вдали огонь. Поэтому мы все направились в ту сторону.

— Мы всегда держали огонь наготове, - вмешался Башер, - на случай, если у нас сложится впечатление, что кто-то идет. Поэтому сегодня вечером, когда мы поняли, что произошел новый факт, мы зажгли наш огонь и подождали.

— Это было ужасно в начале — - сказал Оркатт. - Все старались занять лучшие места у костра, и в них едва не втолкнули. Затем лейтенант Джонсон и четверо полицейских взяли бразды правления в свои руки и восстановили порядок. Все сидели в большом кругу, и всем было тепло.

— После этого возникла еще одна проблема, которую нужно срочно решить: зубная боль после потери капсул и пломб. Мы также нашли среди людей дантиста, некоего доктора Ван Несса. Многие его знали, судя по всему. Во всяком случае, он посоветовал заполнить пустоты в зубах глиной. Так мы и сделали, и это избавило нас от боли. Теперь доктор Ван Несс ищет пчелиный воск. Он говорит, что это даст нам более длительное облегчение. Это касается зубов. После этого у нас был военный совет, война против любых посторонних элементов, найденных здесь, но до сих пор ничего особенного с нами не произошло. Мы ничего не нашли.

— Я кое-что нашла, - сказала Бетти вслух, — чудесный шестилепестковый цветок, но, может быть, вы не найдете в нем ничего чудесного.

- Вы хотите сказать, что на земле, откуда мы родом, у этого вида цветка нет шести лепестков?

- Всего пять. И, возможно, вокруг есть еще несколько замечательных открытий.

— Это будет то, что мы увидим, — сказал Оркатт, - но, возвращаясь к прежней теме, мы попытались разбить работу на группы. На самом деле нам нужны люди, которые собирают дрова, другие, которые строят планы на следующий день и так далее.

“Мы уже начали эту нашу организацию, когда Эрик Суддут выступил с обвинением против нашего проступка “Божьей воли”, что, если бы мы не ослушались его, нас бы здесь не было. И он продолжал этим тоном, провозглашая себя Богом и побуждая присутствующих следовать за ним. Он оставался там со своими адептами до вечера, у костра, а затем ушел, таща с собой около тридцати человек. Думаю, у нас не будет скуки, по крайней мере, до тех пор, пока Эрик Суддут и его помощники не будут голодны или побеждены холодом. Но послушайте, Дев, вы ничего не можете сделать для нас? Рыбалка или охота?”.

— Но я пока не видел здесь ни одного животного, - ответил Деван. - Вы уверены, что они есть?

— Они все сбежали, - сказал Башер — - когда увидят, что я появляюсь, но вернутся. Они поразят вас, когда вы их увидите.

- А почему?

- Кролики не совсем кролики. Их уши не такие длинные, а хвосты такие короткие. Больше похоже на кошачьи хвосты.

- Но можно ли охотиться?

- Вот что мы увидим.

- Башер жил, питаясь мхом и лишайниками. Он ничего не смог поймать. Теперь, когда мы организованы, вы увидите, что у нас все получится.

- Мы видели, как Беатрис Трит бежала искать луковицы. Он сказал нам, что индейцы ели их.

— Не знаю — - ответил Оркатт. - У нас здесь двое парней, и они очень много знают об индейцах. Там было два-три человека из Военно-Морского Флота и армии, и мы были очень полезны для спасения. Мы организованы, как видите. Есть одна группа,

которой поручено хоронить мертвых, другая-ловить рыбу в озере, пытаясь схватить рыбу своими руками, другая группа, которой поручено плести рыболовные сети с длинными камышами. Каждый решил присоединиться к группе, к которой он чувствовал себя более родственным. По словам Башера, также были замечены белки.

— Да, - подтвердил Башер, - я видел троих, это на случай, если кто-то захочет узнать.

— Затем — - продолжал Оркатт, - есть другие, которые ищут камни различной формы и размера и другие дрова, из которых можно строить лачуги. Как видите, мы не умрем от скуки.

- Можно сказать, что у нас ситуация под контролем.

- Так оно и есть, Дев. На данный момент наша самая важная потребность-это еда. Как только этот вопрос будет решен, мы начнем этап проектирования и строительства, медицинского и стоматологического обслуживания и так далее. Там много работы. Что вы хотите сделать? Я хочу, чтобы вы остались со мной. Для вас у меня была бы самая важная работа.

- Самое главное? И что это?

- Вы ведь инженер?

- Да, но я не думаю, что здесь нужны инженеры.

- Может быть, не сейчас,а позже.

- Я до сих пор не понимаю. Я думаю, что строительство рудиментарных убежищ не потребует работы инженеров, особенно электроники.

- Вы хотите вернуться туда, не так ли?

- Конечно, но что это значит?

- Мы не можем вернуться через иглу, которая привела нас сюда.

— Действительно, — вмешался доктор Костиган, - труба, которую бросил Блейн, разрушила все цепи.

- И что?

— Тогда мы построим еще одну иглу, Деван, - ответил ему

Оркатт.

12

Мысль о том, что в этой дикой местности можно соорудить такой инструмент, как игла,улыбнулась Девану.

— Прежде всего, - спросил Оркатт — - где вы планируете добыть железо?

— В данный момент я сам не в состоянии ответить вам, - сказал Оркатт. — Все, что я могу сказать, это то, что я хочу вернуться домой, как и все, кому посчастливилось пройти в иглу.

- Но как вы собираетесь добывать железо?

- Мы не дикари, вы согласитесь, Деван. Все, что нам нужно, это доменная печь, Железо и огонь, не так ли?

Деван снова рассмеялся. И вдруг сам факт смеха над этой невозможностью опечалил его, и мысли его устремились к Беверли и детям так далеко. Долгое время он не чувствовал себя так отчаянно одиноким. Когда он с тоской думал о знакомых лицах, о своем доме, о улицах своего города и о том, как все изменится, если однажды он сможет вернуться туда, он увидел, что Бетти смотрит на него с собственным выражением лица. По крайней мере, они были вместе и ладили.

Эта мысль придала ему смелости.

Позже, собирая раковины, которые могли бы служить для их особой формы, Бетти сказала, что Оркатт был прав, что хотел найти железо. — Не столько для возвращения, - сказала она, сколько для нашего использования здесь.

Деван сообщил ей об огромной ценности железа в то время, и не только здесь, чтобы подумать об этом, но и дома. Без золота можно было жить, но не без железа. Цивилизация рухнула бы без железа. Нет больше стали, ножниц, автомобилей, двигателей, самолетов, ножей, винтовок, домов. Это был бесконечный список вещей, от которых человечество не могло отказаться. И он также рассказал ей о том, как железо было удивительно пластичным, как его можно было сделать тонким и гибким, а также массивным и нерушимым, в зависимости от сплавов и изготовления.

— Судя по тому, как вы говорите об этом, вы чувствуете, что вы

инженер, — заключила Бетти, — и вы чувствуете, что любите свою работу.

— Конечно, - сказал он, - как ты любишь цветы, и я думаю, что сделаю все, чтобы построить эту новую иглу, хотя на это уйдут годы.

Внезапно Бетти наклонилась и подобрала колючки рыбы. Смеявшиеся. - Вот отличные булавки, лучше, чем те, которые я использовал в своей новой одежде, делая их из растений. Я мог бы сделать сравнительный отчет о качестве булавок.

— В любом случае, — ответил Деван, — больше не нужно, чтобы кто-то изобретал булавки, ты думал об этом?

Затем Бетти спросила его: - ты наблюдал за женщинами, которые добрались до этого места? Некоторые ждут ребенка.

— Я их заметил, — ответил ей Деван, - особенно. — Он ласково поморщился. Бетти была восхитительной и крошечной, стоящей на пляже, с распущенными черными волосами на плечах. Маленькая, но не хрупкая. И в ее взгляде и во всей ее грации было приглашение, которое Деван подхватил, взяв ее на руки.

Позже, сидя на камнях, они снова заговорили обо всех трудностях, которые их ждали.

Около полудня, по крайней мере, казалось, что этот час, все собрались вокруг костра, и Деван заметил, что женщины следовали за эсмпио миссис Петри, надевая юбки и палантины из трав, которые были уже лучше, чем импровизированные утром.

На траве было много рыбы, которую ловили люди, ответственные за рыбалку, часть руками, а часть небольшими сетями камыша. Беатрис Трит развязала все луковицы и корни, которые она собрала, и была явно тронута комплиментами, которые Туксберри сделал ей по этому поводу. Джонсон и некоторые из его людей поймали около двадцати кроликов, которых теперь готовили к вертелу из острых ракушек и камней. Группа маленьких мальчиков нашла довольно много орехов, и они танцевали вокруг них, не желая их есть.

Сцена внезапно напомнила Девану о примитивных картинах, выставленных в Чикагском музее сельского хозяйства.

Еда, как никогда скромная, состояла только из куска кролика,

маленькой рыбы, нескольких грецких орехов и салата. Все без хлеба, ни соли, ни перца и поливалось только пресной водой из источника, впадающего в озеро. И все же Деван и другие были восстановлены этой едой.

Позже Оркатт заговорил со всеми, поднявшись на подножку из кусков дерева. Несмотря на длинную бороду и скудную одежду, его фигура всегда была внушительной и авторитарной.

Деван подумал, что было бы спокойно иметь во главе такого человека, как Оркатт, в то время как он объяснил, что, поскольку было собрано больше еды, чем необходимо, очевидно, из-за чрезмерного количества людей, занятых этой задачей, было бы целесообразно сократить группу, выделив некоторые из ее компонентов, всегда за добровольное выполнение, на строительство лодок, поиск сахарного тростника и другие работы. Что касается женщин, то они должны были частично заниматься испытаниями с глиной Для изготовления тарелок и чашек, а другие-поиском системы плетения. Мужчины, которые занимались поиском строительного материала, должны были подготовить хижины разных размеров, в зависимости от количества членов каждой семьи.

Среди людей, собравшихся вокруг Оркатта, Деван пытался найти мужчин, которых он встретил прошлой ночью на пляже, но не видел их; он думал, что они были среди тех, кто перешел на сторону Эрика Суддута.

Когда наступила ночь, группа ученых, которые пытались оживить иглу, устроилась рядом с ними, в то время как большинство семей были заняты зажиганием костров перед своими хижинами.

— Это точно такое же небо, - говорил Оркатт. - Вот Большая Медведица и Млечный Путь и…

— Да, - подтвердил Башер, - но какой это год?

— Думаю, тысячи лет назад, - буркнул Сэм Отто, поворачиваясь к огню, чтобы согреться. - В противном случае вокруг должны быть индейцы.

- Никто здесь ничего не знает о звездах? - Оркатт почти выкрикнул вопрос, чтобы его услышали даже те, кто стоял в стороне.

Человек оторвался от группы и вышел вперед. Он был высоким и

сгорбленным, беззубым, с поистине страдальческим видом.

- Меня зовут Элмо Ходж. Я был владельцем продуктового магазина по улице, где у вас был дворец. Мой “гвоздь” - Астрономия. - Он сел. - Наберитесь терпения, пока я говорю. Я потерял зубы. Что вы хотите знать о звездах?

- Звезды движутся, не так ли? - спросил Оркатт. Мужчина отсутствовал. - Как бы бесчувственно.

- Но достаточно ли, чтобы рассказать нам, как далеко мы ушли во времени, пройдя в иглу?

Мистер Ходж долго смотрел на Оркатта, а затем повернулся к остальным с выражением неподдельного изумления на лице.

- Вы хотите сказать, что не знаете?

- Что? - Рука Бетти сжала руку Девана.

- С тех пор, как мы перешли в иглу, прошел всего один день.

Надежды Оркатта на получение точной информации исчезли. Очевидно, мужчина не понимал, о чем они говорят. С другой стороны, никто не чувствовал возражений против старика. Поэтому они не сказали ему, что он ошибся.

— Я знаю, - добавил он, - что вы думаете, но это не совсем так. - Он указал пальцем на север. - Видите Большую Медведицу? Теперь, начиная со звезд в решетках колесницы, первая звезда движется вниз, вторая-влево, как и все остальные, за исключением той, что у края колесницы. Тот движется вниз, как и первый. Теперь, если бы мы были в другое время, Большая медведица была бы полностью перемещена. Это намного лучше, как выглядит сейчас, не так ли?

- Тысяча лет, - раздался голос Кларенса Глекмана. - Это не имело бы никакого значения, если бы это была тысяча лет.

Ходж вздрогнул, затем утвердительно покачал головой. - Вы правы. Тысяча лет не будет иметь большого значения. Чтобы была разница, лет должно быть сто.

- И как же тогда вы можете быть уверены, что правы? - спросил Оркатт.

— И он в порядке, - сказал Ходж. - Посмотрите На Сатурна. Прямо на крайнем краю Девы и рядом с Весами. - Он несколько минут изучал звезды, потом: - Держу пари, что вы найдете Северную звезду. Снова Северная звезда. Несколько тысяч лет назад первой звездой созвездия Дракона была полярная звезда, так как самая яркая звезда в созвездии Лиры, называемая “Вега”, будет Северной звездой через двенадцать тысяч лет.

— В одном мы можем быть уверены, — прокомментировал Деван, — вы хорошо знаете своих звезд.

— Кажется, я где — то уже слышал об этих вещах, - сказал Холкомб. - По-моему, они правы.

— Я тоже, - добавил Туксберри.

— Я вообще не ухаживаю за звездами, — вмешалась миссис Петри, — я достаточно заботилась об этом, когда была девочкой. Сейчас я хочу немного шерсти для работы на утюге.

Ходж прочистил горло. — Другое. Если у нас будет возможность получить немного стекла, я отшлифую несколько линз для телескопа. Я сделал сотни. С первым, который будет готов, я посмотрю на Кастора. Это двойная звезда, и если время не изменится, две звезды-Близнецы будут ближе друг к другу. Но погода не изменилась, я уверен. Там столько испытаний, - сказал он, указывая на небо.

— Так не прошло и времени, - сказал доктор Костиган про себя, глядя на огонь.

— Хорошо. - Беатрис сделала вид, что ее никто не может игнорировать. Деван с наслаждением заметил, что она стоит с Туксберри. - Если речь идет о “том же” времени, а не о другом … это глупый вопрос, не так ли?

— Зря, моя дорогая, - успокоил ее Туксберри, улыбаясь ей и получая взамен такое же проявление симпатии. - Это разумный вопрос. Если это не “тогда“, как это может быть” сейчас”, а не Чикаго?

— Это разумный вопрос, - подтвердил Оркатт.

— Однажды — — подтвердил Башер, - я прочитал статью, в которой говорилось об идентичных мирах, существующих в космосе одновременно. Идея заключалась в том, что может

существовать бесконечное количество миров и что, переходя от одного к другому, вы окажетесь в равном, но по-разному установленном месте.

— Отлично, - сказал Туксберри.

— Вместо того, чтобы беспокоиться о том, где мы находимся, — вмешалась миссис Петри, — давайте узнаем, что мы здесь, и попытаемся найти способ вернуться домой.

— Мы построим еще одну иглу, — сказал Деван, - но это займет некоторое время. Мы должны найти железо, построить доменную печь и подготовить все необходимое для этого предприятия.

— Это будет огромная работа, - ответил доктор Костиган.

- И мы должны подготовиться к еще одному событию. Если бы нам не удалось построить новую машину? Представьте, что в настоящее время мы не можем восстановить промышленные химические процессы и что среди нас нет никого, кто мог бы их решить. Что бы тогда произошло?

— Мы будем работать, пока сможем, - сказал Башер. — Мы оказались в отчаянных ситуациях даже во время войны и всегда справлялись с этим.

- И все в порядке: представим тогда, что мы сможем построить еще одну иглу. Как мы можем точно знать, что это вернет нас? Возможно, как сказал Башер, он переносит нас в другой мир, отличный от нашего и отличный от этого, где могут жить люди, отличные от нас.

— Я думал об этом, — сказал Костиган, - и думаю, что у меня есть правильный ответ. Если мы построим еще одну иглу, она будет такой и такой, какой мы построили. Мы были вытеснены сюда силой, созданной прямым течением. Я считаю, что если мы изменим полярность, мы создадим поле действия в обратном направлении, так что мы сможем вернуться туда, куда пришли.

Миссис Петри ушла спать.

— Сигарету, - сказал лейтенант Джонсон после того, как женщина ушла. - Мне нужна сигарета. Не могли бы вы изобрести что-то, что отменяет эту необходимость? — церкви.

— Плохая привычка, — ответил Деван, обращаясь к курению, - я

тоже люблю эту привычку.

Бетти почувствовала себя хорошо. — Я тоже, — добавил он, - люблю ее.

— Возможно, где — то можно найти табачные листья, - сказал доктор Костиган.

- Лично мне нужна труба, - вмешался Оркатт. - А вы свои сигареты.

— Вы не знаете, о чем говорите, — вставил Сэм Отто, - сигареты-это вещи для барышень. Сигары нужны.

— Хотел бы я знать, какой вкус вы испытываете, — сказал ему Деван — - вы никогда не включаете ни одного.

Доктор Костиган восстановил молчание. - Господа, - крикнул он. — Есть что-то более важное для обсуждения, чем табак. Бренди. Я надеюсь найти где-нибудь дикую лозу. Какой была бы жизнь без этого удовлетворения?

Это было лишь небольшое укрытие из бревен и травы. Земля также была покрыта травой, и некоторое количество этого также служило для их покрытия, давая им вместе с небольшим горящим огнем некоторое благополучие.

- Деван, мы когда-нибудь вернемся?

Бетти лежала, глядя на огонь. Дул весенний ветерок, полный обещаний. Вокруг не было слышно ничего, кроме потрескивания зажженных пней.

- Не знаю, Бетти, мы еще не начали. Есть много проблем, которые нужно решить, помимо тех, которые возникают для нас изо дня в день, тем более трудны для нас, горожан, чем решение тех, которые ставятся игольчатым строительством.

- Например?

- Нам нужна бумага, на которой можно записать наши проблемы, доктору Костигану она нужна для диаграмм. Кроме того, что произойдет, если он умрет? Мы больше не сможем вернуться.

- Я не думал об этом.

- А электричество? Как мы сможем ее получить?

- Мы справимся.

- А потом последнее.

- Последнее?

- Вполне справедливо то, что Костиган говорит об изменении полярности, и, по большому счету, мы должны вернуться туда, откуда пришли; но предположим, что вместо этого мы пойдем в другое место?

Бетти вздохнула. - Может быть, Суддут все-таки прав. Единственное, что мы должны сделать сейчас, это отдать себя в руки Бога, пусть он позаботится о нас. Может быть, все, что мы делаем, не вызовет ничего, кроме беспокойства и боли.

Деван покачал головой. - Не думаю, что Суддут прав. Есть также предостережение о том, что Бог помогает тем, кто помогает себе. И если бы мы не занимались и не создавали себе профессий, жизнь здесь была бы куда более мучительной. Что бы произошло, если бы Оркатт не взял бразды правления в свои руки, тем самым дав нам цель?

- Это было бы страшно.

13

Жаркое июньское солнце заливало камни светом, и теплый ветер проходил между новыми листьями и мягко раскачивающимися цветами; и повсюду на пляже, в лесу, на просторах травы, на небольшом расстоянии от берега озера, интенсивно работали. Было еще много дел, работа все лето.

Птицы на ветвях тоже были в движении, как и их дальние родственники, куры и петухи, на лугах. Бобры выходили из своих укрытий и вглядывались в воду. Индюки вокруг раскачивались, и даже для лисиц и волков голод долгой зимы закончился.

Из деревянных и кирпичных построек поднимались к небу колонны дыма, выходящие из дымоходов, знак того, что только что был приготовлен обед. Теперь мужчины возвращались на работу, в поля, в лес, на строительство, а женщины, переоборудовав кухню, возвращались к своим особым занятиям, в аркады, ткацкие станки, детские сады, школы.

Был только толстый столб дыма, который не шел из дымоходов, а поднимался из здания на севере, в котором Деван Трейлор, потный и с почерневшим от дыма лицом, с отчаянной энергией управлял мехом.

Рядом с ним стоял крепкий белокурый мужчина, мышцы которого поднимались и опускались с ритмичной регулярностью, казалось, не делая никаких усилий. — Мы не должны убивать друг друга, — говорил последний. - У нас будет достаточно воздуха, через эти глиняные протоки, вы увидите.

— Хорошо, Гас, — сказал Деван, - мы не хотим, чтобы железо стало настолько горячим, чтобы спуститься само по себе. Вы должны знать, что делаете.

— Я работал не очень близко к печам в Гэри — - ответил он, - но знал об этом больше, чем они себе представляли. Пока железо не станет слишком горячим, мы в порядке. Позвольте мне держать двух мехов.

Деван с готовностью остановился, чтобы отдышаться, пристально глядя на печь. - Еще угля, Гас, что скажешь?

— Не думаю, - ответил коренастый мужчина — - может быть,

чуть-чуть, только один Палатин.

Деван взял лопатой немного угля и бросил его в раскаленную кучу. Затем он предложил на мгновение заменить Гаса на мантий, но тот покачал головой и улыбнулся.

Железо, с которым они работали, было лучшим, что Деван и Гас получили до сих пор. Сначала Деван попросил добровольцев искать карьер сырой руды; многие прервали то, что они делали, и разделились на группы во всех направлениях в поисках. Ранние сообщения касались только животных, которые были замечены, некоторые медведи сбежали в подлесок при их появлении, несколько лисиц и несколько волков (один человек сказал, что видел буйвола и несколько оленей).

Другой человек заметил колонию помощников Суддута, расположенную примерно в двадцати милях к югу от озера, в известняковых карьерах. Он сказал, хотя и не очень близко, что “Суддутиты” очень серьезно относились к делу нудизма, в котором Суддут увидел после перехода от иглы и общей потери одежды знак Божьей воли. На самом деле, этот импровизированный репортер затем дразнили друзья, подозрительные заявления о вещах, увиденных — по его словам, — на расстоянии. Шутка закончилась дракой.

Наконец некоторые мужчины нашли красный минерал там, где они меньше всего ожидали его найти, недалеко от лагеря и почти на поверхности. Они начали работать с ним по-старому, сначала загружая его на деревянные троллейбусы, которые затем тащили по земле, до тех пор, пока не удалось изготовить настоящую повозку с колесами.

Деван сделал первую попытку вытащить железо в одиночку в печи, установленной на открытом воздухе, когда дул ледяной ветер, и Бетти стояла рядом с ним, чтобы подбодрить его. Через несколько дней можно было потушить огонь, и Деван с гордостью мог представить массу добытого железа. Она была мягкой и податливой и, конечно, непропорционально огромной усталости, которую сделал Деван, но это было в начале.

Однажды утром человек, который до этого времени занимался охотой и рыбалкой, остановился, чтобы наблюдать за работой. Это Был Гас Нельсон. - Почему бы вам не попытаться построить доменную печь? - спросил Деван.

— Это то, что я думаю, - ответил Деван — - но я хотел сделать несколько тестов, чтобы увидеть, что можно сделать с таким элементарным оборудованием.

Затем, заметив могучую мускулатуру мужчины, его широкие плечи и честную синеву его глаз, он спросил молодого человека: — Эй, мальчик, почему вместо того, чтобы стоять там и давать советы, вы не протягиваете мне руку помощи?

— Я предпочитаю ловить рыбу, - ответил он с яркой улыбкой.

- Мне бы тоже понравилось. Но нам нужно железо. Как рыбалка?

- Неплохо.

- Может, и лучше.

- И каким образом?

- С крючками. Железный. - Деван увидел, что парень заинтересовался, и продолжил: - Нам нужны гарпуны. Стальные наконечники для стрел. Ножи для снятия кожуры. Почему ты тоже не в этом? Трейлор Нельсон, ближайший конкурент стали США по этой стороне иглы.

Идея понравилась мальчику, и он присоединился к Девану. Они изготовили мехи из шкур животных, впустили воздух в месторождение руды и угля по специальным каналам. ГАС Нельсон также рекомендовал известняк, который быстрее восстанавливал руду. Начав производство железа, Деван хотел бы полностью доверить его ГАСУ, поскольку у них были другие дела, в которых они очень нуждались, например, стекло, электричество. Но железо было фундаментальным, существенным.

Эфирный. Деван с удивлением подумал о ценности, которую женщины придают этому слову, имея в виду косметику, о чем им не придется беспокоиться в этой новой дикой жизни. Но вместо этого для них красный для щек и для губ были действительно незаменимы, они обнаружили отложения красноватой пыли почти на поверхности, пыль, которая, обработанная, дала хороший красный цвет.

Это произошло до того, как мужчины обнаружили месторождения руды, которые в конечном итоге оказались одинаковыми, поэтому заслуга в открытии могла достаться женщинам. Ничто больше не поддавалось макияжу, чем этот порошок, который в самой темной

градации давал, смешанный с животным жиром, красный для губ мрачного тона, который некоторые, однако, не могли использовать для неприятного вкуса.

Эфирный. Со своей стороны, мужчины потратили кучу времени на поиски табачного завода. И когда им наконец удалось ее найти, они наполнили трубы глиной, уже готовой.

Так. Деван пришел к выводу, что жизнь по ту сторону иглы не сильно отличалась от обычной.

Деван и Гас внимательно наблюдали за дымом, поднимающимся в круглом глиняном канале.

— Помню один раз, - сказал гас, все так же устремив глаза на красную массу руды. - Произошла утечка оксида углерода, и они заставили всех отойти от печи, пока она не была отремонтирована.

— Может быть, даже в это время вы выбрасываете оксид углерода прямо здесь, но я думаю, что это никому не повредит. Мы так на улице — - ответил Деван.

- Как поживают мои кузнецы? - Бетти подошла к двум мужчинам. - Я не могу понять, как вы можете сидеть там так близко к печи.

— Мы привыкли, - ответил Деван. - Почему ты приехала сюда?

- Я хотел знать, как большие глиняные ящики должны быть.

- Тебе лучше подождать, пока мы вытащим Железо и придадим ему форму.

Бетти сунула руку под его руку: - лучше, чем последний?

— Это будет настоящий рекорд, миссис Трейлор, - ответил Гас. - Сейчас мы проведем новый эксперимент, в который войдут и коробки, которые вы готовите. Как только печь немного остынет, но железо все равно будет горячим, мы вытащим ее и постучим, чтобы удалить из нее как можно больше шлака. Затем мы придадим ему форму, которую мы хотим. Мы введем различные кусочки в глиняные ящики, нагреем их и позволим железу поглощать углерод, образуя новый сплав, который намного прочнее обычного. Просто, не так ли?

— Звучит просто, — сказала Бетти, - но разве это точная система

его работы?

- Заверил Гас. - Ответил Деван и тем временем заметил приближающегося мужчину,кивнув головой. Он узнал доктора Ван Несса.

- Ни одного пациента сегодня, доктор? - спросила Бетти.

Доктор осмотрел ногти, поднял брови. — Я не хочу никого обвинять, — сказал он наконец, - но с тех пор, как мы начали давать вино для извлечения, у нас так много работы, что мы не можем угодить всем. Это плохая замена анестетикам, это правда, но с тех пор, как Костиган ввел это положение в действие, люди предпочитают, чтобы их зубы были удалены, а не вылечены.

— Я должен сделать несколько пломб, - сказал Деван. - Когда я смогу пройти к вам?

Дантист сел на бревно. - Вы должны выслушать миссис Андерсон, которая назначит вам встречу. Но, честно говоря, я пришел сюда не искать работу, а жаловаться.

- И о чем?

- Мне придется прекратить пломбы, пока я не буду лучше экипирован.

- Итак, вещество, которое я вам приготовил, не годится?

- Это довольно неловко. - Старик выглядел нерешительно. - Пациентам это тоже не нравится. Дело в том, что металл не годится. После очистки полости и введения металлического вещества она крошится или сжимается. Это произошло из-за всего металла, который вы приготовили.

— Мы сейчас готовим новое вещество, - сказал Деван. - Прежде всего, нам придется вернуть его в точную форму и дать ему пропитаться углеродом. Вы увидите разницу.

- Так будет лучше. - Рискнул дантист.

- Вы работаете один, доктор?

- У меня есть пара помощников, которых я обучаю. Я не буду жить вечно, вы знаете. Я вынужден давать им уроки, особенно ночью. — Из кармана кожаной куртки он вынул кусок пергамента. - Я

разработал новые инструменты. - Он указал на них. - Скальпель, если вы можете это сделать, маленькие весы, другие плоскогубцы, некоторые каменщики, наконец, набор плоскогубцев, как вы увидите, различных форм и размеров, не обладая дрелью.

— Как вы, - спросил его Деван, - когда закончите начинку? Можете ли вы сделать поддельные зубы?

— Здесь будет работа для двух-трех стоматологов, - ответил врач. - Только мне нужно больше золота. Огромное количество золота.

- Почему бы вам не заполнить зубы другими временными веществами?

- “Другие” временные вещества? - Стоматолог выглядел искренне изумленным. - Это показывает, как мало людей думают о нашей работе. Золото - лучшая субстанция, она вечна. Стоматологи будут использовать только золото, чтобы получить удовлетворительные результаты, но в дополнение к времени, затрачиваемому на заполнение полостей, необходимо учитывать цены, которые были бы слишком высокими. Золото не тускнеет и не разъедает. Это непревзойденная субстанция. Когда я заполняю зуб, я сначала очищаю полость, даю ей высохнуть, а затем вводю в нее тонкий рулон золота, затем беру свои инструменты, и я готов к остальной работе.

— Великолепно, доктор, - сказал Деван.

— Мы найдем гипс — - продолжал доктор, - и сделаем из него так называемое “Парижское тесто”, затем расплавим золотые протезы с закругленными кончиками вместо зубов, и мне понадобится несколько форм для впечатления, которое я буду использовать с раствором, чтобы иметь форму альвеолярной дуги… - его лицо вспыхнуло энтузиазмом. - Мне кажется, я их вижу. Золотые зубные протезы!

- А как насчет зубов?

- Я сделаю их из зубов животных. Есть козы вокруг, не так ли? - Он засмеялся, а потом: - вы понимаете, что золотые протезы обычно стоят пятьсот долларов? - Он весело развел руками. - Это будет эксперимент. Просто эксперимент. Я просто надеюсь, что можно найти много золота.

“Как великолепно выглядит Оркатт”, - подумал Деван. “С тех пор, как я его знаю, он никогда не выглядел так хорошо. Он загорелый

и стройный. И борода придает ему пророческий вид""

— Отличный обед, - сказал Оркатт, отодвигая стул, собранный из слегка скрипящих кожаных лент. Он курил с видимым удовлетворением.

— Очень хорошо, - повторил Ренталер. Ренталер, или, точнее, Вальтер Ренталер, был мальчиком лет двадцати пяти, толстеньким, веселым, с живым выражением лица и рыжими волосами. Оркатт проводил его с собой на обед. Он говорил, что ему есть что обсудить с Деваном.

Конечно, что-то связанное с химией, догадался Деван. Ренталер решил проблему мыла, добившись благосклонности ко всем женщинам. Он был промышленным химиком и случайно оказался в районе иглы, куда он пошел навестить друга.

Они сидели снаружи, вдыхая ароматный воздух, а свет свечей, идущий изнутри, создавал странные тени на полу. Бетти мыла посуду за домом.

— Нам повезло, что Уолтер с нами, - сказал Оркатт — - он все решит.

- Прошу Вас, Оркатт, — огрызнулся Ренталер, - я специализировался в области сладостей. И я немного знаю элементарную химию.

— Гораздо больше, чем немного — - возразил Оркатт. Он повернулся к Девану: - я хочу, чтобы вы услышали то, что должен сказать Уолтер. В принципе, вы можете не сразу перейти к делу, поэтому я расскажу вам об этом. Мы рассматривали проблему стекла, не так ли?

— Уже. Стекло и батареи, радиоприемники, ледяные ящики, бензиновые двигатели, электрические машины…

— Хорошо. - Оркатт легонько постучал своей глиняной трубкой по кожаным сандалиям. - А зачем возвращаться к старым системам? Конечно, мы будем делать стекло, но мы не будем специализироваться в этой области. Совершенно бесполезно возвращаться к Бронзовому веку, когда у нас есть что-то лучше бронзы.

— Нам нужно поговорить об игле, - позвал его Деван.

— Некоторый. Я знаю, что Игла выходит на первый план. Но это займет годы.

— Мы никогда не вернемся, если Костиган не выпьет и не бросит какие-нибудь схемы.

- Костиган ждет вас, - сказал Оркатт. - А теперь наш Вальтер занимается изготовлением пластмасс. Подумайте об этом! Мы первопроходцы и уже добрались до пластмасс! Поговори С Ним, Уолтер. Деван даст вам всю свою поддержку для нужной вам стали.

— ГАС Нельсон будет в вашем распоряжении, — сказал Деван, - я думаю доверить ему мастерскую, как только все будет организовано окончательно. Но что вы хотите, Уолтер?

- Ну, вы, наверное, имеете представление о количестве материала, которое люди всегда выбрасывали годами, и что все это хороший материал.

- Вы имеете в виду такие вещи, как остатки угля, побочные продукты зерна и так далее?

— Собственный. Ну, мы можем изготовить тарелки, чашки, стаканы и бесконечное количество других вещей, мистер Трейлор. - Ренталер немного стеснялся. Его голос был низким, его добрые манеры.

- А как вы планируете производить пластмассы здесь, в лесу? - Тон Девана был нарочито провокационным, и Ренталер бросил на него острый взгляд.

— Пойду принесу свечу, - сказал Оркатт, исчезая внутри.

— Казеин, - сказал Ренталер, - можно получить из кислого молока и формальдегида. И ацетат целлюлозы из остаточных волокон хлопкового семени уксусной кислотой, обработанный в присутствии катализатора-серной кислоты. Лучшим доказательством может быть фенолформальдегидная смола,которая является самым простым продуктом.

— И, - спросил Деван, - где мы найдем фенол?

- От фракционной перегонки угля.

- Но для этого вам понадобится стекло.

- Не самый лучший метод. Их много.

- А как насчет формальдегида?

- Это достигается окислением метилового спирта.

— Хорошо. А как насчет метилового спирта?

- Из дерева. Вы должны согреть древесину, у нас есть Бук и береза, которые являются наиболее подходящими лесами, в безвоздушной среде.

- Опять перегонка, а?

Ренталер пожал плечами. - О, это будет нелегко, но в этой области больше смысла работать, чем в других. Преимущества пластмасс над стеклом должны быть довольно очевидными.

- Я уверен.

- Ваша жена имеет право иметь пластиковые тарелки!

Деван рассмеялся. - Какой анахронизм, подумаешь! В первобытном состоянии, в котором мы находимся, подумайте о пластмассах!

- Если у нас есть соевые бобы, пшеница и хлопок, мы в порядке, мистер Трейлор.

- По-другому, я бы сказал, Уолтер.

- Я разрабатываю полистирол, хлорид, вискозу, синтетический каучук. Будет замечательно иметь возможность работать с ними!

В глазах Ренталера Деван обнаружил то же выражение, которое видел в глазах доктора Ван Несса. Выражение оптимизма, любопытства, интереса и терпения. Да, пока были такие люди, можно было надеяться на иглу. Деван был в этом уверен.

Оркатт вышел со свечой, и двое мужчин зажгли трубы.

— Я помогу Вам, насколько смогу, - сказал Деван. - Скажите, что вам нужно. Я рассчитываю поработать над стеклом с Гленном Башером, и я буду рад, если вы захотите помочь мне-это может быть полезно и для ваших проектов.

Оркатт задумчиво посмотрел вдаль.

- Я хочу, чтобы все записали все, что испытали. Я хочу, чтобы наше свидетельство осталось на случай, если нам больше не придется возвращаться.

— Шутите, - сказал Рентайер. — Вернемся. У нас есть человек, который изобрел машину, не так ли? Он вернет нас обратно.

— Посмотрим, - сказал Оркатт. - Надеюсь, нам удастся.

14

Эрик Суддут и его последователи, которые также держались очень глубоко в своих карьерах, тем не менее продолжали составлять часто повторяющуюся тему в разговорах. В конце концов, этот район использовался для изготовления известняка для различных незавершенных работ и, кроме того, был домом для единственных соседей жителей Нового Чикаго.

Когда люди из Нового Чикаго отправлялись в окрестности, чтобы охотиться на лань, они просто обогнули территорию суддутита, но не настолько, чтобы не смогли убедиться, были ли сделаны какие-либо нововведения или изменения. Различные отчеты были сделаны в Оркатте; они обычно подтверждали, что последователи Суддута не изменили своего мнения относительно одежды, что у них были пожары и что они построили примитивное оружие против диких зверей.

Но описания, сделанные охотниками, никогда не были такими четкими и подробными, как те, которые иногда можно было получить от тех, кто покинул лагерь Суддут — в основном пары, в которых женщина была беременна, — и поэтому они не могли видеть, как их дети рождаются в таком примитивном климате. Суддут приказал убить дезертиров, если они окажутся поблизости, а затем они придут искать убежища у жителей Нового Чикаго.

Дезертировавшие пары были, до середины июня, трое и шесть беженцев были тепло приняты в общине и использовались в соответствии с их способностями и желаниями. Взамен их разместили три небольших “коттеджа”, и новые семьи вскоре подчинились обычаям новой общины.

Из того, что они рассказали, люди Оркатта получили представление о реальной ситуации, существующей в лагере Суддут. Суддут и Блейн, рассказывали беженцы, были руководителями группы, руководили всеми делами и руководили всеми работами. Девану было неприятно слышать, что эти двое держат своих последователей в рабстве, держа для себя лучшую еду и не поднимая даже пальца для работы.

Более того, они издали новый приказ, в соответствии с которым Суддут, как духовный лидер группы, мог иметь любую женщину, какую пожелает, и его аргументы в пользу получения этой

привилегии были настолько убедительными, что вскоре мужья и жены также согласились на это. Хотя первой женщиной, которую он пожелал, была жена Блейна, которая отказалась предоставить его ему, и после драки между ними, в которой Блейн одержал верх, Суддут счел свой план неудачным.

Деван заметил беспокойство Оркатта, когда он узнал, что последователи Суддута сократились до двадцати четырех, помимо него и Блейна, и что Суддут сделает все, чтобы вернуть дезертиров.

— Он непременно что — нибудь сделает, - заключил Оркатт. - Он не захочет сидеть неподвижно и позволить своим ребятам натянуть веревку и прийти сюда.

Поэтому, когда в середине лета Эрик Суддут и его помощник появились у ворот нового Чикаго, этот визит никого не удивил.

- Никого в доме? - послышался звонкий голос Суддута, нетерпеливо спрашивающего. Сомнений не было: Суддут обладал замечательной личностью,и с ним не было никаких слов. Он либо сразу инстинктивно нравился, либо был ненавистен, чувство, которое вдохновляло Девана и его друзей.

После того, как несколько человек побежали предупредить его, что Суддут находится у ворот, Оркатт двинулся ему навстречу, несмотря на то, что слышал, как он приближается. По дороге он наткнулся на Девана и Сэма Отто, которые последовали за ним.

Когда створки распахнулись, все трое были поражены, столкнувшись с Суддутом и Блейном совершенно обнаженными.

Фактически, они на мгновение забыли заповедь, которую приняли вышеупомянутые. Их тела были белыми и дряблыми, в отличие от загорелой кожи людей из Нового Чикаго.

Причина, подумал Деван, вероятно, заключалась в том, что эти двое были бездельниками и почти всегда были заперты. Он думал о том, как их последователи должны быть сокращены, работать на своих боссов и обеспечивать им все то благополучие, которым был испытанием толстый живот Суддута. Блейн выглядел худым, потому что либо ел меньше, либо еще не достиг возраста, когда живот предает.

При виде жителей Нового Чикаго в кожаных куртках, штанах до колен и расклешенных лицах двое мужчин явно смущались, что

они голые и с бородами длиной до груди. Они выглядели немного нелепо, теперь, когда их безопасность немного ослабла.

Эрик Суддут встряхнулся и, откинув плечи назад, попытался вернуть себе некоторое достоинство. Он прочистил горло. — У вас здесь шестеро моих, - сказал он. - Мы с Блейном пришли забрать их.

Оркатт улыбнулся с такой уверенностью в своем собственном факте, что Деван испытывал растущее чувство уважения к нему, всегда столь решительного и соответствующего ситуации.

— Входите, - сказал тогда Оркатт, протягивая Суддуту руку. - Рад, что вы пришли к нам в гости.

— Да, - сказал Сэм Отто. - Хорошо, что вы здесь. Как вы были все это время, Блейн? - Сэм тепло пожал ему руку, но рука Блейна осталась инертной, а лицо без выражения.

Суддут устранил любые попытки знакомства. - Вы сразу же сделаете нас нашими людьми. Мы должны вернуться в лагерь до наступления темноты. Вы никогда не знаете, что вы можете встретить в лесу.

— Мы не нашли ничего свирепого, — сказал Оркатт, - кроме других людей.

- На что вы хотите намекнуть, сэр?

- Давай, давай. Орвид, - коротко отрезал Суддут. - Мистер Оркатт не хотел ничего намекать, я уверен.

- А сестра Эбигейл, где она? - спросил Деван. - Он не с вами?

— Всемогущий Бог пожелал ее с собой, - сурово пояснил Суддут.

— Пневмония, - грустно добавил Блейн.

- Замечательная женщина, доблестный проводник, инструмент, богатый благодатью Божьей, инструмент, который должен был помочь нам в золотой век, но в котором он нуждался больше всего в нас.

- Аминь, - сказал Блейн.

- А теперь перебежчики, пожалуйста. - Суддут выглядел решительным, властные глаза, руки за спиной. У ворот собралась

толпа.

Оркатт покачал головой. - Они пришли сюда по собственной воле, Эрик. Мне больно говорить вам, что если они уйдут, они сделают это по своей воле.

- Вы хотите сказать, что не приведете их сюда?

- Успокойся, Орвид, сейчас я все поставлю на свои места.

- Я слышал, что для них смертная казнь. Зачем мне посылать их умирать?

— Но это не точно, - сказал Суддут. - Я сделал это только для того, чтобы они не сбежали. Нам так нужны люди.

- Действительно хороший способ сохранить группу вместе.

— Вы сами можете зайти за ними, - сказал Оркатт. - Ищите, то есть, если сможете уговорить их следовать за вами.

Двое мужчин озадаченно посмотрели друг на друга. Затем они согласились войти.

Оказавшись внутри, вся их остаточная безопасность исчезла, и они в смущении бродили по улицам Нового Чикаго, оглядываясь вокруг, чтобы убедиться, что за ними никто не наблюдает. Но на их пути они встретили иронические улыбки, веселые рассуждения и откровенно открытый смех, которые только усиливали их растерянность.

За ними шарахались дети и лающие собаки, поэтому Суддут в какой-то момент не мог не спросить Оркатта, нет ли у него одежды, чтобы одолжить их, чтобы не оказаться в центре этого настойчивого любопытства.

— Но разве это не противоречит Божьей воле, надевать что-нибудь, Суддут? До сих пор вы доказали, что так добросовестно следуете своим принципам, что это внезапное нарушение кажется столь же сомнительным.

— Я уверен, — ответил Суддут, - что в данном случае это не имеет значения.

- Я бы хотел, чтобы у вас был костюм, но, к сожалению, недавно нам удалось приобрести пиджак и пару брюк для каждого. Но

если вы хотите подождать на следующей неделе, у нас будет что-то для вас.

Пока дети и собаки неотступно следовали за ними, Оркатт вынул из кармана трубку и табачный пакет и принялся наполнять его. Суддут следил за его действиями глазами, нагруженными завистью. Деван чуть не засмеялся ему в лицо, вспомнив, как старик любил сигары; и он очень повеселел при мысли о том, что там еще несколько платьев, которые Оркатт мог бы с комфортом одолжить им.

- Где вы находите табак?

- Ну, недалеко отсюда есть растения.

- Где?

— Эх, нет, - сказал Оркатт — - мы не можем вам сказать. Пойдем, я вас осмотрю.

- Послушайте, - сказал Суддут — - не могли бы вы рассказать мне, как вам удалось изготовить эти сигары?

— Некоторый. Почему вы спрашиваете?

- Раньше я курил.

- Простите, что не попал раньше. - Затем обратился к Сэму: - у вас нет сигары для нашего гостя?

Сэм вытащил две сигары, которые он протянул двум мужчинам, но, когда Суддут с видимым удовлетворением взял ее, Блейн отрицательно покачал головой. Как только Сэм закурил сигару, Суддута охватил кашель, объяснив, что он больше не привык курить. Потом вдруг, уловив удивительную мысль: - А ведь у вас “церины”!

— Конечно, - ответил Оркатт. - Как вы думаете, где мы их взяли? Мы не вернулись за иглу, чтобы забрать их. Мы сделали это сами.

- И как?

- С фосфором, воском, клеем и зубочистками.

- И вы думаете, я не знаю этих вещей? - прогремел Суддут. - Я поступил в Высший химический институт и хорошо знаю фосфор. Я также знаю, что вы не можете найти его везде. Где он тогда?

— Это все вокруг вас, фосфор, - ответил Деван.

- Вы хотите, чтобы его выдали за дурака?

- Нет, Блейн.

— Давай, давай, - нетерпеливо отрезал Суддут. - Мне нужно это объяснение.

— Ну, вы попросили объяснений и получите, - ответил ему Деван. - Возьмите кости животных и сожгите их. Оставшаяся зола состоит из чистого фосфата кальция. Вы нагреваете его песком и коксом, а дистиллят-фосфором.

- Просто, да? - сказал Оркатт.

- Вы должны показать мне это.

- Мы думали об этом. Приходите.

Они продолжили свой путь, миновав гончарный цех, мастерскую, где изучалось стекло, и где Башер, нахмурившись, помахал им рукой изнутри.

Затем они прошли мимо небольшого здания, из которого исходил характерный запах, знакомый Девану, но, подумал он, конечно, не такой, как Суддут.

- Это наш винный погреб для раздачи вина и спиртных напитков. Во главе стоит доктор Костиган.

— Очень интересно, - просто ответил Блейн, повторяя сказанное до этого момента.

— Совсем не интересно, - хмыкнул на этот раз Суддут. - Алкоголь-враг человека, разрушитель его тела, разрушитель его разума.

- Костиган, конечно, не согласится с вами, — сказал Сэм Отто, — и я даю ему право.

— Впрочем, - сказал Оркатт — - у нас здесь тоже два врача.

- Два врача? - Суддут посмотрел на него с недоверчивым выражением лица, затем кисло сказал: — Вы не ведете нас к нашей шестерке?

Круг, который Оркатт заставил их сделать, включал область изготовления бумаги, спичек, ткацких станков, которые обрабатывали лен и немного хлопка, которые он нашел, и столярную мастерскую.

- Эй! - воскликнул Суддут, увидев работающего там человека. - У него”молот”!

— Да, - ответил Деван — - я сделал это с ним.

- Вы?

- Да, мы имплантировали небольшой сталелитейный завод и немного увеличиваем его.

Суддут покачал головой. - Если бы наш добрый господин пожаловал нам эти вещи, он позволил бы им пройти отсюда вместе с нами.

— Но он позволил нам нести наши головы, — сказал Оркатт, - с которыми мы справились, строя все эти вещи. Если мы продолжим иметь их, через некоторое время мы вживим небольшое плетение, которое даст одежду всем нам. Есть одна женщина, которая сначала прядет и заверила нас, что за один день она может изготовить правильную ткань для платья. Среди женщин у нас есть многочисленные швеи, которые будут резать платья. Мы также Строим химическую лабораторию. Среди нас есть молодой химик, который посвятит себя пластмассам. Как видите, мы модернизируемся не больше и не меньше, чем когда мы были “там”.

- Ах! - закричал Суддут — - но Божья месть обрушится на всех нас из-за вас, и будут несчастья для всех!

- Аминь, - сказал Блейн.

- Сколько чудесных вещей мы сделаем! - последовал за ним Деван. — И мы больше не будем повторять ошибок наших отцов. Приведу несколько примеров. Индейцы, чтобы смягчить мясо, помещали его в листья дерева, называемого “лапа-лапа”. Когда белый человек обнаружил этот их обычай, он подумал, что это всего лишь обряд, в то время как в этих листьях действительно есть что-то, что смягчает плоть. Почему бы не сделать это сейчас? У нас есть преимущество всего прошлого, видите ли.

“Во-вторых, подумайте немного о глутамате мононатрия, соли,

которая делает нашу пищу лучше. Мы были настолько глупы, что выбрасывали его, когда извлекали сахар из свеклы, думая, что это просто бесполезный побочный продукт. Это до тех пор, пока мы не осознали свою ошибку. И здесь мы можем использовать его отлично. И потом, мы нашли, помимо этого, несколько вещей, отличных от того, как они были в нашем мире: кролики с длинным хвостом и белые белки и цветы, так называемые "весенние красавицы" с шестью лепестками, но в конечном итоге suppergiù всегда одно и то же. Поэтому мы можем сделать это место таким, каким мы хотим""

- Да, Трейлор. Я согласен с вами. Мы можем делать то, что вы хотите, или делать то, что должно быть сделано. Выберите.

— Аминь, - повторил Блейн.

Закончив осмотр, Оркатт привел их к самому большому зданию лагеря-залу собраний. Это была простая структура с кирпичными стенами и деревянным потолком, заросшим травой.

- А здесь что? — спросил Суддут, подходя к столу, который находился в центре стены.

- Это наше место встречи или, при необходимости, наш бальный зал.

- "Бал"? - Суддут произнес два коротких слова с огромным отвращением.

- Да, некоторые из наших ребят собирают оркестр, чтобы танцевать. Не хотите сесть? - Он указал на скамью в первом ряду. - Вы ведь знакомы с мистером Туксберри? — Он указал в сторону человека, сидевшего за столом чуть дальше. - Он пишет нашу Конституцию. Туксберри был юристом и очень хорошо помнит кодекс. До того, как стать адвокатом, он объединял людей в браке.

Туксберри протягивал соломинку. - Я бы отдал все за ручку, даже шариковую. Работать без очков уже достаточно тяжело.

- Где ваша секретарша? - Спросил Деван.

- Вспомните Беатрис Трит. Теперь она его жена и его секретарь.

- Она отошла по понятным причинам, прежде чем вы вошли. - Туксберри улыбнулся и сделал широкий жест, охватывающий все

карты, разбросанные по столу. - Это мой большой шанс. Я могу собрать воедино все законы, которые кажутся мне справедливыми, и я могу исключить несправедливые. Это огромная ответственность. Конечно, многие законы я даже не запомню, например, о дорожном движении. Но в любом случае законы, которые мы примем, всегда будут подлежать пересмотру.

— Очень назидательно, - кисло прокомментировал Суддут. - Вы хотите вернуть сюда моих шестерых последователей или нет?

- Вы хотите сказать, согласны ли они.

В это время вошел мальчик лет шестнадцати. — Мистер Оркатт, - сказал он, - эти люди говорят, что не хотят разговаривать ни с мистером Суддутом, ни с мистером Блейном.

— Вот вам их ответ, Эрик, - сказал Оркатт, когда мальчик выбежал на улицу.

- Вы думаете, он так легко пьет? Как будто вы не забили парня о том, что он должен был сказать!

- Вы ошибаетесь. Он говорил правду, которую я уже знал, но которой я хотел доказать вам. Им потребовалось много времени, чтобы найти всех шестерых, так как они работают в разных местах. Все, кроме одного, у которого был прием к стоматологу.

- Прием к стоматологу? - брови Суддута медленно поднялись, лицо его успокоилось, а глаза потеряли прежний огонь. - Значит, у вас тоже есть стоматолог?

— Логичный вывод, ваш, - сказал Оркатт, смеясь. - Вы, конечно, знали, что во время прохода все капсулы и ложные зубы были потеряны, не так ли?

— Некоторый. Мы использовали глину и воск. Какое лечение практикует этот ваш стоматолог?

- Бери золото. Смотрите, - сказал Деван, открыв рот, чтобы показать сделанные им пломбы.

- Великолепная работа! - Удивился суддут. Вздыхать. - Он хороший стоматолог.

— Самый лучший, - сказал Сэм.

— Тогда верните своих людей в пещеры — - сказал Деван.

- Жаль, однако, что, когда мы снова погрузимся в иглу, мы потеряем эти чудесные капсулы.

- Опять в иглу? - Суддут изумленно посмотрел на него. - И когда это произойдет?

- Когда вторая игла будет готова.

Некоторое время в комнате царила тяжелая тишина. Вдали слышались детские голоса, стук молотков по металлу и множество звуков, указывающих на плодотворную работу.

У Эрика Суддута были сжатые губы и морщинистый лоб. Потом, покачав головой, закричал: - запрещаю!

— Но это единственный путь назад, - заметил Деван.

- Вы этого не сделаете! - Возмутился суддут. - Вам мало того, что случилось с первой из этих адских машин? Разве знак Божий не поразил вас достаточно? Это ваш ад, разве вы не понимаете? И наши тоже, потому что мы не помешали Вам претворить в жизнь ваши планы.

- Но вы прислали нам Орвида Блейна.

- Да, но он не смог вас убедить. И теперь вы не можете сделать еще одну иглу. Божье наказание, во второй раз, было бы ужасно!

- И будьте спокойны!

- Никто не может сказать мистеру Суддуту, чтобы он был спокоен!

- Прекрати, Орвид, - крикнул Суддут. - Мы уходим, а вы, держитесь за шестерых. Я отказываюсь иметь дело с людьми, слепыми к знаку Божьему.

Возмущение Суддута увенчалось обычным” Аминь ” Блейна.

15

В начале октября Девану удалось получить свою долю стекол для окон коттеджа. Днем воздух не сильно беспокоил, но ночи были уже прохладными. Поэтому он принялся за стекло, думая, что, если этот Северный Иллинойс будет похож на другой, скоро будут грозы и морозные ветры даже днем.

Однажды в воскресенье днем ему было объявлено, что его стекло готово, и он вместе с Бетти отправился в магазин Башера, чтобы забрать его. Бетти и он были одними из последних в лагере, у которых было стекло, и это потому, что Деван абсолютно не хотел пользоваться своим привилегированным положением, как друг Оркатта, и, кроме того, были семьи, которые нуждались в них больше всего, семьи с пожилыми людьми, детьми и больными, хотя последних было очень мало. Очень мало, подумал Деван, хотя у них на всякий случай была больница, которая была одним из их первых достижений.

Первое полученное стекло было очень хрупким, зеленым, почти непрозрачным, и Башер пытался улучшить его, когда Элмо Ходж, астроном-любитель, узнал о его попытках и дал ему полезные советы, среди которых, как исправить цвет, добавив химические вещества, которые создали бы дополнительный, устраняя любой нежелательный оттенок. Он знал все это, потому что для своей работы вокруг телескопов он соприкасался с линзами и оптикой. Ходж очень заинтересовался этим и присоединился к Башеру, помогая ему сначала построить простые оконные стекла, но, тем не менее, спроектировав линзы для телескопов, биноклей и микроскопов.

— Если я правильно помню — - сказал Ходж — - вы должны заменить калий, чтобы получить твердое стекло, и немного кальция со свинцом, чтобы получить стекло, подходящее для линз. — Он потер руки: - после этого мы сможем посвятить себя различным видам стекла, включая Пирекс и дымчатые линзы. Это займет некоторое время, но оно того стоит. - Последние слова Деван в последнее время слышал очень часто, а сам говорил их тысячу раз.

Стекло, которое Деван и Бетти принесли домой, было уже лучше, чем первое: на самом деле оно имело только след зеленого цвета и было почти полностью прозрачным. Окна были построены в

соответствии со стандартной мерой, принятой полем, стекла, изготовленные в соответствии с этой мерой, равные для всех окон, могли быть вставлены с максимальной легкостью.

Деван принял все меры предосторожности, разместив их на месте, и Бетти настояла на том, чтобы помочь ему, и поэтому, когда Деван разбросал герметик по всему дереву, образующему оконную раму, задача Бетти заключалась в том, чтобы вставить стекла в соответствующее пространство и сделать так, чтобы они плотно прилегали к герметику. Затем он потрудился добавить мастику и снаружи.

Когда Деван закончил работу у первого окна, Бетти была только наполовину. Не потому, что она была медленнее, а потому, что у нее было больше дел для дома. Поэтому Деван обошел “коттедж” и обнаружил, что она намерена ухаживать за своими цветами.

- Вы начальник? - спросила она.

— Уже. Вы немного потише справляетесь с работой.

- Если вы не увеличите мне зарплату, конечно.

- У вас более чем достаточно награды.

- Хорошо, я сейчас уйду в отставку.

Бетти улыбнулась ему. Она всегда оставалась такой же, какой она знала в конюшне “Расмуссена”. Несмотря на большую работу, которую она проделала в новом Чикаго, выражение ее глаз барвинка было таким же, как тогда, и на глаз всегда падала одна и та же непослушная прядь. Бетти была загорелой, и, конечно, Деван решил, что она самая красивая женщина в лагере.

Она ответила взаимностью на его взгляд. - О чем ты думал?

- Тебе.

- Ты не должна говорить, если это неправда.

- Я бы не сказал, Если бы это было неправдой.

Она снова улыбнулась ему с таким чудесным выражением, что заставила его поцеловать ее.

- Нам больно, Деван?

- Что? - Деван знал, что имела в виду Бетти, и, поскольку она не ответила, он вполголоса сказал: — Я не думаю, что нам больно.

Они оба думали о детях, которых они там оставили и о которых никогда не говорили, чтобы не ссылаться ни на какие из их предыдущих семей. Когда они говорили о детях, они делали это очень широко и свободно. Теперь у них была причина говорить об этом открыто, конкретно.

Внезапно они услышали необычную суету вдоль главной улицы, называемой Оркатт-стрит, улицы, которая проходила через весь город к воротам, которые они построили в первые дни, но никогда не закрывались.

— Снаружи кто — то кричит, - сказала Бетти. - Люди выходят из ворот.

Случалось так редко что-то, что они оба бросались на улицу, чтобы увидеть. Когда они подошли ближе, Деван и Бетти увидели обнаженного мужчину, в котором они узнали Эрика Суддута, лежащего на рудиментарных носилках из тростника и веток. Лицо у него было бледное, дыхание учащенное, тело вспотело и задыхалось, он смотрел на себя непонимающими глазами.

— Дайте мне руку, - сказал Деван, поднимая носилки в сторону. - Отвезем его в больницу.

— Дайте мне умереть, - заорал Суддут. - Дайте мне умереть. Бог хочет, чтобы я умер.

По пути в больницу носилки наткнулись на Оркатта. - Что происходит? - спросил он, потом увидел лежащего человека.

— Они довели его до ворот и оставили там, — объяснили ему.

— Дайте мне умереть, - повторил Суддут. - Скажите им, чтобы они позволили мне умереть.

В больнице после быстрого обследования у него был обнаружен аппендицит, и поэтому он был немедленно доставлен в операционную. - Подумайте немного: он будет анестезирован эфиром, который Ренталер сделал из дистиллированного спирта Костигана.

- Было бы гораздо лучше не сообщать ему об этом.

- И он будет работать с инструментами из углеродистой стали, обработанными Гасом Нельсоном, который тоже любит пить.

— В одном я уверена, - сказала Бетти. - Он не может быть в лучших руках, чем те два врача, которые его оперируют.

- Они были интернатами в “больнице округа Кук” всего семь месяцев назад и не знали, на какие события пойдет их карьера. Теперь у них в руках здоровье всего нового Чикаго.

Они стояли у постели Суддута следующей ночью, когда он пришел в сознание.

— Уходите,-сказал он, все еще заряженный эфиром.

— Мы не будем говорить, если вы этого не хотите, — сказал Деван, - и не будем вас беспокоить.

Это была мрачная атмосфера деревенской комнаты, в которой мерцал свет свечи. Суддут стоял без сил и смотрел в потолок опухшими глазами, выделяющимися на опустошенном лице.

— Я хочу уйти, - сказал он наконец.

— Вы останетесь здесь столько, сколько потребуется, - сказал ему Деван.

- Кто вы, доктор?

— Удачный.

- Сколько мне еще оставаться?

- Еще неделю, и в постель.

— Ваш лагерь так далеко, Эрик, — сказала Бетти — - что вы, конечно, не можете думать о скором возвращении. Подумайте обо всем, что есть.

Суддут издал какой — то хрип: - Орвид Блейн привел меня сюда. И эти придурки мужчин несли меня всю дорогу. Но Бог хотел, чтобы я умер. Почему вы не позволили мне умереть?

- Возможно, было бы неплохо позволить вам умереть. По крайней мере, нам не пришлось бы иметь дело с таким неблагодарным человеком.

— То, что он жалуется, — сказала Бетти, - указывает на то, что ему становится лучше.

Действительно, во время выздоровления Эрик Суддут заметно улучшился. Бетти даже удалось убедить его, что, поскольку она была в больнице, ей также стоило позволить себе починить зубы.

Деван был рад признать, что причина этой перемены - в Бетти, которая попросила лично разобраться с Суддутом, поняв, что старику нужна какая-то привязанность. Поэтому она всегда навещала его, приносила ему хорошие вещи, чтобы поесть. В начале ноября Суддут уже заметно поправился и часто часами проводил на веранде, в шезлонге, с хорошей сигарой во рту, довольный разговором со всеми, кто его навещал.

Но на второй неделе ноября, по словам Бетти, все изменилось.

- Эрик косо смотрит на людей, — сказала Бетти Девану, — ночью он плохо спит, мне сказала медсестра.

На третьей неделе он заявил, что хочет вернуться к своим людям. Бетти умоляла Девана пойти к нему и поговорить с ним.

Деван нашел его сидящим на веранде с озабоченным видом.

— Это мой долг, - объяснил он Девану после того, как тот заговорил с ним по этому поводу. - Бог хочет, чтобы я вернулся к своим людям.

— Но эта жизнь не для вас, - ответил Деван. - Вы еще не полностью выздоровели.

— Я еще никогда не был таким крутым, — сказал Суддут, ударяя себя по груди, что, однако, к его видимому смущению, заставило его закашляться. - Во всяком случае, я решил уйти.

- На улице наступает зима и, к тому же, очень суровая зима. Вы уверены, что действительно хотите уйти?

- То, чего я хочу, не имеет значения. Я должен выполнить свой долг. Вот и все. - Он посмотрел в окна на падающие листья и: - Бог даст мне силы.

- Вам это понадобится.

- Завтра я уезжаю. Пожалуйста, сообщите об этом врачам и

медсестрам.

На следующий день Деван принес ему в больницу коробку сигар и сказал, что будет сопровождать его до выхода из города.

Когда они вышли из больницы, ледяной ветер приветствовал их, и они были вынуждены плотно натянуть на себя плащи.

Подойдя к воротам, Суддут протянул Девану свой плащ, и Деван был ошеломлен, увидев, что внизу он совершенно голый.

- Не дурак! — крик. - Вы умрете от холода!

— Я не хочу, чтобы мой народ жаловался на такую несправедливость!

Затем он отошел, гротескная фигура с коробкой сигар под мышкой, босиком ступая по земле.

Деван знал, что далеко не уйдет. Действительно, через некоторое время она увидела, что он возвращается. От холода было холодно.

— Я больше не привык ходить, - сказал он — - попробую еще раз.

Деван натянул на него плащ, и они вместе вернулись в больницу, где Деван поспешил дать ему выпить.

- Моя коробка, пожалуйста — - сказал он, указывая на коробку с сигарами, - мне нужна сигара.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Решение

16

Трое детей преследовали друг друга на берегу моря, среди брызг воды, поднятых их босыми ногами. Девочка стояла впереди, а два мальчика сзади. Они смеялись и бежали, оставляя свои следы на пляже.

Наконец, Утомленные, они направились к лужайке и, задыхаясь, не переставая смеяться.

— Я слишком много бегал, - сказал Дон. - Ты должна была позволить себе поймать тебя, Салли, и не должна была заставлять нас так бегать.

— Я бы хотел, чтобы мы с Доном могли летать, - сказал Ральф — - тогда мы бы тебя поймали, не так ли, Дон?

- Но она не вошла в воду. Девочки не умеют хорошо плавать.

— Но я да, - возразила Салли — - я могла бы показать вам это прямо сейчас.

— Не удивляйся папе, Салли, - сказал Ральф.

— Конечно, - сказал Дон — - я в этом убежден.

- Донни Туксберри и ты, Ральф, прекрати, и я расскажу тебе историю.

- Что за история?

- Та, которая говорит о том, что там? - и рука Дона указала на горизонт.

- Я хочу услышать что-то новое. Салли. Я уже все знаю об игле и о том, когда папа встретил маму и как…

- Пусть расскажет….

— Я не хотела говорить с вами об этом, - сказала Салли.

- Во всяком случае, это неправда. Это сказка.

Салли повернулась к Ральфу и уставилась на него. - Ральф, как ты смеешь говорить такие вещи? Ты прекрасно знаешь, ЧТО ЭТО

ПРАВДА! Ты хочешь, чтобы папа и мама лгали нам?

- Послушай, - сказал Дон — - я тоже не очень в это верю. Как вы можете поверить в то, что они говорят о строительстве?

— Но мой отец - “инженер”, - сказала Салли, — и чтобы стать инженером, вы учитесь годами и годами, после того, как один способен делать такие конструкции, как то, что папа делает сейчас, или … или как та игла,которую он делает.

- Я слышала, как мама рассказывала Салли все это, Донни.

Дон поджал губы: - вы когда-нибудь видели такую конструкцию, о которой они говорят?

— Не надо, - сказала Салли. - А что тогда говорить об автомобилях, телевизорах, фонографах и мороженых? Мы видели только несколько картин с такими вещами в художественном музее.

- Я учил их в школе.

- Ты еще кое-чему научился, Дон?

— Я шучу, - улыбнулся Дон.

Салли лежала на траве и смотрела в сторону горизонта. — Мы пришли оттуда, - сказал он.

— Что бы я не дал, чтобы увидеть самолет, — сказал Дон, - маленький маленький, но настоящий.

- Что ты скажешь о реактивном? - спросил Ральф, издавая шипение и двигая руками, как будто они были самолетами.

— О, однажды-другой, у нас тоже все это будет, - ответил дон.

- Когда мы вернемся?

— Мы вернемся, говорит мой папа, - повторил Ральф.

Все трое смотрели на огромное водное пространство.

- Мы всегда будем вместе, куда бы вы ни отправились, не так ли? - спросил Дон.

— Некоторый. Я хочу попробовать полететь в самолет. Один

реактивный; может быть, я смогу летать на нем.

— Интересно, - сказала Салли, держа подбородок в руках, — как это будет “там”.

Дон встал и приложил руки к глазам.

- Что ты делаешь? - спросила Салли.

— Смотрю.

Салли тоже посмотрела, но ничего не увидела.

— Там, - сказал Дон, указывая на точку на воде.

- Что это?

- Пойдем посмотрим?

— Нет, — заорал Ральф, - мы не пойдем туда.

— Давай, давай, - сказал ему Дон — - мы будем следить за тобой.

Они спустились к пляжу и вышли на берег воды, где плавала маленькая волосатая штука. Дон подошел и поднял ее из воды.

— Это кролик, - сказал Ральф.

— Да, - сказал Дон.

— Минуточку, - Салли более внимательно осмотрела зверюгу. - Вы не видите в этом кролике ничего странного?

Дон посмотрел, потом сказал: - кто-то, должно быть, отрезал ему хвост.

— Забавный кролик, — сказал Ральф, - без хвоста.

Голубые глаза Салли были полны любопытства. - Нет, не то чтобы ему отрезали хвост. Похоже, вместо обычного длинного хвоста кроликов у этого здесь есть только эта круглая штука внизу.

- А почему?

- Но я не знаю.

— Ну, пойдем домой, - сказал Ральф. Трое отошли, в последний раз взглянув на кролика.

- Дети дома? - спросил Деван, входя. Затем он положил лист “новостей” нового Чикаго на стол и подошел к Бетти, чтобы поцеловать ее. Затем он сел в свое кресло и закурил сигарету.

— Я думала, это они возвращались — - сказала Бетти, глядя в окно. - Они почти весь день отсутствовали с Доном Туксберри, на пляже. Какие новости?

Деван быстро просмотрел заголовки газеты и заключил: — ничего сенсационного. У меня было много дел сегодня.

- Значит, репетиция на завтрашнюю ночь?

- Мы готовы уже сейчас. Есть только последние штрихи, чтобы дать.

На лице Бетти промелькнула тень грусти и беспокойства, и она отошла в сторону кухни, следя глазами за Деваном. Он знал, о чем думает Бетти.

- Помнишь прошлый раз? - крикнула она из кухни.

Деван вздохнул. Как он мог забыть, когда Башер попал в иглу, даже если прошло десять лет? И по ассоциации идей она вспомнила миссис Башер, которая не хотела верить, что Башер попал в машину, и поэтому пошла в полицию. Вы говорили с Башером об этом?

- Но это не произойдет так, как в прошлый раз, верно, Дэв, когда испытание провалилось?

- Нет, конечно, или, по крайней мере, человек, который пройдет в нем, не попадет в озеро.

- Ты уверен, Дев?

- Помнишь маленькую иголку, которую мы построили?

- Тот, в который ты мог только ввести свою руку?

— Собственный. Если бы мы могли понять что-то из этого маленького, мы бы согласились на это. И мы бы не попали в эту беду, если бы ее можно было назвать бедой. - Деван погасил сигарету и пошел на кухню налить себе чего-нибудь выпить, пока Бетти готовила обед. - Здесь тоже, для начала, доктор Костиган построил уменьшенную модель, где он мог бы провести рукой, но

на этот раз это не сработало.

- А почему?

- Разве я тебе не говорил?

- Может, я и забыла.

- Мы нашли что-то твердое. И так рука не могла пройти. Затем мы заметили, что по другую сторону иглы находится подпочва. Затем мы двинули, немного за разом, иглу со всем электрическим оборудованием на холм. Это заняло некоторое время, но мы обнаружили, что, протягивая руку, можно почувствовать землю. На этот раз тогда не будет опасности оказаться в озере, но мы сможем пройти через иглу, а затем вернуться.

— Ты очень оптимистичен, Дэв — - сказала Бетти.

- Что заставляет тебя думать об этом? - спросил Деван.

- Потому что, пока еще никто не прошел в иглу, вы совершенно уверены, что все пойдет к лучшему.

- Мы работали над этим десять лет, и на этот раз плоды наших исследований и опыта не будут потеряны.

- Ты хочешь мне кое-что объяснить? Деван допил напиток. - Что?

- Откуда ты знаешь, что ты в Чикаго?

Деван слегка покраснел и пошевелился. Он сказал себе, что коснулся больного места, но не хотел позволять ей почувствовать хоть малейшее недоверие с их стороны…

- Твое лицо говорит мне, что я чуть не попал в цель.

- Мне стыдно, что моя жена, единственная из всех, не знает существенных фактов. Я занимаюсь этим делом десять лет, а ты забыла, как это было решено.

- Тогда скажи мне.

- Изменение полярности. Как для электродвигателя. Если полярность инвертирована, она идет в обратном направлении. Так мы и сделаем для Иглы. Но разве я не говорил тебе об этом раньше?

- Да, Дэв. Я их забыл. Но на этот раз я хочу быть уверена в том, что ты говоришь.

- Почему ты так волнуешься вдруг?

- Вдруг? Эта идея не пришла ко мне минуту назад, но она давно мучает меня.

Он никогда не видел Бетти такой. - Ради неба, что там?

- Уверяю тебя, Дэв, ничего нет. Я просто хотел сказать, что я немного задумался об этой второй игле. Теперь мы должны решить пройти, в то время как первый раз проход произошел без нашей воли.

— Но на этот раз мы хорошо подготовлены, — сказал Деван, все еще не убежденный в этих объяснениях, — и не будет никаких подданных, чтобы спровоцировать бедствие.

- Если Эрик не соберется.

- Не будет. У него слишком много работы с Библией.

Пока они ждали детей на обед, Бетти поставила еду в духовку и вышла с Деваном перед домом.

- Знаешь, Дев, — сказала Бетти, высасывая из своей сигареты глоток дыма, - в глубине души они были не очень плохи.

- Любопытно подумать, что многие из женщин, присоединившихся к ним, были в моем клубе. Кто бы мог подумать, что однажды они решат жить в пещерах, совершенно голых?

- Когда мы вернемся, все снова станет нормальным, вот увидишь.

Пока они стояли снаружи, спокойно сидя в свете заката, Деван размышлял, какая небольшая разница между этим их городом и любой частью Чикаго. Дружеские голоса, смех, споры, которые он слышал вокруг себя, говорили с ним о тихих, безмятежных, сплоченных людях. И, сжав сердце, он подумал о старых улицах, Старых лицах, старых вещах, ожидающих его в Чикаго. Он помнил безымянные серые дома, потрепанные внутренние дворы, которые мельком видели проезжающий поезд, брошенную бумагу на гравии “Грант-парка”, как она стояла в понедельник утром, и людей, толкающихся, магазины рядом друг с другом,

пропитанный дымом воздух и посторонние взгляды. Он не хотел возвращаться. И зачем тогда это делать?

Эта его внезапная мысль тут же оттолкнулась. Он должен был вернуться, потому что все остальные вернулись, и там никого не осталось. Да, он должен был вернуться.

Он видел детей, идущих к дому, и это наполняло его радостью, так сильно он их любил. У него было больше времени для детей на этой стороне иглы, сказал он себе.

- Папа, - крикнула Салли, влетая ему в объятия. - Донни говорит, что вы не вернетесь туда. Скажи мне, Санта, пожалуйста.

- Конечно, дорогая, мы вернемся.

- А есть очень большие дома?

— Некоторый.

- А почему они такие большие?

- Чтобы каждый мог работать в нем.

- Но разве они не могут работать?

- Вот видишь, - Деван прочистил горло. Это было немного трудно сказать. - Почему они сделали их такими высокими? Салли, здесь так много людей и так мало места, что, если бы каждый из них выходил на работу, больше не было бы места для кого-либо. Вместо этого, таким образом, есть офисы в зданиях, которые касаются неба, и поэтому, стоя друг над другом, здесь нет недостатка в пространстве.

- А как они идут наверх?

— Лифт. Ты его знаешь.

Ральф, стоявший рядом с ним в штанах, спросил: - Сколько людей живет в Чикаго?

- Миллионы. Думаю, три или четыре миллиона.

- Миллионы! - Возмутилась Салли. - И все они работают в домах?

- Давай, Салли, - сказала Бетти — - ты ведь все это учила в школе, не так ли?

- Ну, именно эти нет. Я узнал о существовании самолетов, автомобилей, индейцев. Кстати, есть ли индейцы?

- Они живут отдельными группами.

- Хорошо, мы найдем их, папа.

- Я увижу реактивный самолет? - спросил Ральф.

- Что такое универмаг, папа?

- Вы могли бы спросить своего отца, Что такое ночной клуб, или каково его положение на бирже. И он ответит вам на все, я уверена.

17

Деван шел по брусчатке, стройный, энергичный, с наслаждением ощущая тонкий ночной ветер, доносящийся из озера. Он увидел верхнюю часть иглы II, выходящую из деревянного здания, и про себя сказал ей: “десять лет моей жизни, десять лет, ценность которых я не узнаю, с тех пор, как я не узнаю, если ты работаешь”.

Он рассмеялся при мысли, что сначала они поверили, что смогут восстановить иглу всего за несколько лет, максимум за пять.

С другой стороны, предприятие оказалось намного сложнее, как для поиска сырья, так и для жаркого исследования, проведенного вокруг некоторых процессов, точных формул которых у них не было, и о которых никто не помнил в новом Чикаго.

В какой-то момент казалось, что игла никогда не станет реальностью, и теперь, когда это произошло, возник новый насущный вопрос: Могли ли они вернуться в Чикаго? Ответ был дан ему после ночи.

- Эта проклятая игла! - Сколько раз люди произносили эти слова за эти десять лет! И это потому, что игла постепенно поглощала все новые ресурсы города, провода, трубопроводы и другие аксессуары, необходимые для строительства машины, а также рабочую силу самого специализированного персонала, которому пришлось отказаться от работы вместе с двигателями, кулерами, вспомогательными установками, полезными для города, чтобы посвятить себя этому вечно неудовлетворенному монстру.

Были и другие проблемы. В случае, если вам удастся добраться до Чикаго, какова была бы реакция этих граждан на то, что они столкнулись, выбитые неизвестно откуда, мужчины полностью обнажены?

Погруженный в свои мысли, он поднялся по деревянным ступеням здания, в котором размещалась игла II. Какая разница в скромном освещении этой их мастерской с долей света, царившей в”компании Расмуссена”!

В остальном все окружение было заметно ниже и по качеству, и по размеру. Все было принесено в жертву, чтобы оживить машину, которая также была немного уменьшенной по сравнению с

первой, но не настолько маленькой, чтобы люди не могли пройти мимо.

Доктор Костиган работал вокруг инструмента, постукивая здесь и там. - Все еще на работе? - спросил его Деван, усаживаясь в сторонку и наблюдая, как он маневрирует несколькими проводами, подключенными к одному из ящиков, функция которых была очень важна для эффекта работы. Несмотря на то, что прошло столько лет, Костиган не раскрыл секрет тех частей, которые он сам, как в прошлый раз, исполнял.

- Я все схемы починил. Я в порядке, за исключением одной ссылки для завершения.

Костиган остался тем, что был десять лет назад, сказал себе Деван, может быть, чуть тяжелее, но в остальном абсолютно такой же.

- Вы думаете, вы могли бы попробовать это сегодня вечером?

Доктор медленно обернулся. — Безусловно. Однако общее тестирование на завтрашнюю ночь. Но если вы верите, мы можем сделать проверку.

- Но мы уже сделали много таких проверок. Я имею в виду маленькую иглу. И мы уже знаем, что с другой стороны не жарче и не холоднее, и что поверхность твердая и уступает лишь незначительно.

- Я знаю. Но может быть, это ковер в какой-то гостиной или асфальт на улице. Двор, где дети играют в бейсбол. Мы все равно увидим его завтра окончательно.

- Мы могли бы увидеть его сегодня вечером.

- А кто предложит себя на репетицию? Кто войдет? - Доктор тут же повернулся к Девану.

- Я мог бы это сделать.

- Вы? - Ахнул доктор. - О, не вы, Деван!

Деван рассмеялся. - Я знаю, что вы думаете. Но я хорошо обдумал это. - Он уставился на иглу, освещенную с обеих сторон, намного меньше первой, но с таким же эффективным видом. - По крайней мере, вы не попадете туда. Людям придется приложить немало

усилий, чтобы попасть туда.

— Я тоже об этом подумал, — коротко сказал доктор. - Я не хотел этого говорить, но, видите ли, на этот раз мы даже не пробовались с кроликом. Только своими руками. А у меня сейчас слишком много капсул во рту, чтобы попытаться засунуть в них голову.

Деван закурил сигарету и подошел к доктору. - Интересно, доставит ли он нас в Чикаго? Что, если это не Чикаго, а какое-то другое место, похожее на это? Или, может быть, другой?

— Можно, - сказал доктор. - Я не хочу этого отрицать.

- Но разве вы не думаете об этом?

Деван чуть не пожал ему руку в тоске от этого вопроса.

Доктор указал ему на это, а затем добавил, что на мгновение включит машину, чтобы взглянуть.

Сердце Девана бешено колотилось. Он вел внутреннюю борьбу, разрываясь между желанием и сомнением сделать открытие, которое разрушило бы все их расчеты за многие годы.

— Приведите машину в движение, — сказал он наконец, - мы посмотрим.

Доктор сделал вид, что не обращает внимания на шефа. - Ваши капсулы. Вы снова потеряете их всех.

— Неважно, - сказал Деван, - генеральная репетиция все равно завтра, а потерять их сегодня или завтра-одно и то же.

- Раз уж вы решительны, вы будете благоразумны, не так ли? — спросил его доктор, смягчая совет улыбкой.

Через полчаса доктор Костиган нажал главную кнопку, которая освещала трубки и приводила их в движение. С Деваном он проверил важные детали с помощью вольтаметра и взял несколько записей.

Деван сунул руку в иглу и с удовлетворением заметил, что она исчезла. - Прекрасно работает.

- Вы всегда уверены, что хотите этого, Дев? - спросил Костиган голосом, сделанным резким от беспокойства. - Что будет, если вы

не вернетесь?

— Возвращать. — Он сунул руку в нижнюю часть иглы и почувствовал твердую поверхность чуть ниже отверстия. Затем он сел на край иглы,и его нога исчезла. Он почувствовал под землей. Она посмотрела на доктора и помахала ему рукой.

— Удачи, - сказал ему Костиган.

Деван скользнул внутрь.

Он увидел большие облака, стекающие по небу в мир из камня и травы. Над Луной, высокой и яркой, свет которой выделял скалистые холмы и кусты один за другим.

Было не холодно, но Деван вздрогнул от воздуха, который, казалось, слегка вздрогнул.

“Это не Чикаго””

Он пытался быть готовым к случайности, но, тем не менее, открытие уничтожило его: “это не Чикаго”.

Вокруг не было никаких признаков жизни.

Он наклонился и коснулся камня. Она была жесткой, но не настолько, чтобы не поддаваться. Он не доверял себе уходить оттуда, чтобы не упустить из виду глаз, в который он мог бы поскорее проникнуть, если бы что-то случилось.

Кричать. Его голос был унесен ветром, и никто не ответил ему. Ничто не шевелилось; только ветер чуть шевелил траву. Это было не то место, о котором он знал.

Десять лет потерянной работы. Теперь вы должны были попытаться исправить или переделать все. Он еще на мгновение посмотрел на пустынное место, затем отступил. Доктор Костиган стоял там, ожидая. Освещенная комната показалась ему, по контрасту, веселой.

- Ну? - Глаза доктора были озабочены.

— Это не Чикаго, - сказал Деван. - Просто пустынная каменистая пустошь. Я думаю, что нет ничего. По крайней мере, из того, что я мог видеть.

Доктор долго смотрел на него, прежде чем остановить машину. -

Собирайте капсулы.

Деван изогнулся и в то же время почувствовал впадины в зубах, касаясь их языком. Собрав их, доктор протянул ему стакан.

— Выпьем, - сказал доктор. - Давайте выпьем в память о том, что вы, вероятно, считаете десятью годами потраченной впустую работы.

— Я ничего не говорю, - ответил Деван, позволяя доктору наполнить его бокал вином. - У нас есть игла, чтобы сделать еще несколько доказательств. Мы можем найти другой путь.

Доктор судорожно покачал головой. - Других путей нет.

Деван остро посмотрел на него. - Никаких других средств? Что вы имеете в виду?

- Именно то, что я сказал. Мы ничего не можем с этим поделать.

- Мы можем изменить полярность и посмотреть, что произойдет. Это уже вещь.

- Но это не поможет.

- А почему?

— Я сделал это первой иглой, - сказал Костиган, глядя в свой полупустой стакан. - Я случайно изменил полярность, и это не привело ни к каким изменениям. На самом деле Башер вошел в него, когда он был в одном направлении, и полицейский, когда он был в другом. И оба оказались здесь.

Деван почувствовал, что ему нужен еще один стакан, и налил себе еще выпить. Доктор передразнил его.

- Нет, Деван, я думаю, мы больше не вернемся в Чикаго. Теперь мы могли бы отправиться в другую вселенную, а затем в другую, всегда другую, переходя от иглы, и поэтому нам повезло, что мы поселились здесь.

— Я думаю, - сказал Деван, - что если, как вы говорите, мы перейдем из одной вселенной в другую, мы в конечном итоге найдем ту, из которой пришли.

- Это всего лишь предположение. И тогда мы должны пройти через бесконечное количество этих вселенных.

Деван допил напиток и заметил: — и тогда вы больше никогда не сможете изготовить еще одну иглу с другой стороны. Если не считать камней и травы.

— Я просто старый ученый, - задумчиво ответил Костиган. - Когда мы приехали сюда, нам всем ужасно нужна была причина, которая держала бы нас вместе. И Оркатт дал нам сокровище и свою организацию. И я дал надежду на возвращение с этой машиной. Было просто сказать “ ” инвертируйте полярность, а остальное придет само собой”. Но на самом деле даже тогда я не был уверен, что мы сможем вернуться.

- Проклятье!

— Я еще выпью, не могу, - сказал доктор. - Мысль, которая преследовала меня в течение десяти лет и которой я никогда никому не доверял, к сожалению, сбылась, и перед этим откровением необходимо некоторое утешение, и где мне это найти, если не в алкоголе?

18

— Должно быть, скоро, - сказал Сэм Отто, закрыв за собой дверь и Башер. - А где остальные?

— Они придут, - сказал Деван, протягивая им импровизированные кресла.

— Они точно не захотят пропустить испытание, - сказал Сэм. Затем ироничным тоном: - но, приехав заранее, я могу представить вам, мистер Башер, человека, который добровольно перейдет в иглу сегодня вечером.

— Убирайся в ад, - сказал Башер. - Мне было достаточно одного раза стать волонтером, этого действительно было достаточно, клянусь. На этот раз я просто хочу помочь.

Тем временем приходили остальные. Оркут, Туксберри, немного постарел, но с гораздо более растянутым лицом, чем когда-то; Холкомб, который был примерно таким же, и молодой человек, в котором Деван узнал Джонни Селдена, литейщика. Ему было около шестнадцати лет.

- Если бы не присутствие Джонни, мы вполне могли бы поверить, что вернулись десять лет назад.

- Будем надеяться, что это не закончится так же, — сказал Башер.

Деван дотронулся до восковых пломб, вспомнив, что находится по ту сторону иглы, и в то же время надеясь, что пятеро мужчин не будут слишком озадачены, обнаружив, что машина не доставит их, как они полагали, обратно в Чикаго.

Он рассматривал вопрос для каждого стиха, но ответ всегда был один и тот же: он не мог ничего им сказать, пока они не вошли и не нашли его лично.

- Что Деван?

Деван вздрогнул, услышав звонок.

— У вас такой отсутствующий и грустный вид, — говорил ему Оркатт. - Давай! Это большая ночь. Мы все едем в Чикаго. Аллегро. У вас такой похороны!

— Мы должны сделать тост, - сказал Отто, глядя на доктора. - У вас, конечно, будет сырье.

- Действительно, - сухо прокомментировал Костиган.

— Мысль о возвращении через десять лет заставляет меня нервничать, — сказал Деван.

— Уже много десяти лет, — Оркатт встал и положил руку на плечи Девана. — Все мы в новом Чикаго многим обязаны вам и доктору, будет ли игла работать или нет. Если мы все-таки сможем вернуться в Чикаго и цивилизацию, тем больше будет наша благодарность за то, что Вы нам позволили, за то, что вы запомнили много того, что мы забыли, и за то, что Костиган трудился даже материально.

— Все работали над этим, — уточнили Деван и Костиган, - все приложили к этому руку.

— Во всяком случае, это помогло нам сплотиться, — сказал Оркатт. - Все в порядке?

— Я готов, - сказал Костиган — - но кто хочет туда попасть?

Оркатт положил руку на голову Джонни Селдена. - Вот, доктор. Мальчик покраснел.

- Но вы не можете послать парня!

- У него нет капсул, чтобы проиграть!

- Что думают ваши родители, Эд? - спросил Деван.

- Они дали ему полную свободу решения, и он подтвердил, что хочет идти. У него лишь смутное воспоминание о Чикаго. Во всяком случае, он не войдет полностью; только с головой. Ты готов, отродье?

Оркатт проводил мальчика до иглы, а Костиган включил машину.

— Вставай только до плеч, Джонни — - сказал Оркатт, — мы будем держать тебя на месте. И оставь свою руку на этой стороне, чтобы помочь тебе выбраться в случае опасности.

Парень смочил губы. Он сглотнул пару раз, а затем растянулся на полу лицом к игле, к которой он мало-помалу приблизился, в то время как Оркатт и Холкомб держали его одну ногу, а Джонсон и

Башер-другую.

— Удачи, - сказал Сэм Отто.

Голова мальчика постепенно исчезла, сначала волосы, потом уши, до плеч. Сначала его руки были жесткими и потными, затем он, казалось, расслабился, и все, кто с тревогой наблюдал за ним, увидели, что он поворачивается сначала в одну сторону, затем в другую.

- Но когда он выйдет, ради бога? - спросил Холкомб.

— Он только что вошел, - напомнил ему Костиган.

Деван мог представить, что видит мальчик. Пасмурное небо, луна, ветер, камни и трава, разве что погода, если даже погода была, тем временем не изменилась. Дождь мог быть, или быть только темным, без ветра и с чистым небом, или ночь была светлой, неподвижной с большой Луной и признаками жаркого дня…

Парень наконец вышел, помогая себе руками, потом сел и остался с закрытыми глазами, как измученный. Мужчины окружили его любопытными, но терпеливыми. Костиган выключил машину. Нервы Девана напряглись, ожидая откровения и его последствий.

- Ну? - сказал Сэм Отто, который не мог больше контролировать себя.

— Не знаю, - сказал мальчик.

- Чего ты не знаешь, сынок?

- Я не знаю, что видел.

- Ну, попробуй описать, как можешь.

- Было темно.…

Сэм поморщился.

— …влажно.

— Так это не Чикаго, - сказал Туксберри.

- Но это вполне может быть Чикаго. Там тоже темные и влажные части. Это зависит от мест.

— Пусть парень заговорит, - сказал Сэм — - он ничего не мог сказать, кроме того, что было холодно и темно.

— Тут другой запах, - сказал Джонни. - Но была только темнота, и я ничего не мог разглядеть вокруг.

И Деван подумал: “я мог бы сказать тебе, где ты был, малыш”.

— Канализация, — сказал Оркатт, - может быть канализацией. Какой смех, если бы это было так!

- Плохо пахнет?

- Нехорошо.

Деван не помнил запаха. Он не был особенно впечатлен этим.

- Возможно, это был подвал.

- Там не было воздуха.

— К черту, - сказал Оркатт. - Пойду посмотрю, а это значит, что доктор Ван Несс починит мне зубы. - Джонни в этот момент бросил на него укоризненный взгляд, и Оркатт попытался исправить это: — О, я не доверяю тому, что ты говоришь, мой дорогой. Это просто потому, что вы никогда не видели город, и может быть, что вы плохо различаете его аспекты, так что вам трудно интерпретировать то, что вы видели.

— Но я ничего не видел, - запротестовал парень.

“Мне нужно поговорить?”- спросил себя Деван. Но прежде чем она успела открыть рот, Туксберри сказал: - Какой смысл сунуть нам голову одну за другой, если известно, что нам нечего видеть! - Он снял очки и вытер их. - У парня хорошие глаза!

— Это может быть Чикаго во время потемнения, - сказал Сэм.

- Еще одна война, Сэм? О, нет!

— Я имею в виду, — сказал Туксберри, - что кто-то должен войти в него и посмотреть, Чикаго это или нет.

“Мы снова там. Надо было поговорить” - подумал Деван.

Башер пошутил. - Не могли бы вы указать мне, какой путь к выходу?

— Гленн тоже шутит, - сказал Оркатт — - но Говард прав. Вы должны сделать это.

— Нам всем интересно, кто войдет в иглу на этот раз, - сказал Туксберри, оглядываясь.

— Мальчик здесь, - сказал Оркатт, - единственный без капсул во рту. Но мы не можем заставить маленького мальчика делать то, что должен делать мужчина.

— А потом мы обещали его не пускать, - вмешался Холкомб.

Деван решил, наконец, сделать шаг вперед, чтобы сказать что-то, что заставило их остановиться, но выражение, которое он увидел на лице Туксберри, остановило его. У него был очень веселый вид.

— Господа, смотрите, пожалуйста, - сказал он и снял две части, составляющие зубные протезы, верхнюю и нижнюю.

— Но вы не можете войти, Говард, - сказал Оркатт.

- А почему бы и нет? Если это Чикаго, будьте уверены, я поговорю. И я вернусь очень быстро.

- Но если это не Чикаго … если вы не вернетесь…

— Давай, доктор — - продолжал Туксберри Костигану — - я готов.

Доктор посмотрел на него и, наконец, решил, обменявшись взглядом с Деваном, включить прибор.

Туксберри подошел и, прежде чем войти, снял очки. — Я использую их только тогда, когда читаю, - сказал он — - я смогу видеть даже без.

Мгновение спустя, вызвав легкий шум, он вошел, оставив свою одежду позади.

— Надеюсь и молюсь, чтобы вы вернулись, - сказал Башер.

— Все будет хорошо, - ответил Оркатт.

— Говард действительно изменился, — заметил Холкомб, - раньше он всегда был неразрешим.

Оркатт, закуривавший трубку, заметил: - заслуга Беатрис Трит.

Это было совершенно справедливо. В лагере не было более счастливой пары, чем Беатрис и Говард. Весь цинизм и горечь Туксберри постепенно исчезли после брака и большой работы по формированию Конституции, которая была принята с полной формулой гражданами нового Чикаго.

Разговор томился, все они молчали и волновались, уставившись глазами на иглу. Деван не мог себе представить, что Туксберри делает на этих пустынных скалах, и представлял, что отчаянно ищет путь назад.

Через пятнадцать минут, пятнадцать минут, которые были медленной агонией для всех, он наконец увидел, что в Игле появляется голова.

— Поздравляю, - сказал Туксберри, поднимаясь.

Затем она собрала свою разбросанную одежду.

- Это Чикаго?

- Что ты видел?

- Давай, Говард, не беспокойся!

Он не стал бы говорить до того, как был полностью одет. Наконец, поправив очки, он огляделся и улыбнулся. Он был на сцене, и никто не хотел мешать ему играть роль, в которой он чувствовал себя выдающимся исполнителем.

- Это Был Чикаго!

“Чикаго!”

Деван был взбешен.

Остальные толпились вокруг Туксберри, требуя разъяснений.

“Невозможно!”- сказал себе Деван. Он тоже вошел в иглу и не увидел, что пустыня и скала. Может быть, Туксберри лгал? Однако, пока остальные шумели, он молчал.

Когда наступила тишина, он заговорил: - это был Чикаго. Как только я вошел в иглу, я увидел то, что описал Джонни. Темно и холодно. Я немного постоял там, пытаясь понять, где я оказался, ощупывая землю под собой. Наконец они пришли к выводу, что это глинистая почва, пропитанная дождем.

“Я посидел некоторое время, затем встал. Я чувствовал легкую ариетту. Мои глаза немного привыкли к тому месту, где я был, я мог слышать легкие звуки, которые я слышал вокруг меня, звуки, которые заставляли меня бояться, что рано или поздно одна из явно присутствующих мышей придет ко мне на ноги. Поэтому я отошел на несколько шагов и увидел справа от себя вход. Я сделал семь с половиной шагов, пока не добрался до центра этого входа. После этого я вздохнул с облегчением, так как мог вернуться в иглу (на этот раз!) если бы я только пожелал. Все, что я намеревался сделать, это посмотреть на дверь, которая стояла передо мной в качестве ориентира.

“С другой стороны было больше света. На уровне глаз я увидел несколько окон без стекол. Я подумал, что это заброшенная конюшня, потому что из одного из окон я мог видеть звезды, а из других-стены соседних домов.

“С другой стороны подвала была лестница, по которой я шел, идя по высокому слою мусора и макулатуры. Поднявшись по скрипучим ступеням, я очутился в пустынной глуши за зданием и оттуда, через проход между двумя домами, вышел на улицу, напротив того места, откуда вышел.

“Я никого не видел, и я уверен, что меня никто не видел, потому что, если бы это случилось, они непременно позвонили бы кому-нибудь, как я был, голым, как червь.

“Но снаружи все было по-другому. Машины плескались прочь, так же быстро, как я забыл об этом. И еще я забыл, на что способны десять лет прогресса. И стоя там, в тени, я видел проходящих мимо людей, и в свете фонарей я видел их лица, обеспокоенные, нервные и напряженные лица, совсем не похожие на нас. И бледные. Все они шли очень быстро, или мне так показалось.

“Рискуя на мгновение показать себя, я наклонился вперед и поднял страницу. Он был из “Чикаго Трибьюн”. Лист объявлений. Когда я вышел на свет, я прочитал кое-что из этого. Обычные старые вещи. Очень востребованы стиральные машины, такие и такие, как раньше, как будто это время было вчера, только дата была сегодня утром.

“Я знал, что должен вернуться, но сначала я выбежал на тротуар и посмотрел в сторону петли. На небе виднелись красные блики-неоновые огни. Это был Чикаго, конечно. Затем машины начали замедляться, я услышал крики людей и понял, что меня

заметили. Я бросился в безопасное место, избежав банды маленьких мальчиков, которые внезапно парили передо мной""

Туксберри замолчал и улыбнулся. - Бесполезно объяснять, как. Я просто проскользнул в одно из окон подвала, нашел дверь и залез сюда, Как видите.

Деван не мог поверить тому, что слышал, и видел такое же выражение сомнения и в Костигане.

Все некоторое время молчали. Затем Оркатт спросил: - Это все, что вы видели, Говард? Все?

— Да, - ответил он.

- А как были машины? - спросил Башер.

- Они не издавали привычного нам шума. И они показались мне ниже, стройнее и быстрее.

— Короче говоря, — сказал Сэм Отто, - что нам теперь остается сделать, так это запустить иглу и пропустить нас всех.

— Все улажено, - вмешался Оркатт, внимательно разглядывая Туксберри. - Совет уже определил, что делать в этом случае. Завтра в десять утра жители Нового Чикаго соберутся здесь. Тем временем мы установим порядок приоритета и обеспечим, чтобы члены одной семьи могли проходить друг за другом.

— Дайте мне выпить, - сказал Костиган. - Для комбинации у меня здесь достаточно стаканов для всех.

- И что-нибудь, чтобы положить в него? - спросил Сэм Отто.

— Самое время выпить, чтобы отпраздновать, - сказал Башер.

- Как мы будем предупреждать людей, Оркатт? - спросил Холкомб.

- Он поручил Джонсону пройти со своими людьми по всем домам, объясняя каждому, что делать.

Вино закрутили, и какое-то время все молчали. Возможно, они должны были быть веселыми и беззаботными, но вместо этого они понимали серьезность ситуации.

— Будет иначе, — сказал Отто, - вернуться в Чикаго. Интересно,

будут ли мои друзья скучать по мне?

- Это будет выглядеть очень странно, не так ли?

— Мы прекрасно провели время здесь, — сказал Туксберри. - Только здесь я нашел счастье.

- Могу я пойти и рассказать об этом своим? - спросил мальчик, который до этого момента молчал.

- Иди, - сказал он, - расскажи, - и он выбежал.

Затем Туксберри, зевнув, проявил желание лечь спать.

— Завтра отличный день, - сказал он.

— Я тоже приеду, - согласился Оркатт.

- Могу я поговорить с вами? - спросил Деван у Туксберри, оставив Оркатта и доктора. Туксберри кивнул, и они вышли на свежий ночной воздух.

- Я должен вам кое-что сказать, Говард.

- Что? - Туксберри косо уставился на него.

- Я попал в иглу прошлой ночью.

- Правда?

- И я не видел ничего, кроме скалы, пустынной скалы, где мог простираться глаз. И единственное, что я увидел, это траву.

- Удручающее зрение.

- Разве вы не видели то же самое?

- Я никому не скажу, что вы попали в иглу, Дэв.

- Почему вы сказали им, что это Чикаго?

- А почему вы не сказали, что это не так, Дев?

- Вы видели то же самое, что и я?

— Это Чикаго, - сказал Туксберри. - Это, должно быть, Чикаго, вы должны в это поверить, Дев.

19

Один из мужчин Джонсона разбудил Девана утром, энергичным стуком в дверь, чтобы напомнить, что собрание было в десять часов в лаборатории Костигана.

— Простите, сэр, — сказал он, когда Деван оказался перед ним в пижаме. - Мы должны позвонить всем. Вы понимаете.

— Конечно.

- Вы предупредили миссис Трейлор?

- Пока нет. - Потом, видя, что милиционер всегда рядом: - но я буду, - добавил он.

Когда Деван вернулся домой накануне вечером, он был полон решимости поговорить. Но чем больше он думал об этом, задаваясь вопросом, Что означают слова Туксберри и его такое странное поведение, тем больше убеждал себя, что должен молчать. Если бы лагерь знал, что вы не можете вернуться в Чикаго, произошел бы общий хаос. Но разве не было бы хуже собрать там всех людей и потом объявить, что вернуться нельзя?

Она надеялась, что Туксберри знает, что она делает, и, хотя ей казалось, что ее поведение было по крайней мере странным, тем не менее она внимательно следила за тем, чтобы сказать Бетти, что надежды на возвращение не существует.

Готовя завтрак, Бетти побледнела, и Деван подумал, что ее лицо тоже должно быть таким же. Одно он знал: его разум был слишком одержим мыслью о игле, о людях, о Туксберри и о том, говорить ли Бетти правду или нет. В результате завтрак остался у него на животе.

Когда он был готов спуститься в лабораторию, Деван сказал, как бы невзначай: - мне пора. Ты меня там догонишь?

Бетти провожала его до двери. На глазах у нее чуть не навернулись слезы. Он слегка поцеловал ее, Бетти обхватила руками его шею.

- Деван.

- В чем дело?

- Деван. - Она не хотела отпускать его. — Мы были очень счастливы вместе все эти годы.

Сердце его забилось от такой нежности, что в голове у него возникло смутное чувство, оставив его как ошарашенного.

- Знаю, - успел сказать он.

— И, Деван, - ее руки все еще опоясывали его, губы упирались в его ухо, - мы не перестаем быть счастливыми. Останемся здесь. Я не хочу возвращаться. А ты?

Он крепко, радостно сжал ее.

- Я не хочу возвращаться, Бетти. - Было замечательно так просто узнать правду, которую он так долго скрывал. - Я никогда не хотела возвращаться.

Бетти взяла его под руку и посмотрела на него с сияющим выражением. - Хотя нас останется только четверо: ты, я и дети.

— Мы всегда будем вместе, — сказал Деван, - здесь.

Утро было прохладным и светило ярким солнцем. Озеро было почти завершением неба. Блики света плясали на разбивающихся о берег волнах.

Если бы в воздухе не было таких важных вещей, наверняка кто-то нырнул бы туда. Детей, которые обычно играли на берегу, не было. Все население Нового Чикаго собралось в лабораторию игл.

Люди приходили группами, некоторые люди были изолированы, и никто не брал с собой свои вещи, прекрасно понимая, что от иглы ничего не может пройти. Оркатт стоял перед большим сосудом, что-то вроде доски объявлений, в которой были сложены полоски бумаги с цифрами. Деван помогал Джонсону в списке имен, которых было пятьсот тридцать одно, включая имя последнего рожденного, увидевшего свет тем же утром.

Джонсон сказал, что его люди были во всех домах и что мало людей не хватает: кто-то, кто охотился вокруг, и двое других, которые уехали на месяц в разведку.

Мужчины теперь разговаривали и задавали вопросы.

Как могли пройти в иглу стационары? Оркатт объяснил, что они

пройдут через некоторое время и что, следовательно, нужно, чтобы кто-то остановился, чтобы ждать их. Что касается тех, кто находится в разведке, то он что-то сделал бы.

Но Деван не думал о различных проблемах, поднятых в то время. Он думал о том, что сказала ему Бетти, и его сердце ликовало, когда Бетти, которая, хотя и не знала, что в Чикаго он никогда не вернется, все же хотела остаться там. Это давало ему ощущение свободы и отстраненности от всего остального, чего он не чувствовал годами. Именно тогда он понял, что игла, в случае его и Бетти, была не чем иным, как доброжелательным инструментом счастья.

По совершенно непостижимым причинам, которые даже те, кто испытывает эти чувства, не могут объяснить, Деван почувствовал, что Бетти была там, среди людей, и, обернувшись, увидел ее.

Они улыбнулись друг другу.

Его счастье остаться было только омрачено мыслью о том, что все, кто стоял там в ожидании, были убеждены, что они могут вернуться в Чикаго. Что произойдет, когда они узнают, что в Чикаго вы никогда не сможете вернуться?

Деван поднял глаза и увидел рядом с собой Костигана. — О Туксберри… - начал доктор вполголоса.

Деван улыбнулся и сказал: - позже, доктор.

- Дамы и господа из Чикаго, - Оркатт стоял на столе — - и дети. - Засмеялся кто-то. Оркатт выглядел как обычно уверенно. и как всегда хозяин толпы. Но что было бы с его магнетической личностью, если бы он тоже узнал, что он говорит ложь?

- Наконец-то наступил долгожданный для нас день. Чтобы построить эту машину, нам пришлось обойтись без многих вещей, и Деван Трейлор, здесь, и доктор Костиган, далее, доктор, покажите, они не теряли времени (я не говорю о расходах, потому что здесь у нас нет денег), чтобы провести подготовку к завершению. Вчера вечером ваши представители собрались здесь, в здании иглы, и Говард Туксберри, кто-нибудь видел Говарда?, он попал в иглу и сумел провести несколько минут в Чикаго. Он не мог дать очень широкие детали, потому что это была ночь, но он уверяет, что это Чикаго. Действительно, чтобы доказать это, он прочитал небольшой кусочек “Чикаго Трибьюн”, который, естественно, не мог взять с собой.

“Некоторое время назад Совет, зная, что машина почти закончена, изучил проблему прохода и приоритета, который должен быть назначен при входе в нее. Я думаю, вы все согласны с тем, что практически невозможно собраться вместе. Поэтому мы написали так много карточек, пронумерованных от 1 до 250, с идеей, что человек, которому будет присвоен номер, проходит, конечно, в прогрессивном порядке по отношению к другим, в Игле, только или со всей семьей для тех, у кого есть один. Теперь вы можете прийти сюда, все в очереди, чтобы забрать свой номер. Есть вопросы?

Он поднял руку: это был Гас Нельсон.

- Да, Гас.

— Мистер Оркатт, - сказал он, - человек, у которого есть номер один, сразу попадает в иглу или ждет, пока другие получат свои номера?

— Придется подождать, Гас, - ответил ему Оркатт. - Мы начнем парад, как только у каждого будет свой номер и будет установлен порядок. Еще вопросы?

Человек в толпе хотел узнать, как выглядит Чикаго, который видел Туксберри.

- Говард говорит, что это та самая, с которой он познакомился тогда.

— Этого я и боялся, - сказал мужчина.

Люди засмеялись.

— Отлично, - сказал Оркатт — - мы все готовы? Приходите все с заказом, чтобы забрать ваши номера.

“Теперь, - подумал Деван, - ничего другого не случится, что все придут забрать свои номера и обнаружат, что за иглой нет Чикаго”.

Оркатт снял с доски первый номер. Никто не двигался.

Люди сами были поражены.

Оркатт вернулся к столу. - Вы меня не слышали? Вы не хотите взять билеты, а затем попасть в иглу? Это вернуться в Чикаго.

Теперь люди улыбались, а некоторые смеялись.

- ГАС! - сказал Оркатт. - ГАС Нельсон. Сначала вы спросили, Можно ли сразу попасть в иглу. Не хочешь свою записку?

Нельсон покачал головой. - Нет, мистер Оркатт. Я просто из любопытства спрашивал, что может случиться с человеком, у которого был “номер один”. Я знал, что не возьму ни того, ни другого номера, так как не уйду отсюда.

- Ты здесь? И почему?

- У меня есть работа. Обработка стали важна, тем более что я изучаю новый тип углеродистой стали. Я просто не могу отказаться от этого.

Потом робко улыбнулся: - к тому же есть еще одна причина-женщина. Мы долго говорили об этом и решили, что останемся здесь.

Ропот прошел сквозь толпу.

Затем раздались длительные аплодисменты, которые нарастали до тех пор, пока все не присоединились к ним. Затем он успокоился.

- Могу я вам сказать, почему мы не хотим возвращаться?

- Раздался голос доктора Ван Несса. Все повернулись на его сторону.

- Если я вернусь в Чикаго, я останусь без работы. Я слишком стар. Мне исполнилось шестьдесят пять, и люди уже тогда говорили мне: “почему бы тебе не отступить и не уступить место какому-нибудь новому элементу?”. Даже коллеги говорили мне об этом. Так я и сделал. Я отступил, и тогда жизнь стала для меня грустной и бесцельной. И теперь, здесь, я нашел новый повод жить. Я много работал, ухаживал за зубами каждого, и я горжусь этим. Действительно, мне очень жаль, что все пломбы потеряны при переходе от иглы.

“Кроме того, у меня есть три молодых помощника, которые делают хорошую работу. Надеюсь, они останутся здесь. Мы будем лечить зубы тех, кто остановится. И, как и в прошлом, это ничего не будет стоить””

— Если вы думаете, что я вернусь в мрачный Чикаго, — сказала миссис Петри, — вы ошибаетесь. Все, что я там делал, это вязал, слушал радио и посещал встречи руководителей. Вы знаете, Оркатт, со мной никогда не случалось ничего интересного до того, как я попал в иглу, и для меня это был замечательный опыт: работа с ткацким станком, из которого сделана вся ваша одежда. Теперь я начал новый тип ткани, и я просто не могу отказаться от нее, и у меня есть другие. Те, кто думает, что я сажаю здесь все, чтобы вернуться к спицам и радио, сошли с ума.

Раздались бесконечные аплодисменты.

Деван был очень тронут. Он подошел к столу и поискал Бетти глазами. Она увидела его, и они радостно попрощались.

Затем мужчина встал, протягивая руки, чтобы попросить тишины.

- Многие из вас меня знают. Меня зовут Элмо Ходж. Если вы не знаете меня слишком хорошо, это потому, что я всегда был занят созданием телескопов и созданием карт. К черту теперь продуктовый магазин! Я останусь здесь.

Люди засмеялись, и он продолжил:

- Я вижу здесь людей, которые в Чикаго просили у меня денег. Вы жили в ужасный период инфляции, помните? Ну, я хочу остаться здесь не только для того, чтобы делать телескопы, но и потому, что мне надоело заполнять формы и представлять, выставленные государству и правительству, в два раза, в три раза, в пять раз. И вы хотите вернуться ко всему этому?

Люди закричали: - Нет.

Ходж сел.

Затем оркатт обратился к Эрику Суддуту: — а вы, Эрик, не хотите возвращаться?

- Я еще не закончил свою работу. Библия еще не завершена. Осталось еще несколько вещей, которые я хочу закончить, прежде чем вернуться, если я вернусь.

— Нам больше не нужна игла, - прокричал кто-то.

- Без иглы мы можем многое сделать.

- Позвольте нам использовать кусочки иглы для того, что нам нужно.

- Сожгите его!

- Разорвите его на части!

- Голос Оркатта поднялся выше всего.

— Нет, - сказал он — - мы не сломаем его. Нам нужны его части. Мы разберем его и воспользуемся им. Нам еще предстоит построить много вещей: радиостанцию, самолет. И у нас нет автомобилей. У нас еще есть много исследований. И теперь, когда игла больше не занимает наше время, мы сможем лучше изучить место, где мы находимся. И мы будем делать карты, географические карты. У нас так много дел.

Костиган достал бутылки с вином и бокалы.

Теперь, когда напряжение прошло, люди смеялись, безмятежно разговаривали и строили планы на будущее.

Однажды Деван посмотрел на Оркатта и подумал, знает ли он. Но он не мог этого знать, потому что в курсе были только Туксберри, Костиган и он. Только теперь Деван понял, что хотел сказать Туксберри с “верой в Чикаго”. Люди должны были прийти к себе, чтобы отречься от нее и понять, что там нет счастья. Но он также должен был поверить, что у него есть шанс вернуться.

- Почему вы смотрели на меня? - спросил Оркатт. - Не отвечайте мне. Думаю, я знаю. Как человек может оставить свои очки с одной стороны иглы и прочитать “Чикаго Трибьюн” с другой? Это то, что вы думаете?

- Что-то вроде этого.

— Там была пустыня, - сказал Туксберри. Беатрис стояла у него за спиной. - Я долго стоял на этом просторе скал. Был только покой и тишина. Поэтому я подумал о том, что я мог бы сказать. Это было единственное, что нужно сделать, не так ли?

— Да, - ответил Деван — - я в этом убежден.

Бетти, которая сидела рядом с ним, пожала ему руку, и они вместе наблюдали, как дети убегают, бегая на солнце.

Внезапно их внимание привлекли крики, доносившиеся с озера.

Деван подумал: “кто-то упал в него”.

Многие поднимались на вершину небольшого песчаного холма и смотрели вниз, указывая на точку на воде.

Человек плавал у берега. Его белые руки особенно поразили загорелых горожан нового Чикаго.

Когда он приблизился, он начал медленно выходить из воды.

Он был голым. Улыбается.

Он кивнул в знак приветствия людям, стоявшим там, на холме.

КОНЕЦ